

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

О. А. ГУЛЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2011

УДК 159.9
ББК 88
Г 94

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Гулевич О. А.

Г 94 Социальная психология справедливости. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 288 с.
ISBN 978-5-9270-0221-4

УДК 159.9
ББК 88

Книга посвящена одному из ключевых понятий российской культуры – социальной справедливости. Автор рассматривает психологические аспекты этого феномена: обыденное понимание справедливости, а также ее роль в личных, деловых и общественно-политических отношениях.

Книга будет интересна широкому кругу специалистов в области общения и социально-политических процессов: психологам, социологам, политологам, экономистам, культурологам.

© Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН, 2011
© О. А. Гулевич, 2011

ISBN 978-5-9270-0221-4

Содержание

Введение	7
Глава 1. Справедливость как критерий оценки взаимодействия	9
Социально-психологический подход к изучению справедливости	9
Основные компоненты справедливости	11
Источник информации о соблюдении норм справедливости	27
Глава 2. Цели соблюдения справедливости	42
Справедливость как средство получения личного вознаграждения	43
Справедливость как средство сохранения группы	52
Справедливость ради справедливости: теории морального развития	58
Справедливость как средство сохранения когнитивного баланса	62
Глава 3. Регулятивная функция справедливости	68
Справедливость и оценка участников взаимодействия	70
От оценки к эмоциям: роль справедливости взаимодействия	74
Намерения и поведение человека: влияние справедливости общения	78

Атрибуция справедливых и несправедливых поступков	85	Справедливость в межгрупповом общении: роль ингрупповой идентификации	209
Способы восстановления справедливости	102	Индивидуально-психологические особенности и справедливость межгруппового общения	216
Условия влияния справедливости	111	Заклучение	219
Глава 4. Справедливость как результат социального дискурса	123	Литература	222
Возникновение и трансформация значений справедливости .	123	Приложения	277
Значения и нормы справедливости: модель шести компонентов	135		
Явные и скрытые понимания справедливости	145		
Глава 5. Выбор норм справедливости: от особенностей общества к характеристикам ситуации	151		
Социетальный «фильтр»: межкультурные различия в понимании справедливости	152		
Групповой «фильтр»: роль референтных групп	157		
Цели взаимодействия и понимание справедливости: теоретические предпосылки изучения	165		
Личностный «фильтр»: ценности, мотивация, Я-концепция . .	176		
Ситуационный «фильтр»: близость отношений и статус участников	181		
Значения и компоненты справедливости: роль в регуляции взаимодействия	186		
Глава 6. Справедливость в межгрупповых отношениях . . .	194		
Мир как поле конкуренции: конфликтность межгруппового общения	195		
Межгрупповая дифференциация как форма несправедливого обращения	196		
Справедливость как измерение межгрупповой дифференциации	202		
Регулятивная функция справедливости: межгрупповая специфика	207		

Введение

Справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры. Первое представление о ее сущности, формах и роли в обществе возникло в социальной философии. Постепенно это слово стало активно использоваться в разговорной и письменной речи при обсуждении различных социальных проблем. Во многих сообществах справедливость приобрела статус ценности наряду с безопасностью, миром, порядком, свободой, семьей и трудом, а ее восстановление стало одним из мотивов поведения людей. Для ее достижения были выработаны определенные социальные нормы, соблюдение которых стало важным критерием оценки социального взаимодействия.

Особенно большую роль справедливость играет в обыденном сознании россиян (Зараева, 2008), ее рассматривают в качестве элемента моральных и правовых представлений (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996; Николаева, 1993, 1995), учитывают соответствующие нормы при оценке экономических, политических и правовых отношений (Бойков, 2004; Голенкова, Игитханян, 2006; Митрошенков, 2004; Темницкий, 2005; Шабанова, 2007).

Слово «справедливость» часто фигурирует в названии политических партий и общественных движений: «Справедливая Россия!», «За справедливость!», «За свободу и социальную справедливость», «Республиканская партия труда и справедливости», «Справедливость и развитие», «За равноправие и справедливость». Оно используется в названии антикоррупционного портала, программы на телевидении, печатных изданий...

Восприятие справедливости как социальной ценности, являющейся ориентиром при постановке целей и задающей направление

активности, делает актуальным изучение вопроса о ее содержании. Каждая эпоха и культура порождает свои представления о справедливости. В ходе социализации человек усваивает эти стандарты, соотносит их с другими психологическими образованиями (Бобнева, 1978). Лишь будучи присвоенными, распространенными в культуре понимания справедливости начинают оказывать влияние на оценки, эмоции и поведение человека.

Как люди понимают справедливость? Какую роль обыденное представление о ней играет в социальном взаимодействии? На эти вопросы мы попытаемся ответить в этой книге.

Глава 1

Справедливость как критерий оценки взаимодействия

Социально-психологический подход к изучению справедливости

Справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры. Первое представление о ее сущности, формах и роли в обществе возникло в социальной философии. На протяжении многих веков философы рассматривали справедливость как основной принцип, лежащий в основе идеального общественного устройства, обеспечивающий кооперацию между людьми и, как следствие, выживание человечества.

Первоначально считалось, что справедливость существует вне зависимости от человека и общества в целом. Она является мостом между двумя мирами – космическим (божественным) и земным. Понимание и соблюдение ее требований позволяет привести общественную систему в соответствие с законами мироздания, т. е. создать идеальное общество, и поэтому относится к числу главных человеческих добродетелей.

Постепенно идея о космическом (божественном) происхождении справедливости утратила популярность. Это слово стало использоваться прежде всего для обозначения общественного устройства, созданного в результате человеческой деятельности и обеспечивающего наилучшие условия существования максимальному количеству граждан.

Такое понимание справедливости предполагает самостоятельность и активность людей. Отныне человек рассматривается как существо, способное поставить цель и выбрать путь для ее достижения. Пробуждается интерес к его внутреннему миру, в том числе к систе-

ме представлений о себе и об окружающих. Все большее внимание привлекают субъективные интерпретации происходящего.

Как следствие, в начале 1960-х годов специалисты, проявляющие интерес к справедливости, ставят вопрос о ее обыденном понимании: что люди считают справедливым? как реагируют на ее нарушение? на что готовы ради ее восстановления? Так рождается социально-психологический подход к изучению справедливости.

За прошедшие годы в его рамках возник целый ряд теорий, описывающих структуру, функции, причины и условия соблюдения справедливости. В их основе лежит несколько положений, задающих основное направление изучения этой проблемы (рисунок 1).

1. Предметом социально-психологических исследований является общая оценка справедливости взаимодействия, которая складывается из соблюдения ряда социальных норм, функционирующих в рамках социальной группы и затрагивающих как процесс общения (информационная, процедурная, межличностная справедливость), так и его результат (дистрибутивная справедливость). Они классифицируются людьми на основе

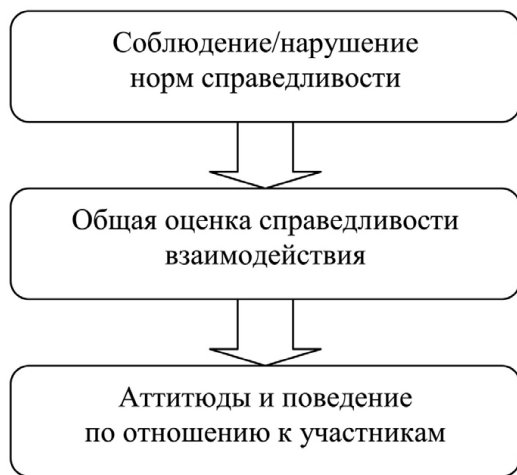

Рис. 1. Роль справедливости в социальном взаимодействии: традиционный подход

формального признака – стадии общения. Содержание этих норм универсально, т. е. не зависит от исторического и культурного контекста и хорошо известно участникам взаимодействия.

2. Оценивая общение, люди следят за соблюдением норм справедливости, которое считают средством достижения определенной цели. В зависимости от концепции, это может быть получение индивидуального вознаграждения, включение в социальную группу, сохранение психологического благополучия и реализация «должного».
3. Общая оценка справедливости взаимодействия выполняет регулятивную функцию: оказывает влияние на аттитюды и поведение участников.
4. Регулятивная функция справедливости наиболее ярко проявляется в ходе межличностного общения.

В первой, второй и третьей главах мы рассмотрим, каким образом эти положения конкретизируются в рамках существующих моделей справедливости.

Основные компоненты справедливости

Первое базовое предположение, лежащее в основе социально-психологического подхода, гласит, что, вступая во взаимодействие, люди оценивают его справедливость. При этом они ориентируются на соблюдение целого ряда социальных норм¹. В связи с этим возникает два основных вопроса. Каково содержание норм и каким образом осуществляется их классификация? Откуда люди получают информацию об их соблюдении или нарушении?

¹ Такое понимание общей оценки справедливости лежит в основе всех сформулированных к настоящему времени психологических концепций, за исключением теории защиты ценностей (см. главу 2). Ее сторонники приравнивают «справедливое» к «добру» и применяют это слово для характеристики любого взаимодействия, исход которого соответствует доминирующим у человека ценностям. Таким образом, ее последователи отрицают наличие какого-либо устойчивого понимания справедливости и тем самым игнорируют вопрос о его содержании. Однако эта точка зрения пока не получила широкого распространения и подвергается постоянной критике.

Первый вопрос затрагивает психологическую структуру обыденного понимания справедливости. Следуя традиции, заложенной в социальной философии, современные психологи четко разделяют нормы, регулирующие процесс взаимодействия и его результат. По их мнению, эти нормы образуют четыре основных компонента: информационный, процедурный, межличностный и дистрибутивный. Первоначально эта идея носила характер предположения, требующего дополнительной проверки. Однако проведенные впоследствии эмпирические исследования продемонстрировали наличие такой классификации на уровне обыденного сознания.

Справедливость результата: нормы дистрибутивной справедливости

Первое развернутое представление о справедливости результата содержится в работах Аристотеля. Нормы, связанные с исходом взаимодействия, он назвал содержательной справедливостью. Взяв за основу взаимное положение участников, он выделил три основных аспекта оценки результата: воздающую, дистрибутивную и меновую справедливость.

Воздающая справедливость регулирует действия человека, который вознаграждает или наносит ущерб другим людям, совершившим или собирающимся совершить поступок, затрагивающий его интересы. Другими словами, эта справедливость подразумевает, что один участник взаимодействия воздает другому добром или злом за реальное или воображаемое добро/зло, которое уже было совершено или может быть совершено в будущем. Следовательно, воздающая справедливость не связана с наличием договора, совместной деятельностью и взаимными ограничениями.

Воздаяние может быть равным, уменьшающим различия между людьми, или пропорциональным, увеличивающим их. В первом случае действия одного человека полностью компенсируют действия второго, т. е. воздаяние осуществляется по принципу «око за око». Во втором случае воздаяние учитывает не только полученный результат, но и другие факторы, например возраст и статус человека, его социальную опасность. Так, при назначении наказания за совершенное преступление принимается во внимание не только ущерб, нанесенный потерпевшему, но и предыдущий криминальный опыт преступника.

Таким образом, воздающая справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, которые отвечают на действия друг друга, ориентируясь на объективный критерий (размер вознаграждения/ущерба или иные обстоятельства).

Дистрибутивная справедливость играет важную роль при определении размера вознаграждения за проделанную работу, если ее выполняло несколько человек. Это распределение производит «третья сторона» – работодатель, государство и т. д., т. е. лицо, которое не принимает непосредственного участия во взаимодействии. Оно может быть равным или пропорциональным. В первом случае все участники получают одинаковое вознаграждение, а во втором – соответствующее заранее определенному критерию (например, по заслугам, достоинству или потребностям). Таким образом, дистрибутивная справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, выполняющими совместную деятельность, при условии, что источником справедливости является человек, не принимающий непосредственного участия в общении.

Меновая справедливость регулирует процесс обмена благами между людьми или группами. Она возможна в том случае, когда разные участники взаимодействия вступают в добровольные отношения, основанные на взаимной выгоде. В отличие от дистрибутивной, меновая справедливость осуществляется без помощи посредника. В условиях равного обмена каждый человек получает «товар», ценность которого соответствует отданному. При пропорциональном обмене ценность полученного вознаграждения определяется иными факторами, например социальным положением человека. Таким образом, меновая справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, заключившими договор, т. е. связанными взаимными обязательствами.

Работы Аристотеля являются единственным известным философским источником, в котором содержится подробный анализ различных аспектов справедливости результата. Авторы более поздних философских теорий, как правило, отдавали предпочтение одному из них, игнорируя другие. Обсуждая связь справедливости с законом, они обращали внимание на воздающую справедливость, рассматривая ее роль в экономической жизни общества – на дистрибутивную (например, Дж. Ролз, А. Макинтайр) или меновую (например,

Р. Нозик, Д. Готиер). Именно поэтому можно с уверенностью говорить о том, что современное понимание справедливости результата, характерное для Западной Европы, Северной Америки и в определенной степени – России берет свое начало в древнегреческой философии.

Однако в рамках социально-психологического подхода представление о справедливости результата существенно упростилось. В частности, психологи не проводят специального различия между воздаянием, распределением и обменом, полагая, что вне зависимости от взаимного положения участников и наличия общей цели, определяя справедливость результата, люди руководствуются одними и теми же нормами.

Конечно, справедливость результата подразделяется на дистрибутивный и карательный компоненты. Первый связан с распределением вознаграждения, а второй – наказания. Однако в эмпирических исследованиях карательная справедливость сужается до воздаяния за нанесенный ущерб и рассматривается исключительно в контексте судебных решений. При этом в ее состав включаются нормы, аналогичные принципам дистрибутивной справедливости. Поэтому в дальнейшем мы будем называть справедливость результата дистрибутивной справедливостью, при необходимости указывая тип распределяемых ресурсов (вознаграждение или наказание).

Современное представление о принципах дистрибутивной справедливости начало формироваться в 1960-е годы в рамках теории беспристрастности Дж. Адамса. К настоящему времени в ее состав включают шесть основных норм.

1. В соответствии с нормой беспристрастности, вознаграждение и наказание человека определяются его вкладом во взаимодействие. Справедливым считается получение большего вознаграждения теми, кто проделал большую работу, оказал большую помощь и получил лучший результат. В то же время более серьезного наказания достоин человек, нанесший окружающим больший ущерб. В западноевропейских и североамериканских странах распределение по заслугам рассматривается как основная норма дистрибутивной справедливости и со времени возникновения теории беспристрастности фигурирует в большинстве исследований.

2. Согласно норме распределения по усилиям, размер вознаграждения и наказания определяется усилиями, которые человек приложил при совершении поступка, например затраченным временем, объемом проанализированной информации и т. д. Справедливым считается такое распределение, при котором большее вознаграждение получает тот, кто приложил большие усилия при совершении социально желательного поступка, а большее наказание – тот, кто сделал это при совершении социально нежелательного (Farwell, Weiner, 1996; Lamm, Kayser, Schanz, 1983; Leventhal, Michaels, 1971). Некоторые психологи приравнивают эту норму к предыдущей. Вероятно, они полагают, что результат взаимодействия находится в прямой зависимости от приложенных усилий.
3. В соответствии с нормой распределения по способностям (возможностям), справедливым считается взаимодействие, в ходе которого наиболее способный человек, совершивший социально желательный поступок, получает большее вознаграждение, а социально нежелательный – наказание, чем менее способный (Rusbult, Campbell, Price, 1990; Rusbult et al., 1990).
4. Согласно норме распределения в соответствии с позитивностью личности, справедливым считается большее вознаграждение хорошего человека и наказание – плохого (Farwell, Weiner, 1996; Pepitone, Armand, 1996).
5. Согласно норме распределения по потребностям, справедливым является большее вознаграждение и наказание тех участников взаимодействия, которые больше других нуждаются в них (Bar-Hillel, Yaari, 1993; Elliott, Meeker, 1986; Meeker, Elliott, 1998; Wagstaff, Worthington, 1997).
6. В соответствии с нормой равенства, справедливым считается равномерное распределение вознаграждения и наказания между всеми участниками общения¹.

Некоторые психологи разделяют нормы дистрибутивной справедливости по степени, в которой они учитывают вклад человека

1 В некоторых исследованиях были выделены и более оригинальные нормы, например, распределение в соответствии с обещанием, а также в зависимости от активности жертвы несправедливости.

в конкретное взаимодействие. К числу так называемых «дифференцирующих» относятся нормы беспристрастности, распределения по усилиям и способностям. Их применение позволяет учесть результат, достигнутый человеком в ходе текущего общения. Наиболее типичной «дифференцирующей» нормой является беспристрастность, в меньшей степени – распределение по усилиям. Распределение по способностям находится на границе между «дифференцирующими» и «недифференцирующими» принципами. Связь между этими нормами особенно хорошо заметна у российских респондентов, которые одновременно ассоциируют распределение по вкладу с беспристрастностью, усилиями и способностями (Макдональд, 2011).

«Недифференцирующие» нормы предполагают распределение вознаграждения и наказания на основе психологических характеристик участников взаимодействия. Наиболее ярким представителем этого типа является равенство, в меньшей степени – распределение по потребностям. Распределение по позитивности занимает промежуточное положение¹ (Sabbagh, 2005) (рисунок 2).

В зарубежных странах наибольшее внимание уделяется нормам беспристрастности и распределения по усилиям. Они фигурируют в наиболее известной теории дистрибутивной справедливости – теории беспристрастности. Ее популярность, по-видимому, определяется культурным контекстом, в котором проводится большинство исследований. Лидерами по их количеству являются англоязычные страны, прежде всего, США, в меньшей степени – Великобритания, Австралия, Канада. Среди жителей этих стран, имеющих европейские корни, распространена протестантская идеология, подчеркивающая необходимость индивидуальных усилий. Ее влиянию подвергаются и психологи, планирующие исследования, и их респонденты.

Распределению по потребностям и равенству зарубежные психологи придают меньшее значение. Как правило, они рассматривают эти нормы в качестве альтернативы беспристрастности и усилиям.

1 Некоторые психологи полагают, что, в отличие от «дифференцирующих», «недифференцирующие» нормы справедливости нельзя рассматривать как однородное образование, поскольку они отражают не один, а два разных принципа: равное вознаграждение и ориентация на индивидуальные различия между участниками. Их объединение имеет смысл только в условиях противопоставления распределению по заслугам.

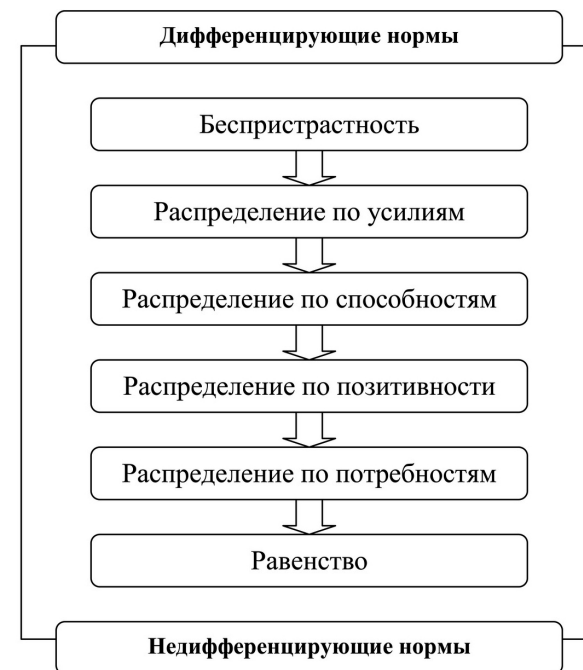

Рис. 2. Классификация норм взаимодействия по степени дифференцированности

Чаще всего, эти принципы упоминаются в кросс-культурных исследованиях, проводящихся с участием представителей не только индивидуалистских, но и коллективистских культур. Совсем редко встречаются исследования, в которых затрагивается распределение по способностям и позитивности. Возможно, это связано с неопределенным характером этих принципов: они занимают промежуточное положение между дифференцирующими и недифференцирующими нормами.

В немногочисленных российских исследованиях приоритет также отдается норме беспристрастности и распределению по усилиям, однако некоторое внимание уделяется и другим принципам – равенству, распределению по потребностям и способностям (Алишев, Анিকেенок, 2007; Бойков, 2004; Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, Голынчик, 2004б; Патрушев, Бессикирная, 2003; Петухов, 2004; Темницкий, 2005).

Разнообразие норм чрезвычайно затрудняет составление общей формулы справедливого распределения ресурсов. Поэтому существующие представления носят чрезвычайно общий характер (Jasso, Resh, 2002).

Как взаимодействуют между собой разные нормы дистрибутивной справедливости? Этот процесс подчиняется двум основным правилам (Adams, Freedman, 1976; Leventhal, 1976).

Когда их требования не противоречат друг другу, происходит взаимное усиление. Например, если большую часть работы проделал человек, сильнее других нуждающийся в деньгах, участники считают справедливым назначить ему большее вознаграждение, чем положено в соответствии с нормой беспристрастности.

В противном случае люди выбирают одну норму из нескольких возможных. Типичным примером является противоречие между нормами беспристрастности и распределения по усилиям, с одной стороны, и распределением по потребностям и равенством, с другой. Как правило, в подобных ситуациях участники взаимодействия выбирают одну из них или идут на компромисс.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении разных норм дистрибутивной справедливости имеет не только научное, но и прикладное значение, он редко подвергается специальному исследованию. Возможно, это происходит благодаря широко распространённому соотношению справедливости с распределением по заслугам. В этих случаях нормам беспристрастности и распределения по усилиям придается универсальный характер, а «недифференцирующие» принципы справедливости считаются своеобразным отклонением.

Нормы дистрибутивной справедливости играют важную роль в самых разных отношениях: от родственных и дружеских до экономических, правовых и политических. Однако, оценивая справедливость взаимодействия, люди принимают во внимание не только результат, но и процесс его получения.

Справедливость процесса: нормы информационной, процедурной и межличностной справедливости

Впервые о справедливости процесса взаимодействия заговорил Аристотель. Подробно описав содержательную справедливость, он, тем не менее, уделил некоторое внимание формальной и процедур-

ной. Под процедурной он понимал совокупность норм, обеспечивающих справедливость результата вне зависимости от обстоятельств; под содержательной – последовательность в применении норм содержательной и процедурной справедливости.

Эти идеи стали популярны в Новое время и до сих пор являются краеугольным камнем философских теорий, созданных в русле либерального направления (Р. Нозик, Д. Готтиер, Дж. Ролз). Рассуждая о справедливом устройстве общества, его сторонники берут за основу несколько основных принципов, среди которых (Кашников, 2004; Карнаш, 2006; Оганесян, 1990; Ролз, 1995; Хеффе, 2007).

- Принцип личной свободы, согласно которому справедливое государство может осуществлять лишь минимальное вмешательство в жизнь отдельных людей. Оно способствует максимальной свободе индивидов и поддерживает добровольный и взаимовыгодный обмен между гражданами. Соответственно, в справедливом государстве сделки заключаются между свободными людьми.
- Принцип равных прав, согласно которому все участники взаимодействия должны иметь равные права. В соответствии с этим принципом все граждане одного государства обладают равными политическими правами, а также имеют равные возможности занять какое-либо положение или должность. Равенство прав является гарантией справедливого обмена и распределения. С некоторыми оговорками принцип равенства прав можно рассматривать как одно из проявлений формальной справедливости, гарантирующей последовательное применение одних и тех же норм ко всем участникам взаимодействия.
- Принцип честности, согласно которому нормы социального взаимодействия должны гарантировать человеку защиту от насилия и обмана. В частности, распределение и передача собственности являются справедливыми, если произошли без использования обмана и насилия. В противном случае сделка не может быть признана справедливой, даже если она была заключена добровольно.

Современные философские идеи нашли свое отражение в социально-психологическом подходе. Его сторонники полагают, что на общую оценку справедливости оказывает влияние соблюдение социальных

норм, регулирующих не только результат, но и процесс взаимодействия.

Психологический интерес к справедливости процесса возник в 1970-е годы. Он был вызван проведенными к тому времени эмпирическими исследованиями, которые показали, что процедура вынесения решения оказывает влияние на качество работы членов группы. Для анализа этого влияния была проведена типологизация подобных процедур (Lind, Tyler, 1988).

Например, в зависимости от степени контроля «третьей стороны» за сбором информации, они были разделены на состязательную и инквизиционную. При состязательной процедуре функции сбора и предоставления информации, с одной стороны, и вынесения решения, с другой, закреплены за разными участниками взаимодействия: информацию собирают заинтересованные «стороны», а решение выносит незаинтересованное лицо (судья, арбитр, посредник). В то же время в рамках инквизиционной процедуры главная роль отводится «третьей стороне» и ее помощникам, которые не только принимают решение, но и самостоятельно собирают информацию. Эмпирические исследования показали, что состязательная процедура позволяет собрать более полную информацию о существе дела, нейтрализует предубеждения участников и, как следствие, позволяет вынести более качественные решения.

Роль процедуры в вынесении качественных решений позволила предположить, что люди отдают предпочтение одним формам организации групповой работы в ущерб другим (Lind, Tyler, 1988). Например, заинтересованные лица выбирают процедуру, которая дает им возможность оказать влияние на процесс принятия решения, а «третья сторона» – на результат. При этом стороны соглашаются с тем, что арбитр должен контролировать процесс, но отвергают его высокий уровень. Кроме ролевой позиции на выбор процедур оказывают влияние некоторые характеристики ситуации и культурная принадлежность участников. Пытаясь понять, с чем связано предпочтение одной процедуры в ущерб другим, психологи пришли к выводу о важности оценки их справедливости.

Влияние процесса вынесения решения на оценку справедливости взаимодействия была отмечена уже М. Дойчем. В частности, он выделил справедливость, связанную как с нормами, лежащими в основе распределения (беспристрастность, равенство, усилия и т. д.), так и некоторыми процессуальными характеристиками общения.

К ним относились особенности участника, вовлеченного в процесс распределения вознаграждения (например, его компетентность); стиль и время распределения (явное или тайное, немедленное или отсроченное); правила оценки вкладов; способ их измерения; процедура вынесения решения (индивидуальное или коллективное) и т. д. (Гришина, 2005).

Попытка классификации подобных факторов позволила психологам выделить три основных компонента справедливости процесса: информационный, процедурный и межличностный. Их разделение проводится по формальному признаку – связи с одной из стадий взаимодействия (рисунок 3).

Информационная справедливость определяется осведомленностью участников о процедуре распределения ресурсов. Она связана с первым этапом взаимодействия, на котором его участники получают информацию о «правилах игры». В ее состав входит пять основных принципов.

- Следуя норме честности, люди считают справедливым то взаимодействие, в ходе которого им честно описывают процедуру принятия решения и возможные исходы.

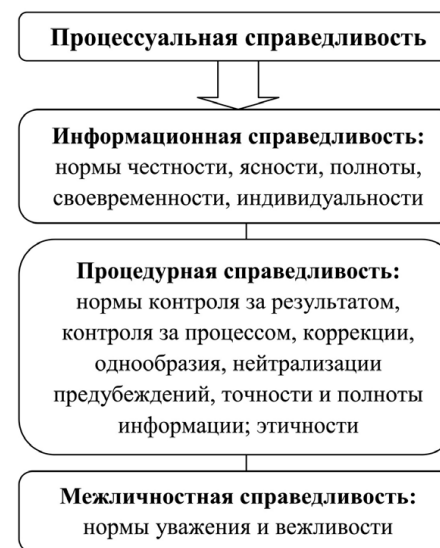

Рис. 3. Процессуальные измерения справедливости

- Согласно норме ясности информации, справедливым является взаимодействие, участники которого получают понятные объяснения.
- Ориентируясь на норму полноты информации, люди считают справедливым общение, в ходе которого они получают исчерпывающие объяснения.
- В соответствии с нормой своевременности информации, справедливым считается то взаимодействие, участники которого получают разъяснения заблаговременно.
- И наконец, согласно норме индивидуальности, общение считается справедливым, если при объяснении во внимание принимаются индивидуальные характеристики участников.

Как показывают современные исследования, влияние информационного компонента справедливости ограничено формальным, прежде всего, организационным взаимодействием – принятием решения о принятии на работу и продвижении по службе, обратной связью, проверкой на наркотики и т. д. (например: Colquitt, 2001; Roberson, Stewart, 2006). Исключение составляет лишь норма честности.

Процедурная справедливость затрагивает процесс сбора информации и оценки участников общения. Руководствуясь этими нормами, люди выбирают процедуру взаимодействия и принимают окончательное решение. Основным интерес к ней пробудили работы Дж. Тибо, Л. Волкера и Г. Левенталя. В целом, оценивая справедливость общения, люди ориентируются на шесть основных норм (Colquitt, 2001; Lind, Tyler, 1988; Lurfer et al., 2000; Tyler, 1994).

- Согласно норме точности и полноты информации, справедливой считается та процедура, которая дает возможность собрать точную и полную информацию об участниках взаимодействия.
- Следуя норме контроля за результатом, люди считают справедливой ту процедуру, участники которой имеют возможность повлиять на исход, в том числе на решение, принятое «третьей стороной».
- Согласно норме контроля за процессом, люди дают более высокую оценку той процедуре, в рамках которой все за-

интересованные стороны имеют возможность высказать свое мнение¹.

- Руководствуясь нормой коррекции, люди воспринимают как более справедливую ту процедуру, которая дает возможность изменять неправильные решения, например, подавать на них апелляцию.
- В соответствии с нормой однообразия, процедура воспринимается как справедливая, если она может быть использована в разных ситуациях для разных участников.
- Следуя норме нейтрализации предубеждений, люди считают более справедливой ту процедуру, при которой принятое решение не зависит от имеющихся у «третьей стороны» (судьи, арбитра) предубеждений².
- В соответствии с нормой этичности, более справедливой считается та процедура, которая соответствует существующим в обществе этическим нормам.

Разные нормы справедливости привлекают разное внимание исследователей. Так, контролю за результатом (например: Сугавара, Хо, 2003; McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и процессом взаимодействия (например: Сугавара, Хо, 2003; Alge, 2001; Anderson, Otto, 2003; De Cremer, Cornelis, Van Hiel, 2008; Douthitt, Aiello, 2001; Gibson, 2002; Lind et al., 1997; Lind, Kanfer, Earley, 1990; Machura, 2003; McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Platow et al., 2006; Roberson, Moye, Locke, 1999; Shep-

1 Соответственно, восприятию справедливости взаимодействия способствуют любые условия, дающие человеку возможность высказать свое мнение. Например, исключение человека из группы оценивается как меньшая несправедливость, чем изначальный отказ включить его в эту группу (Horn, 2003). Возможно, это связано с представлением о том, что включение в группу дает человеку возможность проявить себя и таким образом оказать влияние на возможность распределения вознаграждения.

2 В некоторых случаях справедливым считается не отсутствие, а наличие предубеждений: например, «несправедливо, что жертве уделяется больше внимания, чем подсудимому; права подсудимого должны приниматься во внимание в первую очередь» или «несправедливо, когда делу, где подсудимому, которому грозит суровое наказание, уделяется такое же внимание, как и тому, где наказание более мягкое» (Finkel, 2000). Однако это происходит достаточно редко и характерно прежде всего для оценки правового и политического взаимодействия.

pard, 1985; Skarlicki, Ellard, Kelln, 1998; Van Prooijen, Karremans, Van Beest, 2006; Van Prooijen, Van den Bos, Wilke, 2004) уделяется наибольшее внимание. Нормы точности/полноты информации (например: Conlon, Lind, Lissak, 1987; De Cremer, 2004; Machura, 2003; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и нейтрализации предубеждений (например: De Cremer, 2004; Lind, Lissak, 1985; Machura, 2003; Tyler, 1987, 1989) учитываются реже. Наименьший интерес вызывают принципы однообразия процедуры (например: De Cremer, 2003), коррекции (например: Sheppard, 1985) и этичности.

Несмотря на то что в состав процедурной справедливости входят разные по содержанию нормы, в целом ряде исследований она рассматривается как единое образование, сохраняющее свое значение в самых разных ситуациях взаимодействия.

Межличностная справедливость регулирует отношение к участникам общения. К ней относятся две основные нормы (Bies, 1987; Brockner et al., 2001; Heuer et al., 1999; Lupfer et al., 2000; Machura, 2003).

- Согласно норме вежливости, взаимодействие считается справедливым, если с его участниками обращаются вежливо и не допускают грубых замечаний в их адрес.
- В соответствии с нормой уважения взаимодействие рассматривается как справедливое, если к его участникам относятся с уважением, позволяя им сохранить чувство собственного достоинства.

Большинство исследователей считают это измерение справедливости таким же универсальным, как процедурное.

При изучении процессуальных аспектов справедливости психологи имплицитно отталкиваются от трех важных положений.

- Информационная, процедурная и межличностная справедливость – это качественно различные компоненты. Другими словами, такая классификация норм существует не только в умах ученых, но и на уровне обыденного сознания¹.

1 Эта позиция получила подтверждение, прежде всего, в организациях. При общении в других сферах наблюдается либо уменьшение значения одного из компонентов, либо их взаимопроникновение. Например, оценивая справедливость обучения, студенты руководствуются двумя компонентами справедливости: уважением со стороны преподавателей (контроль за процессом и результатом, соблюдение прав и однообразие, точность и полнота информации, внимание к потребностям

- Содержание разных компонентов справедливости процесса не противоречит друг другу. Поэтому, наблюдая за ходом взаимодействия или принимая в нем непосредственное участие, человек ориентируется на соблюдение всех перечисленных в этом параграфе норм.
- Процессуальные компоненты справедливости оказывают большое влияние на общую оценку взаимодействия, вне зависимости от его официальности, этапа общения и личной заинтересованности субъекта оценки. Другими словами, они играют важную роль при оценке как официальной (закрепленной в соответствующих документах), так и неофициальной процедуры (Blader, Tyler, 2003); в суждениях, сделанных на разных этапах взаимодействия¹; при условии, что нормы справедливости соблюдаются (нарушаются) по отношению как к субъекту оценки, так и к окружающим его людям (Batson et al., 2007; Hegtvedt et al., 2009; Van den Bos, Lind, 2001; Yang, Mossholder, Peng, 2007).

Несмотря на наличие отдельных эмпирических свидетельств, опровергающих эти идеи, они по-прежнему составляют основу социально-психологического подхода.

Взаимосвязь разных компонентов справедливости

Существование двадцати норм справедливости, образующих четыре компонента, ставит вопрос о соотношении между ними. Основные идеи, сформулированные к настоящему времени, сводятся к следующему.

учащихся, вежливость) и эффективностью решения проблем (коррекция, наличие информации о процедуре принятия решений и помощь в решении проблем) (Lizzio, Wilson, Hadaway, 2007). Таким образом, межличностная справедливость входит в состав первого компонента, информационная – второго, а процедурная равномерно распределяется между ними. Причины этого эффекта пока неизвестны.

1 В то же время результаты некоторых эмпирических исследований вызывают сомнение в универсальности процессуальных измерений. Например, они демонстрируют, что важность разных норм процедурной справедливости зависит от этапа взаимодействия: на этапе выбора процедуры главная роль принадлежит контролю за процессом (праву голоса), а при вынесении окончательного решения – контролю за результатом (Barley, Lind, 1987).

1. Общая оценка справедливости взаимодействия складывается из соблюдения всех четырех компонентов (Гулевич, 2007г, д; Colquitt, 2001; Colquitt et al., 2001). Это означает, что, вынося суждение о справедливости общения, люди обращают внимание как на процесс взаимодействия, так и на характер распределения ресурсов. Они анализируют, как происходит сбор и обработка сведений об интересах и позициях заинтересованных сторон (процедурная справедливость), как их информируют о процессе принятия решения (информационная справедливость), насколько вежливо с ними обращаются (межличностная справедливость), каким образом распределяют вознаграждение (дистрибутивная справедливость).

Общая оценка справедливости взаимодействия, в свою очередь, определяет состояние и поведение его участников. Как следствие, одновременное соблюдение или нарушение нескольких норм оказывает большее влияние на участников, чем соблюдение или нарушение какой-либо одной из них (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005; Taylor et al., 1987).

2. Однако разные компоненты справедливости вносят разный вклад в общую оценку взаимодействия. Например, метаанализ нескольких сотен исследований, проведенных в организации, показал, что право голоса объясняет 26% различий в оценке справедливости процесса; однообразие, нейтрализация предубеждений, точность и полнота информации, коррекция и этичность – 21% различий; межличностная и информационная справедливость – еще 6% (Colquitt et al., 2001).

3. Влияние каждого компонента наиболее ярко проявляется при отсутствии других. Например, дистрибутивная справедливость оказывает наибольшее влияние при отсутствии процедурной и межличностной (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005; Skarlicki, Folger, 1997); процедурная (Chen et al., 2010; Rahim, Magner, Shapiro, 2000) – в отсутствии дистрибутивной; межличностная – в отсутствии процедурной (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005) и дистрибутивной (Loi, Yang, Diefendorff, 2009); информационная – при отсутствии процедурной (Loi, Yang, Diefendorff, 2009).

4. Когда человек не обладает информацией о соблюдении или нарушении всех компонентов справедливости, полученные сведения

компенсируют недостающие. Как следствие, важность каждого компонента зависит от наличия информации о другом. Например, участники взаимодействия придают большее значение дистрибутивной справедливости, если не знают об особенностях процедуры или считают ее несправедливой (Brockner, Wiesenfeld, 1996; Skarlicki, Folger, 1997). В то же время они обращают внимание на справедливость процесса, когда у них нет информации о дистрибутивной (Van den Bos et al., 1997). В этом случае они принимают тот результат, который был получен при использовании справедливой процедуры (Van den Bos et al., 1997). Таким образом, разные компоненты дополняют друг друга.

Источник информации о соблюдении норм справедливости

Основные источники: текущее взаимодействие или ожидания?

Сформулировав четырехкомпонентное представление о структуре справедливости, исследователи дали ответ на вопрос о критериях оценки взаимодействия. Но откуда люди берут информацию о соблюдении или нарушении соответствующих норм? К настоящему времени сформулировано три различных ответа на этот вопрос (рисунок 4).

Наиболее распространенная в настоящее время позиция гласит, что, оценивая справедливость взаимодействия, люди наблюдают за поведением его участников. Сопоставляя их действия с содержанием норм справедливости, они выносят общее суждение о характере общения (Ambrose, Schminke, 2009). Эта позиция отражена в большинстве психологических теорий справедливости – беспристрастности, личного интереса, ценности группы и самокатегоризации (рисунок 5).

Подобное заключение может быть сделано автоматически или в результате тщательного анализа доступной информации. Современные исследования показывают, что в ряде случаев именно автоматические суждения, вынесенные в условиях когнитивной нагрузки, оказываются более точными, чем хорошо осознаваемые (Ham, Van den Bos, Van Doorn, 2009).

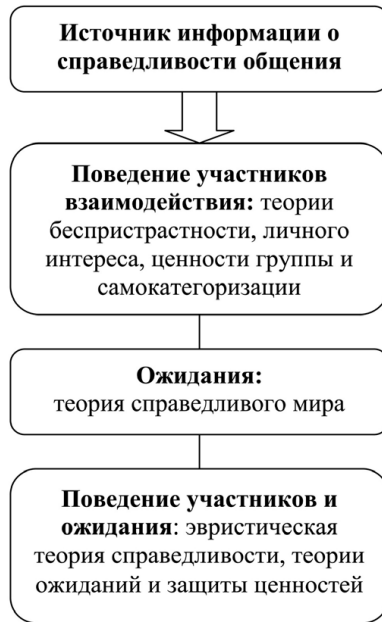

Рис. 4. Источник информации о справедливости общения

Сторонники второй – противоположной – позиции полагают, что оценка текущего взаимодействия полностью определяется сформированными ранее ожиданиями. Их источник специально не оговаривается. Однако логика рассуждений позволяет предположить, что они являются результатом определенной обработки информации о прошлом общении, касающейся соблюдения или нарушения норм справедливости.

Таким образом, вступая в текущее взаимодействие, человек использует при его восприятии и оценке готовые схемы, игнорируя информацию о текущем положении дел. Другими словами, в основе оценки справедливости лежит прошлый опыт и психологическое состояние людей, а не характеристики текущей ситуации. Руководствуясь общей оценкой, человек выносит суждение о соблюдении отдельных норм справедливости (рисунок 6).

Эта точка зрения отражена в теории справедливого мира. Возникнув на заре изучения справедливости, в последнее время она утратила свою популярность.

Рис. 5. Оценка справедливости как результат анализа взаимодействия

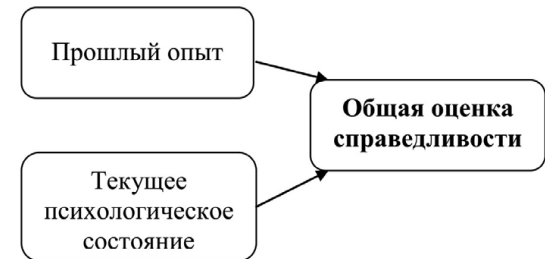

Рис. 6. Оценка справедливости на основе ожиданий

Сторонники третьей – компромиссной – позиции настаивают на том, что, вынося суждение о справедливости, люди руководствуются как информацией о текущем взаимодействии, так и заранее сформированными ожиданиями. Как и в предыдущем случае, источником этих ожиданий является как прошлый опыт, так и текущее психологическое состояние человека.

Эта точка зрения отражена в эвристической теории справедливости, теории ожиданий и защиты ценностей. Взяв за основу одну идею, психологи создали три различных концепции. Не отрицая способности человека к анализу поступающих сведений, они, тем не менее, обратили внимание на избирательность его восприятия, интерпретации и запоминания информации.

Ниже мы поговорим о теориях, в которых отражена роль ожиданий. Остальные концепции будут описаны при анализе целей соблюдения справедливости (глава 2).

Ожидания – источник информации о справедливости

Теоретические предпосылки подхода. Первым человеком, обратившим внимание на роль ожиданий в оценке справедливости, стал Ж. Пиаже. Работая с детьми, этот психолог показал, что они верят в изначальную (имманентную) справедливость мира. Он полагал, что эта вера оказывает влияние на оценку происходящих событий и людей. Однако, по его мнению, она тесно связана с уровнем когнитивного развития и практически исчезает у взрослых. Другими словами, ожидания от справедливости взаимодействия оказывают влияние на оценки тех, кто не достиг подросткового возраста.

Со временем идея о том, что взрослые люди не верят в справедливый мир, стала вызывать сомнение. В частности, выяснилось, что у жителей Северной Америки и Западной Европы эта вера действительно уменьшается к подростковому возрасту, но впоследствии вновь возрастает (Соснина, 2006; Raman, Winer, 2004). Стало ясно, что ее нельзя рассматривать как следствие недостаточного когнитивного развития.

Вторая попытка «узаконить» ожидания, связанные со справедливостью, была предпринята в 1960-х годах сторонниками теорий когнитивного соответствия. Они полагали, что человек обладает когнитивной системой, в состав которой входят различные аттитюды и ценности. Анализируя информацию, он стремится достичь когнитивного баланса, устранив любые противоречия между ее элементами.

Наиболее полно эта идея отражена в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера (Фестингер, 1999). Он полагал, что элементы когнитивной системы человека могут находиться в консонансных, диссонантных или иррелевантных отношениях между собой и поведением человека. Диссонанс возникает, когда один когнитивный элемент противоречит другому или совершенному поступку (Aranson, 1999; Beauvois, Joule, 1999; Devine et al., 1999; Harmon-Jones, Mills, 1999; Mills, 1999).

Его сила зависит от важности и количества противоречивых когнитивных элементов, их связи с Я-концепцией человека и наличия социальной поддержки. Чем больше когнитивных элементов противоречат друг другу (Joule, Azdia, 2003), чем важнее их положение в когнитивной системе, чем теснее они связаны с Я-концепцией и чем сильнее мне-

ние окружающих отличается от аттитюдов и поведения человека, тем сильнее диссонанс (Hogg, Smith, 2007; Matz, Wood, 2005).

Когнитивный диссонанс порождает эмоциональное возбуждение. Возникающие эмоции носят негативный характер и неприятны человеку, поэтому он старается устранить возникшее несоответствие.

Уменьшение диссонанса происходит в основном благодаря определенной работе с поступающей информацией. Так, человек больше доверяет тем сведениям, которые подтверждают его аттитюды или поведение, чем усугубляющим противоречие (Fischer et al., 2005). Кроме того, он активно ищет информацию, соответствующую его аттитюдам/поступкам и способную уменьшить диссонанс, и в меньшей степени избегает усиливающей его (Jonas, Graupmann, Frey, 2006; Jonas, Greenberg, Frey, 2003).

Общие принципы работы с диссонансной информацией воплощаются в конкретных стратегиях. К ним относятся отказ от когниции, противоречащей поведению, или от поведения, противоречащего одной из когниций; переоценка значения когниции или поступка; введение нового элемента, способного восстановить баланс; отрицание своей ответственности; признание того, что диссонансные когниции и поступки не связаны друг с другом (например: Maikovich, 2005; Maio, Thomas, 2007). Наиболее эффективной оказывается та стратегия, которая позволяет человеку повысить самооценку (Dietrich, Berkowitz, 1997).

Результатом ее применения является уменьшение негативных эмоций (Burris, Harmon-Jones, Tarpley, 1997), изменение социальных установок и повышение эффективности деятельности (Harmon-Jones, Harmon-Jones, 2002).

Теория когнитивного диссонанса породила целый ряд частных моделей, авторы которых применили ее идеи при анализе Я-концепции и аттитюдов к отдельным объектам. Одной из них стала теория справедливого мира.

Теория справедливого мира. Основные положения этой теории были сформулированы М. Лернером и его последователями. По его мнению, люди верят в то, что любое полученное участником взаимодействия вознаграждение или наказание является заслуженным, т. е. справедливым¹.

1 Впоследствии между справедливостью и заслуженностью стали проводить различие, подчеркивая, однако, их тесную связь между собой. Так, чем выше человек оценивает справедливость участников общения,

Вера в справедливый мир создает у ее носителей своеобразные ожидания, сквозь призму которых они оценивают текущее взаимодействие. Человек, уверенный в том, что мир справедлив, дает высокую оценку общению, которая, в свою очередь, оказывает влияние на анализ информации и отражается на восприятии участников. В частности, чем больше люди верят в справедливый мир, тем более позитивно они оценивают взаимодействие (например, подсудимые, верящие в справедливый мир, выше оценивают правовую процедуру и условия тюремного заключения (Dalbert, Fiske, 2007)), тем лучше относятся к успешным, удачливым и красивым людям и хуже к – неуспешным, неудачливым и некрасивым (Callan, Ellard, Nicol, 2006).

Вера в справедливый мир защищает людей от негативных переживаний. Сталкиваясь с новой задачей, они испытывают меньший стресс, реагируют на нее как на приключение, а не угрозу, и лучше решают ее (Tomaka, Blascovich, 1994). Попадая в неприятную ситуацию, например, будучи арестованными за совершение преступления или став жертвами смертельного заболевания, они демонстрируют большее психологическое благополучие (Dalbert, Fiske, 2007; Park et al., 2008). Проваливая экзамен, такие люди прикладывают больше усилий для того, чтобы построить карьеру и достичь долгосрочных целей. Позитивная роль «веры в справедливый мир» особенно ярко проявляется среди членов низкостатусных групп, представители которых постоянно находятся в ситуации фрустрации (Laurin, Fitzsimons, Kay, 2011).

Любая информация, которая не соответствует вере в справедливый мир, является для человека источником когнитивного диссонанса. Типичным примером являются страдания невинной жертвы или взаимодействие с предубежденным партнером. Диссонанс вызывает негативные эмоции, в первую очередь тревогу и гнев (Hafer, 2000; Van Zomeren, Lodewijk, 2009). Стремясь избежать их, человек активно защищает свои убеждения. Это особенно характерно для тех, кто склонен сохранять свое состояние (Van Zomeren, Lodewijk, 2009), не умеет контролировать отрицательные переживания, подавлять или трансформировать их (Ijzerman, Prooijen, 2008).

Желая восстановить когнитивный баланс и избавиться от негативных эмоций, люди активно ищут ту информацию, которая под-

тем более заслуженной он считает их победу (Feather, 2002). И наоборот, чем более заслуженным кажется хорошее отношение к участникам, тем более справедливым считается позитивный исход (Heuer et al., 1999).

черкивает справедливость взаимодействия, и придают ей большое значение.

Степень влияния веры в справедливый мир во многом зависит от типа события и ответственности ее носителя. В частности, люди переоценивают пострадавшего человека, когда они обладают свободой интерпретации, например, когда причину неудачи нельзя однозначно определить как внутреннюю или внешнюю, а подобные события происходят достаточно редко (Lowe, Medway, 1976). Кроме того, к очернению жертвы больше склонны те, кто является причиной ее страданий, несет за них ответственность (Cialdini, Kenrick, Hoering, 1976) или похож на подлинного виновника (Bal, Van Den Bos, 2010). Совершение подобных действий понижает самооценку виновника, а очернение служит средством ее восстановления.

Конечно, за полувековую историю существования теория справедливого мира претерпела некоторые изменения.

Во-первых, серьезной критике подверглась идея Лернера об универсальности веры в справедливый мир. Оказалось, что ею обладают люди, нуждающиеся в оправдании своих представлений, положения, действий, а также в ощущении контроля за происходящим (Calhoun et al., 1998; Connors, Heaven, 1987; Furnham, 1993; Glennon, Joseph, Hunter, 1993; Hafer, 2000; Murphy-Berman, Berman, 1991). В частности, она чаще встречается у авторитарных людей, сторонников «правых» партий и движений, членов высокостатусных социальных групп и представителей культур с большой властной дистанцией. Все эти люди уважают власть и стремятся сохранить существующую систему социальных отношений. Вера в то, что униженное положение представителей некоторых групп является заслуженным, помогает им оправдать собственные убеждения и действия. Кроме того, в справедливость мира больше верят религиозные люди, те, кто имеет внутренний локус контроля, ставит долгосрочные цели и планирует достигнуть их справедливым путем. Эта вера позволяет им сохранить ощущение контроля над своей жизнью. Поэтому современные сторонники теории говорят о том, что люди различаются по степени веры в справедливый мир. Как следствие, интенсивность описанных выше процессов – формирования ожиданий, возникновения негативных эмоций и переоценки людей – зависит от ее выраженности.

Во-вторых, некоторое сомнение стала вызывать идея о том, что «вера в справедливый мир», является «буфером», блокирующим

воздействие негативных стимулов. Выяснилось, что психологическое благополучие человека, находящегося в ситуации постоянной фрустрации, например, члена стигматизированной группы, повышается скорее «вера в несправедливость мира». Соответствуя его опыту, подтверждая его ожидания, она вызывает меньшую тревогу, чем «вера в мировую справедливость» (Townsend et al., 2010).

В-третьих, некоторые сомнения вызвала однородность веры в справедливый мир. Лернер полагал, что она является единым образованием и затрагивает, прежде всего, дистрибутивную справедливость в отношении окружающих людей. Однако тесная связь веры в справедливый мир с психологическим благополучием ее носителя и рост интереса к процессу взаимодействия заставил некоторых исследователей пересмотреть свой взгляд на ее структуру. В настоящее время выделяют шесть основных аспектов веры в справедливый мир, которые различаются по трем основным критериям.

- Кто является объектом справедливости – Я или окружающие люди? Это разделение связано с серьезностью и характером последствий. Вера в справедливость мира по отношению к себе повышает психологическое благополучие человека, увеличивает его самооценку и уменьшает склонность к делинквентному поведению. Уверенность в справедливости мира по отношению к другим вызывает противоположные последствия, а также ухудшает отношение к членам низкостатусных групп (Lucas, Goold, 2008; Lucas, Zhdanova, Alexander, 2011; Sutton, Winnard, 2007).
- Какой аспект принимается во внимание – справедливость результата или процесса? В пользу этого различия говорит тот факт, что вера в дистрибутивную и процедурную справедливость связаны с разными аспектами психологического благополучия человека (Lucas et al., 2008; Lucas, Zhdanova, Alexander, 2011; Lucas, Goold, 2008).
- В какую справедливость верят люди – имманентную или окончательную. В первом случае речь идет о текущей справедливости мира, а во втором об итоговой. Они формируются при разных условиях семейного воспитания и вызывают разные последствия. Если вера в окончательную справедливость повышает психологическое благополучие, радость от профессиональной деятельности и оценку сплоченности

группы, то вера в имманентную вызывает противоположные последствия (Maes, Kals, 2002). Возможно, в первом случае человек надеется на лучшее, а во втором внимательно оценивает свое положение и приходит к неутешительному выводу о собственном несовершенстве.

Однако изменения, произошедшие в теории справедливого мира, не затронули основную идею этой концепции. Современные исследователи по-прежнему признают, что эта вера оказывает влияние на оценку справедливости текущего взаимодействия.

Эта убежденность порождает вопрос о том, может ли человек полностью игнорировать новую информацию; а если нет, то каким образом ее влияние комбинируется с ожиданиями. Ответ на него дают авторы двух современных концепций – теории ожиданий и эвристической теории справедливости¹.

Ожидания и текущее взаимодействие

Роль ожиданий в анализе информации. Идея о влиянии ожиданий на анализ информации является краеугольным камнем психологии познания. Как правило, ожидания рассматриваются в качестве «фильтра», который оказывает воздействие на отбор, интерпретацию и запоминание новых сведений.

Психологи полагают, что источником ожиданий являются различные когниции – ценности и установки, эмоции и мотивация человека. Они могут сформироваться задолго до начала анализа информации или прямо перед ним.

Роль ожиданий особенно ярко проявляется при восприятии, интерпретации, запоминании информации о людях и отношениях между ними. Исследования, проведенные в рамках психологии социального познания, продемонстрировали, что, получая разнобразную информацию об окружающих, человек придает одним сведениям большее значение, чем другим. В частности, он уделяет большее внимание той информации, которая соответствует ожиданиям. Это позволяет ему сформировать целостное впечатление в условиях лимита времени и когнитивных ресурсов, дает возможность устраним негативные эмоции, вызванные когнитивным дис-

1 Аналогичные идеи высказываются и в теории защиты ценностей, созданной для объяснения того, почему люди следуют требованиям справедливости. Она будет описана в следующей главе.

сонансом, а также продемонстрировать социальную компетентность (Leyens et al., 1999).

Ожидания, связанные с характеристиками людей и отношениями между ними, различаются по двум основным параметрам.

- Они могут формироваться в разные моменты общения: одни возникают еще до его начала, а другие – в первые минуты знакомства. Если в основе ожиданий лежит информация о партнере по общению, полученная до его начала, то речь идет об эффекте «ореола» (Rotenberg, Gruman, Ariganello, 2002; Memon, Holliday, Hill, 2006). Однако если ожидания сформировались в начале общения, то речь идет об эффекте «первичности». В этом случае первая оценка оказывает влияние на восприятие дальнейших действий партнера.
- Кроме того, ожидания различаются по характеру информации, которая лежит в их основе. Если она имеет непосредственное отношение к участникам взаимодействия, то речь идет о классических вариантах эффектов «ореола» и первичности. Однако если она касается других людей, то возникает эффект прайминга: например, напоминание человеку о такой черте, как «самоуверенность», впоследствии оказывает влияние на восприятие непосредственного партнера по общению (Stapel, Kooman, 2000).

Вне зависимости от способа формирования, ожидания оказывают двойное влияние на обработку информации об окружающих людях.

- Они определяют направление ее анализа – отбора, интерпретации и запоминания. Так, в ходе общения человек обращает большее внимание на поступки партнера, которые соответствуют ожиданиям, лучше запоминает их, а также интерпретирует в соответствии с ними поведение, смысл которого непонятен. Однако при наличии явных противоречий между ожидаемым и реальным поведением, участнику приписываются противоположные характеристики (Tobin, Weary, 2003).
- Ожидания оказывают влияние на аттитюды к человеку. Более позитивную реакцию вызывает тот партнер, поведение которого соответствует ожидаемому. Это, в первую очередь, касается социально желательных поступков и связанных с ними психологических особенностей. В то же время чело-

век, нарушающий ожидания, получает экстремальную оценку в направлении нарушения. Участник, который повел себя социально одобряемым образом при наличии отрицательных ожиданий, воспринимается исключительно позитивно, а социально неодобряемым при наличии положительных – резко негативно (Petzold, 1986).

Эти идеи были использованы при формулировке двух современных концепций справедливости.

Эвристическая теория справедливости. Первая из них получила название эвристической теории. Ее сторонники полагают, что, вступая во взаимодействие, человек часто не обладает сведениями, необходимыми для всесторонней оценки соблюдения/нарушения отдельных норм (Bell, Ryan, Wiechmann, 2004). В этих условиях он выносит первые суждения о его справедливости. Они редко пересматриваются и функционируют как познавательные схемы (эвристики), сквозь призму которых воспринимается и интерпретируется новая информация. Их использование позволяет человеку увеличить определенность среды (Chen et al., 2010). Таким образом, сторонники эвристической теории справедливости обращаются к изучению эффекта первичности.

Сформировав первые ожидания о справедливости общения, человек избирательно воспринимает, интерпретирует и запоминает последующую информацию. Следствием становится предубежденная оценка взаимодействия (Choi, 2008; Dalbert, Fiske, 2007; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007). Люди, которые заранее полагают, что их партнер, группа и мир в целом справедливы или позитивно относятся к ним, впоследствии выше оценивают справедливость реального общения (Choi, 2008; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007). Даже в том случае, когда партнер нарушает отдельные нормы, эти люди оправдывают его действия (Tyler, 1987). В то же время участники, которые заранее считают взаимодействие несправедливым, выделяют в нем те аспекты, которые соответствуют ожиданиям, вследствие чего оценка реального и будущего общения становится все ниже и ниже (Riederer, Mikula, Bodi, 2009). Подобное влияние проявляется в личном (Riederer, Mikula, Bodi, 2009), деловом (Choi, 2008; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007) и даже политическом (Tyler, 1987) взаимодействии.

Следовательно, итоговая оценка зависит как от соблюдения норм справедливости в текущем взаимодействии, так и от предваритель-

ных ожиданий, при условии, что больший вклад вносят первые полученные человеком сведения¹. Чем раньше человек получает хотя бы минимальную информацию о справедливости непосредственного общения (Van den Bos et al., 1997; Van den Bos, Vermunt, Wilke, 1997), чем легче извлекает ее (Muller et al., 2010), тем большее влияние она оказывает на итоговую оценку справедливости. В противном случае в основу его суждений ложатся другие факторы, на основе которых формируются ожидания.

К ним, прежде всего, относятся ценности и установки человека. Так, люди, ценящие власть, ожидают от высокостатусных членов общества, например руководителей крупных промышленных компаний, большей справедливости и, как следствие, дают более высокую оценку их действиям; в то же время те, кто ценит равенство, считают более справедливыми действия профсоюзов, защищающих права рядовых сотрудников (Feather, 2002). Люди, цинично относящиеся к окружающим, не доверяют им и, как следствие, дают более низкую оценку межличностной справедливости (Peng, Zhou, 2009). Люди, имеющие предрассудки в отношении представителей какой-либо группы, оценивают программы помощи им как менее справедливые, чем непредубежденные участники взаимодействия (Vobocel et al., 1998) и т. д.

Кроме того, на ожидания может оказывать влияние самооценка человека. Люди, считающие себя счастливыми и веселыми, выше оценивают дистрибутивную, процедурную и межличностную справедливость, чем те, кто уверен в обратном (Спиридонов, Безменова, Гулевич, 2009). Они заранее воспринимают мир как источник приятных сюрпризов.

И наконец, источником ожиданий могут стать эмоции. В этом случае эмоциональное состояние выступает в качестве «фильтра», пропускающего преимущественно соответствующую ему информацию. Так, люди, испытывающие позитивные эмоции, с высоким уровнем психологического благополучия дают более высокую оценку дистрибутивной, процедурной и межличностной справедливости взаимодействия, чем те, кто испытывает негативные эмоции

¹ Эта теория объясняет, почему справедливость процесса оказывает влияние на оценку справедливости результата. Вступая во взаимодействие, человек получает информацию о процедуре раньше, чем об исходе. В противном случае этот эффект уменьшается (Skitka, 2002).

(Спиридонов, Безменова, Гулевич, 2009; Barsky, Kaplan, 2007; Byrne et al., 2004; Lang et al., 2011). Это означает, что в отсутствии информации об особенностях общения, люди строят свои суждения о его справедливости на основании своих эмоций (Van den Bos, 2003). Воздействие эмоционального состояния может стать настолько сильным, что сформированные благодаря ему ожидания «заблокируют» информацию о текущем взаимодействии. Так, чем чаще человек испытывает негативные эмоции, тем меньшее влияние справедливость оказывает влияние на удовлетворенность участников (Irving, Coleman, Vobocel, 2005).

Позитивность эмоций, в свою очередь, определяется эмоциональной стабильностью и стратегиями совладания со стрессом. Ниже всего справедливость взаимодействия оценивают люди с высоким уровнем нейротизма (Van Hiel, De Cremer, Stouten, 2008), использующие для нормализации своего состояния эмоционально-фокусированный копинг (Finkelstein, Minibas-Poussard, Bastounis, 2009). Они ощущают неуверенность и плохо справляются с возникающими негативными эмоциями.

Таким образом, анализируя роль ожиданий в оценке справедливости взаимодействия, сторонники эвристической теории полагают, что они оказывают воздействие на обработку информации о текущем общении. Итоговая оценка справедливости всегда является результатом комбинации сведений о непосредственном взаимодействии и предварительных ожиданий. Это происходит, поскольку информация о справедливости, которую человек получает в первые минуты общения, отрывочна, противоречива и, следовательно, не дает полного представления о поведении участников. Вопрос состоит лишь в степени их воздействия: чем быстрее человек получает первые надежные сведения о справедливости взаимодействия, тем ниже роль предварительных ожиданий.

В целом, затрагивая проблему обработки информации, эвристическая теория не учитывает воздействия ожиданий на установки к участникам общения. Этот аспект учтен в другой концепции справедливости – теории ожиданий.

Теория ожиданий. В отличие от авторов эвристической концепции, сторонники этой теории полагают, что предварительные ожидания, касающиеся справедливости общения, формируются у людей еще до его начала (Bell, Ryan, Wiechmann, 2004). Таким образом, предметом их изучения становится эффект «ореола».

По их мнению, эти ожидания оказывают влияние не столько на обработку информации, сколько на установки к участникам. Отношение к ним зависит от степени соответствия предварительных ожиданий реальному поведению.

При совпадении между ними человек дает высокую оценку тому участнику, чье поведение подтвердило позитивные ожидания, и низкую – негативные (принцип ассимиляции). Например, сотрудники организации, считающие своего руководителя непредубежденным человеком, гораздо чаще соглашались с его решениями, если они были приняты справедливым путем, т. е. при подтверждении позитивных ожиданий (Stahl, Vermunt, Ellemers, 2008).

При явном нарушении ожиданий оценки даются противоположным образом (принцип контраста). Разрушение отрицательных ожиданий вызывает позитивное отношение к человеку, а разрушение положительных – негативное. Например, присяжные, ожидающие справедливого обращения со стороны судьи и столкнувшиеся с несправедливым, гораздо ниже оценивают судебный процесс, чем те, чьи ожидания были негативными (Machuga, 2003).

В том случае, когда информация о текущем взаимодействии носит нейтральный характер, т. е. не подтверждает и не опровергает существующие ожидания, их влияние проявляется следующим образом. Если полученные сведения касаются участника, с которым человек хорошо знаком, то выполняется принцип ассимиляции. Например, сотрудник, давно знающий своего руководителя и неоднократно общающийся с ним, более позитивно реагирует на нейтральное сообщение, если прошлое взаимодействие было справедливым, и менее позитивно – в противоположном случае (Van den Bos et al., 2005). В то же время если речь идет о незнакомом участнике взаимодействия, который напоминает человеку хорошо знакомого, то в действие вступает принцип контраста. Так, сотрудник, имеющий опыт несправедливого общения с прежним руководителем, дает более позитивную оценку нейтральному сообщению от нового, чем тот, с кем раньше обращались справедливо (Van den Bos et al., 2005).

Благодаря воздействию на установки, подтверждение / нарушение ожиданий оказывает влияние на поведение человека (Bell, Wiechmann, Ryan, 2006). Так, сотрудники, ожидающие справедливого обращения и столкнувшиеся с несправедливостью руководителя, больше склонны к мести, чем те, у кого позитивные ожидания не были сформированы (Jones, Skarlicki, 2005).

Таким образом, анализируя роль ожиданий в оценке справедливости взаимодействия, сторонники этой теории полагают, что они оказывают воздействие на установки к участникам и поведение по отношению к ним. Подобно авторам эвристической теории, они обращают внимание на соотношение между сведениями о текущем общении и предварительными ожиданиями. Однако в отличие от своих коллег, они считают, что два выделенных источника информации неразрывно связаны друг с другом. Их воздействие осуществляется в совокупности, а не по принципу «или-или».

Стоит отметить, что комбинация двух теорий позволяет описать полный цикл воздействия ожиданий о справедливости общения.

Прошрое общение, соответствующее или не соответствующее нормам справедливости, формирует у человека предварительные ожидания от будущего взаимодействия. При отсутствии подобного опыта в основу ожиданий ложатся первые сведения, полученные человеком в ходе текущего общения.

Эти ожидания направляют обработку поступающей к человеку информации и таким образом оказывают влияние на общую оценку справедливости. Выраженность этого эффекта зависит от степени соответствия между информацией о справедливости текущего взаимодействия и предварительными ожиданиями. Соответствие позитивным и нарушение негативных ожиданий повышает оценку справедливости взаимодействия, а соответствие негативным и нарушение позитивных понижает ее.

Общая оценка, в свою очередь, определяет установки человека к участникам взаимодействия и поведение по отношению к ним. Поскольку принципы ассимиляции и контраста сказываются на общей оценке справедливости, они реализуются при формировании установок и совершении поступков.

Возникает вопрос: зачем люди прикладывают столько усилий, оценивая справедливость взаимодействия? какие цели они преследуют, тщательно следя за ее соблюдением? Речь об этом пойдет в следующей главе.

Глава 2

Цели соблюдения справедливости

Вопрос о причинах соблюдения справедливости был впервые поставлен в рамках социальной философии. Описывая справедливое государство, специалисты руководствовались определенными представлениями об основных целях человеческой деятельности. Развиваясь на протяжении столетий, философские теории сыграли важную роль в создании общего культурного и научного контекста. Благодаря этому, они оказали некоторое влияние на психологические концепции (рисунок 7).

Рис. 7. Психологические объяснения стремления к справедливости

Справедливость как средство получения личного вознаграждения

Философские истоки «индивидуальной» традиции

Идея о том, что соблюдение справедливости является средством, позволяющим человеку получить личное вознаграждение, возникла в рамках либеральных теорий, получивших распространение в Европе Нового времени (Карнаш, 2004, 2006, 2008; Кашников, 2004).

Их сторонники воспринимали человека как единицу, предшествующую обществу и свободную от его уз. С точки зрения либерализма, основной ценностью является индивидуальная свобода, которая рассматривается как необходимое условие самореализации человека, преследующего личные цели («свобода от»). Следовательно, основная роль в удовлетворении потребностей отводится самому человеку, его усилиям, а не помощи со стороны других людей или государственной структуры. Такое представление о свободе связано с определенным отношением к равенству, которое понимается как личное равенство (равенство перед Богом) и равенство возможностей, но не равенство результатов.

Кроме того, либералы рассматривали человека как разумное существо. Именно этим свойством они объясняли роль, которую справедливость играет в человеческом обществе. По их мнению, благодаря наличию разума, человек понимает, что соблюдение норм справедливости позволит ему достигнуть поставленных целей.

За время существования либеральный подход претерпел значительные изменения. Его первые представители, к числу которых относились Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, рассматривали человека как существо, наделенное неотъемлемыми правами. Они полагали, что основной задачей государства является их гарантия. Как следствие, они выступали с требованием максимальной личной свободы в частной сфере и одновременно сильной власти, которая может стать арбитром в индивидуальных спорах.

Однако возникший впоследствии утилитаризм поставил под сомнение идею неотъемлемых прав, выдвинув на первое место идею пользы. Его сторонники полагали, что главной целью существования общества является достижение его гражданами счастья – удовольствия, проявляющегося на физиологическом и психологическом уровне и связанного с духовными и интеллектуальными достиже-

ниями. Соответственно, справедливым считалось общество, которое позволяет достичь этого состояния максимально большому количеству людей. По их мнению, одно состояние общества является более справедливым, чем другое, если хотя бы один человек способен более полно удовлетворить свои потребности, при условии, что остальные граждане чувствуют себя не хуже, чем раньше; или если приобретения одних людей достаточно велики, чтобы компенсировать потери других.

Классический вариант утилитаризма вызвал серьезную критику. Поэтому дальнейшее развитие либерального направления пошло по пути согласования индивидуальных прав и пользы (Р. Нозик, Д. Готиер, Дж. Ролз). Несмотря на различия между теориями, созданными в русле неолиберализма, их сторонники придерживаются нескольких общих принципов. Три первых принципа – личной свободы, индивидуальных прав и честности – были описаны в первой главе. В данном случае стоит отметить две других идеи – принципы личного интереса и кооперации.

Принцип личного интереса гласит, что люди стремятся к достижению личных целей, получению индивидуального вознаграждения. Однако поскольку разные люди обладают разными интересами и разными ресурсами, необходим механизм их согласования. Об этом говорит второй принцип.

Согласно принципу кооперации, достижение личных целей возможно лишь благодаря кооперации между людьми. Дело в том, что стремление человека к максимизации своих предпочтений может привести к неоптимальному результату, при котором страдают интересы всех заинтересованных сторон. Следовательно, для достижения максимальной выгоды люди вынуждены ограничивать себя, согласовывать свои действия с окружающими. Можно сказать, что общество (государство) является кооперативным предприятием, которое создается с целью взаимной выгоды.

Основным регулятором общественных отношений являются нормы справедливости, возникающие в результате общественного договора. Стремление достичь личных целей заставляет людей проявлять бдительность по отношению друг к другу, а нормы справедливости делают возможным их объединение во имя безопасности. Таким образом, справедливость ограничивает достижение индивидуальных целей, тем самым способствуя социальной кооперации.

Кооперация означает, что, стремясь к достижению личных целей, человек не злоупотребляет интересами окружающих, не пытается получить результат за чужой счет, не перекладывает свои затраты на плечи других участников и не наносит им ущерба. Как следствие, любые действия человека не ухудшают положение других членов общества, а социально-экономическое неравенство приемлемо только в том случае, если оно предоставляет преимущества всем гражданам, в том числе наименее преуспевающей части общества. Справедливым можно считать то общественное устройство, которое позволяет организовать жизнь таким образом. Именно в таком обществе люди получают определенные гарантии в достижении личных целей.

Таким образом, сторонники неолиберального направления уделяют большое внимание индивидуальности человека, подчеркивают важность достижения личных целей, при этом делают акцент на добровольном самоограничении участников взаимодействия и соблюдении прав всех заинтересованных сторон.

Психологические истоки «индивидуального» понимания справедливости

Идеи, развивающиеся в рамках либерального подхода, проникли и в психологию. Первоначально наибольшую популярность приобрел принцип личного интереса. Идея человека-эгоиста легла в основу целого ряда психологических концепций необихевиорального толка, созданных для описания взаимодействия, прежде всего, теорий Дж. Хоманса, Д. Тибо и Г. Келли.

В основе этого подхода лежат следующие идеи.

1. Человек по своей природе гедонист. Выбирая направление активности, он руководствуется возможным вознаграждением и наказанием: стремится получить первое и избежать второго.
2. Это стремление лежит в основе основного психологического механизма, благодаря которому человек обучается новым формам поведения. Этот механизм был назван оперантным обусловливанием.

Научение с помощью оперантного обусловливания выглядит следующим образом. Человек совершает поступок, а затем оценивает полученное подкрепление, которое может быть позитивным (вознаграждение) или негативным (наказание).

В первом случае он продолжает совершать подобные поступки в дальнейшем, а во втором изменяет свое поведение.

Достаточно часто источником подкрепления служат окружающие люди. В этой ситуации подкрепление может быть материальным и психологическим. В первом случае речь идет о ресурсах, необходимых для функционирования организма, а во втором – о выражении определенного отношения к человеку.

3. Человек разумен. Определяя характер подкрепления, он тщательно анализирует информацию о текущем взаимодействии, возможные исходы и выбирает тот, который принесет ему максимальную пользу. Под исходом понимается разница между размером вознаграждения/наказания и издержками (затраченным временем, усилиями, материальными ресурсами и т. д.).

Опираясь на прошлый опыт, человек может не только оценить текущее подкрепление, но и выдвинуть предположение о том, каким оно будет в будущем. Оценивая реальное или возможное подкрепление, он опирается на несколько основных принципов. В частности, он анализирует позитивность исхода, частоту подкрепления, время, прошедшее от совершения поступка до его получения, а также его субъективную ценность. Следовательно, чтобы оказать влияние на поведение, подкрепление должно быть осмыслено как вознаграждение или наказание.

4. Получив и оценив подкрепление, человек испытывает эмоции. Вознаграждение или избегание наказания вызывает удовольствие; наказание или отсутствие подкрепления – гнев.
5. Все указанные выше принципы описывают как обращение человека с неодушевленными объектами, так и социальное взаимодействие. Вступая в общение, человек стремится получить вознаграждение. Это продолжается до тех пор, пока его участники верят, что добились своей цели или могут сделать это в будущем. Оценивая позитивность исхода, они ориентируются как на идеальное состояние, так и на прошлый опыт.
6. Социальное взаимодействие отличается от обращения человека с неодушевленными объектами наличием взаимозависимости и контроля.

Взаимозависимость может принимать две основные формы. При симметричной зависимости каждый из участников оказыва-

ет влияние на своего партнера, тогда как при несимметричной такой возможностью обладает лишь один из них.

Взаимозависимость предполагает контроль. Он может быть фатальным, при котором действия одного участника полностью определяют исход другого, и поведенческим, дающим ограниченные возможности влияния.

Наличие взаимозависимости и контроля требует от участников взаимодействия умения согласовывать свои интересы. В противном случае, пострадавшая сторона понесет серьезные потери и покинет его. В результате участник, получивший кратковременный выигрыш, проиграет в долговременной перспективе. Следовательно, согласование интересов является необходимым условием достижения личных целей.

Именно эти идеи были реализованы в первых теориях, объясняющих роль справедливости в социальном взаимодействии – теории беспристрастности (справедливость результата) и личного интереса (справедливость процесса).

Теория беспристрастности

В середине 1960-х годов эти идеи воплотились в первой теории дистрибутивной справедливости – теории беспристрастности. У ее истоков стояли Дж. Адамс (Adams, 1965; Adams, Freedman, 1976), И. Уолстер (Walster, Berscheid, Walster, 1976) и Г. Левенталь (Leventhal, 1976). Эта теория включает в себя представление о цели социального взаимодействия, регулирующих его нормах и условиях их нарушения.

1. *Цель социального взаимодействия – получение личного вознаграждения.* Авторы этой теории рассматривают отношения между людьми как последовательность актов взаимодействия. Однако они отталкиваются от расширительной трактовки этого явления. Обычно этот термин применяется для характеристики отношений, участники которых зависят друг от друга и обладают контролем друг над другом. В то же время теория справедливости как беспристрастности описывает самые разные ситуации: от подлинного взаимодействия до одновременного совершения каких-либо действий. Во втором случае люди самостоятельно выполняют свою работу, зная о том, что делают окружающие и какое вознаграждение они

получают. Такое понимание, с одной стороны, не учитывает специфику взаимного обмена, но, с другой стороны, открывает возможность для реализации этого принципа при анализе самых разных межличностных и межгрупповых отношений.

По мнению авторов этой теории, отношения между людьми могут принимать форму симметричной и несимметричной зависимости. В первом случае речь идет о «горизонтальном» взаимодействии между людьми, имеющими равный статус, а во втором – о «вертикальном» общении между разностатусными участниками, например руководителем и подчиненными.

Сторонники теории беспристрастности полагают, что, вступая во взаимодействие, человек стремится к наилучшему исходу. Если вознаграждение сопоставимо с издержками, исход равен нулю. Когда полученные ресурсы больше, он считается положительным, а когда меньше – отрицательным. Таким образом, каждый из участников старается, чтобы его личный исход был максимально позитивен¹.

Эгоистическая ориентация порождает конфликт, результатом которого становится рост издержек и уменьшение общегруппового вознаграждения. Как следствие, исходы каждого участника становятся все хуже и хуже, что в конечном итоге разрушает взаимодействие и блокирует получение вознаграждения в дальнейшем.

Для предотвращения подобного исхода люди вырабатывают нормы, соблюдение которых позволяет им избежать затяжного конфликта, тем самым уменьшает издержки и увеличивает вознаграждение. Основную роль в этом процессе играет справедливость.

2. Беспристрастность – главная норма справедливости. Согласно теории Дж. Адамса, основной нормой справедливости является беспристрастность. В соответствии с ней взаимодействие рассматривается как справедливое, если исход, т. е. разница между издержками и вознаграждением одного участника, равна исходу другого.

Формулировка этой нормы в некоторой степени зависит от организации взаимодействия. Если в нем принимают участие три человека, один из которых распределяет вознаграждение между

1 Это предположение соответствует обыденному представлению о человеке, распространенному в индивидуалистских культурах. Располагая минимумом информации об участнике взаимодействия, их представители склонны ожидать от него эгоистической ориентации при распределении вознаграждения и недооценивать его стремление вознаградить партнера (Vuolevi, Van Lange, 2010).

двумя другими (несимметричная зависимость), то справедливым считается положение дел, когда человек, сделавший большую часть работы, получает большее вознаграждение, чем его коллега. Если речь идет о симметричной зависимости, то норма беспристрастности принимает форму взаимодополнения: справедливым считается взаимодействие, при котором вознаграждение, выделенное каждым участником своему партнеру, соответствует полученному от него. Человек, поделившийся с коллегой своим завтраком, считает справедливым, что в следующий раз его партнер сделает то же самое (Aral, Sunar, 1977).

Стоит отметить, что такая формулировка нормы беспристрастности учитывает лишь объем проделанной работы, но игнорирует усилия, которые человек прикладывает в ходе взаимодействия, потраченное им время и ресурсы. Роль этих параметров отражена в другой норме, согласно которой вознаграждение можно считать справедливым, если оно соответствует количеству затраченных усилий. Интересно, что современные сторонники теории беспристрастности поставили между этими нормами знак равенства, полагая, что человек, прикладывающий большие усилия, добьется лучшего результата. Таким образом, они не учитывают роль способностей и целого ряда ситуационных факторов.

Кроме того, говоря о беспристрастности, основоположники этой теории имели в виду вознаграждение, игнорируя наказание. Вероятно, это было связано с особым вниманием к деловому взаимодействию. Расширение контекста потребовало разделения собственно дистрибутивной и карательной справедливости. Во втором случае справедливым признается положение дел, при котором человек, нанесящий больший ущерб окружающим, например, совершивший более серьезное преступление, подвергается более серьезному наказанию, чем нанесящий меньший ущерб (Izzett, 1981).

Вне зависимости от формулировки, авторы теории беспристрастности рассматривали эту норму как критерий оценки взаимодействия. По их мнению, стремясь достичь поставленных целей, человек тщательно следит за ее соблюдением. Возведя беспристрастность в ранг основного принципа общения, они попытались описать его с помощью математической формулы (Wagstaff, Perfect, 1992).

Возникает вопрос: каким образом люди оценивают соотношение между издержками и вознаграждением/наказанием? Сторонники

теории беспристрастности полагают, что при определении справедливости взаимодействия основную роль играет не объективное соотношение издержек и подкреплений, а их восприятие участниками. Они подчеркивают, что человек, который распределяет вознаграждение, объект его действий и сторонний наблюдатель могут давать разную оценку одному и тому же исходу, и, следовательно, по-разному оценивать это общение. Это происходит по четырем основным причинам.

- Различия в оценке человеком своих и чужих издержек. Достаточно часто люди преувеличивают размер и важность своих издержек по сравнению с издержками партнера.
- Различия в оценке подкрепления. Участники взаимодействия придают разное значение одному и тому же подкреплению. Одни считают его большим, а другие – незначительным, одни рассматривают его как вознаграждение, а другие – как наказание. Например, человек, заработная плата которого составляет 10 тысяч рублей, будет рассматривать аналогичную премию как солидное вознаграждение, а тот, кто получает 100 тысяч, не придаст ей значения.
- Различия в восприятии несправедливости. Некоторые люди считают несправедливым минимальное несоответствие исходов, а другие обращают внимание лишь на серьезные расхождения. Впоследствии эти различия получили название «чувствительности к несправедливости» и стали изучаться отдельно.
- Различия в оценке элементов взаимодействия. Разные люди могут рассматривать один и тот же элемент взаимодействия с разных точек зрения. Для человека, любящего свою работу, повышение в должности без увеличения оклада станет вознаграждением, демонстрирующим признание его заслуг, а для равнодушного сотрудника – наказанием, сулящим ему лишние заботы и т. д.

Благодаря этим различиям, все без исключения участники взаимодействия могут считать себя либо выигравшими, получившими большее вознаграждение, чем предполагает норма беспристрастности, либо проигравшими.

3. *Условия нарушения беспристрастности.* Основоположники теории беспристрастности полагали, что, несмотря на большое

значение, которое люди придают этой норме, в ряде случаев они сознательно нарушают ее. Как правило, они делают это по двум причинам.

Во-первых, они хотят получить вознаграждение и следуют норме беспристрастности до тех пор, пока верят, что это поможет им достигнуть цели. В противном случае участники взаимодействия нарушают ее.

Во-вторых, люди нарушают норму беспристрастности для того, чтобы оказать воздействие на партнера – вызвать у него чувство вины и, благодаря этому, получить дополнительное вознаграждение или повысить его продуктивность.

Возникнув в 1960-е годы, теория справедливости как беспристрастности сохранила лидирующее положение при изучении дистрибутивной справедливости. Тем не менее в ней игнорируется справедливость процесса вынесения решения. Эта проблема затрагивается в следующей теории.

Справедливость процесса: теория личного интереса

В области справедливости процесса идея об эгоизме человека воплотилась в теории личного интереса, сформулированной Дж. Тибо и Л. Уолкером. Они полагали, что, вступая во взаимодействие, человек стремится получить максимальное индивидуальное вознаграждение при минимальных издержках. Не имея возможности достичь этой цели немедленно, он обращается к процедуре, которая гарантирует ему позитивный исход в будущем (Lind, Tyler, 1988).

Следовательно, оценивая общение, человек в первую очередь обращает внимание на позитивность исхода (Bauer et al., 1998). Так, выбирая норму справедливости, он ищет принцип, который позволит ему получить максимальное вознаграждение (Van Beest, Van Dijk, 2007).

Кроме того, участник, получивший благоприятный результат, т. е. достигший своей цели, считает его (Greenberg, 1987) и процесс взаимодействия более справедливыми, чем тот, кто не получил вознаграждения или был наказан (Stahl, Van Prooijen, Vermunt, 2004). Эта закономерность особенно ярко выражена у людей, стремящихся к достижениям, пытающихся изменить ситуацию, а не приспособиться к обстоятельствам, т. е. у тех, кто принимает активное участие во взаимодействии и ожидает успеха (Chan, 2006).

Лишь в том случае, когда участник не может однозначно оценить полученный результат, он обращает внимание на процедуру общения: работа в рамках справедливой процедуры повышает оценку незначительного или неблагоприятного исхода. Таким образом, процедура является «вторичным» фактором и выполняет в общении второстепенную роль.

Несмотря на некоторые различия, обе теории «индивидуального вознаграждения» имеют общие особенности. Их сторонники рассматривают оценку справедливости взаимодействия как результат рационального суждения, сделанного эгоистичным человеком, стремящимся достичь личных целей.

Основное ограничение подобных теорий связано с тем, что в целом ряде случаев человек готов пожертвовать собственными интересами ради блага других людей. Это происходит, поскольку он является социальным существом, т. е. зависит от группы и стремится стать ее частью. Эта идея отражена в другой концепции справедливости, речь о которой пойдет ниже.

Справедливость как средство сохранения группы

Философские истоки «групповой» традиции

Идея о том, что справедливость является средством сохранения общества, впервые была высказана древнегреческими философами. Античные мыслители пытались найти способ обустройства полиса, позволяющий разрешить социальные конфликты и тем самым сохранить его целостность. Работая над решением этой проблемы, они предположили, что бытие и отдельного человека, и политического сообщества вписано в план мироздания и в определенной степени неотделимо от природных ритмов. Таким образом, политическая жизнь является отражением естественного порядка. В этом контексте под справедливым общественным устройством они понимали такую организацию совместной жизни, которая соответствует этому порядку, т. е. «высшей» справедливости.

Впервые эта идея зазвучала в работах Платона, однако подлинное развитие она получила в концепции Аристотеля, описывающей идеальное государственное устройство (Кашников, 2004). В основе его понимания справедливости лежит идея о взаимозависимости

людей. По его мнению, социальная кооперация, сделавшая возможным разделение труда, облегчает выживание. Представители разного пола объединяются в семьи, семьи в кланы и т. д. Справедливой является общественная структура, способствующая такому объединению. Таким образом, Аристотель подчеркивал в человеке общинное начало и рассматривал справедливость как способ достижения общего блага. Идеи греческих философов проникли в Древний Рим, а оттуда – в европейскую философию.

В Новое время они были вытеснены либеральным подходом, сторонники которого подчеркивали независимость человека и требовали личной свободы для каждого гражданина. Однако в XX в. они возродились в концепциях коммунитаристов (Карнаш, 2006). Возможно, этому способствовало активное взаимопроникновение западных и восточных культур, а также методологический тупик, в который зашли классические либеральные теории. Не случайно идея о необходимости согласования интересов стала активно разрабатываться даже сторонниками неолиберальных концепций. Пока их представители пытались свести воедино идеи личного интереса, свободы и равенства прав, с одной стороны, и необходимости кооперации, с другой, коммунитаристы возродили идею общественного блага (Кашников, 2004; Карнаш, 2006, Прокофьев, 2001).

В основе коммунитарного подхода лежит идея о роли, которую справедливость играет в сохранении общества. Его сторонники считают, что личность имеет социальную природу, поэтому человек стремится не к индивидуальному, а к общему благу. Это означает, что стабильность, сохранение общественных связей, безопасность являются гораздо более важными ценностями, чем личная автономия.

Интересно, что на этой основе разные представители этого направления делают разные выводы. Существующие точки зрения варьируются в зависимости от восприятия роли справедливости в жизни общества и уверенности их сторонников в существовании универсальных принципов.

Одни специалисты полагают, что справедливость играет важную роль в жизни общества (А. Макинтайр, М. Ниссбаум). Необходимость справедливости, по их мнению, диктуется тем, что общественная жизнь носит конкурентный характер: желая получить определенные блага, граждане постоянно конкурируют между собой в различных видах человеческой активности. В этих условиях справедливость

является средством сохранения целостности общества. Таким образом, справедливым можно считать то политическое устройство, которое направлено не на защиту индивидуальных прав, а на сохранение социальной общности.

В качестве универсальных норм справедливости эти коммунитаристы выделяют нормы беспристрастности, равенства прав и возможностей. Например, по мнению Макинтайра, справедливым является то общество, которое воздает гражданам в соответствии с их заслугами в осуществлении общего проекта. Поскольку разные виды человеческой деятельности играют разную роль в сохранении общества, они требуют разного вознаграждения. В то же время, по мнению Ниссбаум, справедливое общество – это общество «равных возможностей», которое обеспечивает своим гражданам условия для полноценной жизни (в т. ч. материальное обеспечение и образование) при сохранении сферы индивидуального независимого выбора.

Другие коммунитаристы (М. Уольцер) также признают важную роль справедливости в жизни общества, полагая, что ее соблюдение способно сохранить социальную общность. Однако, по их мнению, эту роль могут выполнить только те нормы справедливости, которые соответствуют распространенным в обществе представлениям. Попытка применения неких «универсальных» принципов справедливости, требующая от людей игнорировать эмоции и произвольные реакции, антидемократична и не учитывает отношения, сложившиеся между ними. Как следствие, она может привести к распаду социальной общности. Последовательное применение этой идеи означает, что в разных сферах общественной жизни должны использоваться разные нормы справедливости. Перенос принципов из одной сферы в другую, например, из сферы экономических отношений в область правосудия или науки, является несправедливым.

И наконец, третьи коммунитаристы (М. Сандел) утверждают, что общинное начало устраняет необходимость справедливости, поскольку в общине на первый план выходят добродетели любви и благоволения. С их точки зрения, когда люди живут в условиях изобилия и любят друг друга, попытка следовать требованиям справедливости разрушает как одно, так и другое. В остальных случаях справедливость выступает в качестве компенсации и поэтому не играет заметной роли в жизни общества.

Несмотря на существующие различия, взгляды коммунитаристов имеют много общего. Представители этого направления подчеркивают групповую природу человека, делают акцент на необходимости групповой гармонии и важности сохранения общественной структуры. Идеи коммунитаристов созвучны современным тенденциям в развитии психологии.

Возникновение интереса к социальным группам в психологии

Долгие годы, объясняя поведение человека, психологи делали акцент на его индивидуальных особенностях. В частности, последователи психоанализа противопоставляли человека и общество; необихевиористы, не отрицая важности социального взаимодействия, сводили его роль к достижению личных целей; когнитивисты рассматривали когнитивную систему как индивидуальное образование. Лишь представители гуманистического направления признавали важную роль общественной жизни, полагая, что социальные связи могут помочь человеку в проявлении своей сущности, но могут и помешать ему.

Идея независимости от группы проникла даже в социальную психологию. Коммуникация рассматривалась как процесс обмена сообщениями между коммуникатором и реципиентом, выступающих от собственного имени и не включенных в социальную группу (например, Г. Ховланд, Р. Петти и Дж. Качоппо, Ш. Чейкен). Формирование представления о партнере изучалось как процесс, в основе которого лежат закономерности строения индивидуальной когнитивной системы (С. Аш, Ф. Хайдер, Э. Джонс и К. Дэвис, Дж. Келли и т. д.). Взаимодействие мыслилось как обмен, в котором принимают участие два человека, ведомые личными интересами. При изучении малых групп акцент делался на противостоянии личности и группы: внимание привлекали социальная леность, конформизм, стили лидерства и руководства, позволяющие управлять подчиненными. Интерес к большим группам сохранился лишь в рамках этнопсихологии. А при изучении межгрупповых отношений лидирующие позиции занимали теории, объясняющие межгрупповой конфликт индивидуальными характеристиками участников (гипотеза «козла отпущения», теория авторитарной личности Т. Адорно) или стремлением к достижению личных целей за счет победы ингруппы (теория реального конфликта Д. Кемпбелла).

Однако в начале 1970-х годов произошли серьезные перемены: психологи стали придавать все большее значение социальной группе. Область социального познания обогатилась концепцией социальных представлений С. Московичи. При изучении взаимодействия во внимание стали приниматься социальные сети. В психологии малых групп стала активно разрабатываться проблема сплоченности, все большую популярность приобретало представление о взаимозависимости лидера и ведомых. Активизировались работы по психологии толпы. И наконец, при изучении межгрупповых конфликтов лидирующие позиции заняли теории, объясняющие их возникновение особенностями группы (теории социальной идентичности Г. Тешфела, самокатегоризации Дж. Тернера) и общества (теория социального доминирования).

Вероятно, эта тенденция стала ответом на экономическую глобализацию мира, его превращение в «сетевое общество» и одновременно на усиление коллективной активности граждан. Так, по мнению М. Кастельса, формирование глобальных сетей устранило индивидуализированное Я, скрыло различия между людьми. Реакцией на потерю уникальности стало формирование новых социальных идентичностей, связанных с членством в больших группах (Кастельс, 2000).

Проникнув в психологию, идея включенности человека в различные социальные сети и группы была реализована в теориях справедливости. Она воплотилась в теории ценности группы, созданной для объяснения справедливости процесса взаимодействия.

Теория ценности группы

Эта концепция была предложена И. Линд и Т. Тайлером (Lind, Tyler, 1988). Они полагали, что одной из важнейших человеческих потребностей является потребность в аффиляции, т. е. принадлежности к группе. Вступая во взаимодействие, люди стремятся сохранить сообщество и добиться высокого статуса. Ради этого они готовы жертвовать собственными интересами.

Для достижения этой цели они используют определенную процедуру принятия решений и тщательно следят за ее соблюдением. Справедливость взаимодействия является для каждого члена группы источником информации о своем социальном положении (Peterson, 1999), показателем симпатии и уважения со стороны од-

ногруппников, высокого статуса в ней (Lind, Tyler, Huo, 1997; Shapiro, Brett, 1993; Tyler, Degoev, Smith, 1996). Ощущая социальную поддержку, люди испытывают гордость и не хотят покидать сообщество, что в конечном итоге сохраняет ее целостность (Tyler, Degoev, Smith, 1996; Van den Bos, Vermunt, Wilke, 1996).

Именно поэтому участники взаимодействия, которые сильно идентифицируются со своей группой, считают ее важной частью своей жизни, судят о справедливости результата по справедливости процесса общения (Orpen, 1994).

Вынося решение о справедливости процесса, люди ориентируются на ценности группы: наиболее справедливой признается та процедура, которая соответствует основным групповым ценностям. Это означает, что члены разных сообществ по-разному воспринимают одно и то же взаимодействие, дают ему разную оценку. Это, прежде всего, касается тех людей, которые общаются с членами ингруппы и зависят от ее представителей (Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002). Исключение составляют компоненты, соответствующие универсальным ценностям – гарантирующие возможность принять участие в групповой деятельности, повысить социальный статус, «сохранить лицо».

Благодаря признанию социальности человека, теория ценности группы долгое время конкурировала с теорией личного интереса. Этот антагонизм проявился, прежде всего, в том, как сторонники разных концепций объясняли важность одних и тех же норм процедурной справедливости, прежде всего, права голоса и однообразия. Например, по мнению психологов, работающих в рамках модели личного интереса, человек ценит право голоса, поскольку благодаря этому он получает возможность достичь своей цели¹.

1 В частности, право голоса оказывает влияние на оценку справедливости процедуры преимущественно в том случае, когда оно касается важного и полезного решения (Cropanzano, Folger, 1989; van den Bos, Spruijt, 2002), реализуется перед его принятием (Lind, Kanfer, Earley, 1990) и помогает получить позитивный результат человеку, который не обладает свободой выбора (van Prooijen, 2009), но имеет сильную мотивацию достижения (van Prooijen, Karremans, van Beest, 2006) и ориентацию на социальное доминирование (De Cremer, Cornelis, Van Hiel, 2008). Кроме того, влияние контроля за процессом опосредовано восприятием контроля за результатом: право голоса увеличивает ощущение контроля за результатом, а он, в свою очередь, определяет общую оценку справедливости (McFarlin, Sweeney, 1996).

В то же время в соответствии с моделью групповых ценностей, соблюдение этой нормы дает людям возможность почувствовать свою значимость и позволяет сохранить целостность группы¹ (McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Shapiro, Brett, 1993). Аналогично, однообразии процедуры можно рассматривать как способ достижения личных целей (модель личного интереса) и как реализацию одной из важных групповых ценностей (модель групповых ценностей) (Ployhart, Ryan, 1998).

Каким образом разрешается этот спор в настоящее время?

В соответствии с одной точкой зрения, следуя нормам справедливости процесса, разные люди стремятся к достижению разных целей. Одни хотят получить индивидуальное вознаграждение, а другие занять определенное положение в группе (Neuer et al., 2002).

В соответствии с другой позицией, дистрибутивная справедливость является, прежде всего, средством достижения личных целей, а процедурная и межличностная – средством включения в группу и повышения статуса. В частности, люди ценящие власть и достижение, придают большее значение дистрибутивной, а универсализм и доброту – процедурной справедливости (Lipponen, Olkkonen, Muutu, 2004). Возможно, именно поэтому в рамках социально-психологического подхода пока отсутствует теория, в которой желание сохранить группу рассматривается как причина соблюдения дистрибутивной справедливости.

Справедливость ради справедливости: теории морального развития

Третье представление о целях соблюдения справедливости берет свое начало в работах по социальной философии, созданных древнегреческими авторами. Они полагали, что справедливость – основной принцип мироздания, лежащий в основе идеальных государственных систем. Земное воплощение этого принципа становится возможным, благодаря как внешним по отношению

1 Так, по данным исследований роль этой нормы зависит не от позитивности и важности результата, возможности повлиять на него, а от включенности человека в группу (Musante, Gilbert, Thibaut, 1983; Tyler, 1987; Tyler, Rasinski, Spodick, 1985; van Prooijen, van den Bos, Wilke, 2004). Ее влияние сохраняется, даже если человек может высказать свое мнение после принятия решения (Lind, Kanfer, Earley, 1990; Lind, Earley, 1992).

к человеку, так и внутренним силам. Внешняя справедливость воплощается в законе и носит принудительный характер. Внутренняя справедливость проявляется в поступках граждан, которые они совершили добровольно и сознательно, т. е. понимая, почему, зачем и для кого они это делают. Таким образом, еще в философии древнего мира справедливость стала рассматриваться как добродетель человека.

Продолжая эту традицию, психологи включили ее в состав морального сознания. Сторонники этой позиции полагают, что справедливость и несправедливость можно рассматривать в терминах «добра» и «зла». Следуя ее требованиям, люди стремятся поступить «хорошо», «правильно». Таким образом они соблюдают справедливость ради нее самой.

Впервые эта идея была изложена в **теории морального развития Л. Колберга** (Анцыферова, 1999; Николаева, 1995). Он полагал, что ядро морального сознания составляют одиннадцать ценностей, важное место среди которых занимает доверие и справедливость в обмене (меновая справедливость), а также справедливость наказания (карательная справедливость). Их функция заключается в распределении прав и обязанностей, регулируемом нормами равенства и взаимности (беспристрастности). Нормы справедливости являются основой для разрешения моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов разных людей. Уровень морального развития определяется стилем отношения к этим ценностям, в том числе к справедливости и, как следствие, к соблюдению ее норм (Гулевич, 2006в, 2009б).

Л. Колберг полагал, что основные ценности и моральные нормы вырабатываются в ходе общения. Поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям. Поясняя свою мысль, он выделил три уровня и шесть стадий этого процесса.

- Человек, находящийся на доконвенциональном уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько он удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии. Первая характеризуется ориентацией на наказание и послушание: основным двигателем поведения человека является страх перед наказа-

нием. В то же время вторая стадия предполагает соблюдение баланса между наказанием и вознаграждением.

- Человек, находящийся на конвенциональном уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества. На третьей стадии он руководствуется требованиями малой группы – семьи, друзей, коллег, а на четвертой – нормами общества, в котором он живет.
- Постконвенциональный уровень – самый высокий уровень морального развития. Человек, который находится на нем, руководствуется безличными моральными стандартами. На пятой стадии он понимает относительность и договорной характер моральных норм и придает большое значение соблюдению индивидуальных прав. Поэтому для него большое значение приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение. Человек на самой высокой – шестой стадии – самостоятельно выбирает нормативную систему и следует ей.

На первый взгляд, роль справедливости на первом уровне морального развития соответствует теориям беспристрастности и личного интереса, на втором – теории ценности группы. И только третий этап специфичен для данной теории. Однако тот факт, что речь идет о моральном развитии, накладывает отпечаток на все уровни: вне зависимости от того, почему люди выполняют нормы справедливости, они рассматривают их соблюдение как правильное и необходимое, а совершенный поступок как добро или зло.

Идея о связи справедливости с моральным сознанием получила дальнейшее развитие в теориях моральных схем Дж. Реста и защиты ценностей Л. Скитки. Несмотря на единый теоретический источник, выводы, сделанные авторами этих концепций, оказались совершенно разными.

Дело в том, что **теория моральных схем** создавалась в противовес модели Колберга. Понятие «моральной схемы» было введено **Дж. Рестом**, который понимал под ней совокупность представлений о том, ради чего необходимо соблюдать социальные нормы. Он выделил три таких схемы: схему личного интереса, которая соответствует второй и третьей стадиям по Колбергу; схему усвоения норм, соответствующую четвертой стадии; постконвенциональную

схему, соответствующую пятой и шестой стадиям (Rest et al., 2000). Несмотря на некоторое сходство, по структуре схема сильно отличается от уровня.

Уровень морального развития рассматривается как совокупность когнитивных операций, содержание которых универсально, т. е. не зависит от культуры. Эти операции сменяют друг друга в заранее заданном порядке. Моральное развитие заключается в резкой смене стадии или уровня.

В то же время когнитивная схема – это совокупность представлений, имеющих культурную специфику. Моральное развитие может происходить в разных направлениях и заключается в постепенном изменении частоты использования разных схем. Это означает, что человек может использовать несколько моральных схем одновременно (Krebs, Denton, 2006).

В соответствии с логикой Реста, состояние морального развития определяется по трем параметрам: схеме, фазе и направлению. Так, у человека, как правило, есть ведущая схема, на основании которой он разрешает большинство моральных дилемм. При этом он может находиться в фазах консолидации, т. е. постоянно использовать одну и ту же схему, или перехода, т. е. использовать разные. В целом, моральное развитие может идти по пути выбора более или менее сложной схемы, т. е. вперед или назад (Derryberry, Thoma, 2005).

Изменение представления о моральном развитии не могло не отразиться на понимании справедливости. В отличие от Колберга, который считал ее ключевым элементом морального сознания, Рест и его последователи лишь констатировали ее связь с моральными схемами. Они показали, что люди, использующие схему личного интереса, при оценке взаимодействия придают большое значение дистрибутивной справедливости, а схему усвоения норм и постконвенциональную схему – процедурной. Это, в первую очередь, касается норм, связанных с соблюдением прав всех участников – нейтрализации предубеждений, единообразия процедуры, уважения к партнеру (Мууру, Helkama, 2002; Wendorf, Alexander, Firestone, 2002).

Другой вариант связи между оценкой справедливости и моральным сознанием был предложен в теории защиты ценностей Л. Скитки. Однако в ее основе лежит идея когнитивного баланса. Поэтому мы рассмотрим ее в следующем параграфе.

Справедливость как средство сохранения когнитивного баланса

Последний подход к пониманию того, почему люди стремятся к соблюдению справедливости, не имеет определенного философского источника. Он берет начало в теориях когнитивного соответствия, речь о которых шла в предыдущей главе.

В соответствии с этими теориями любой человек обладает когнитивной системой и стремится к удовлетворению так называемых когнитивных потребностей – потребностей в понимании, предсказуемости и контроле. Ощущение того, что мир понятен, предсказуем и поэтому находится под его контролем, позволяет человеку сохранить психологическое благополучие – уменьшить негативные эмоции и обрести уверенность в себе. Чтобы добиться такого результата, человек ведет себя или интерпретирует информацию о взаимодействии таким образом, чтобы его можно было считать справедливым.

Первой психологической теорией справедливости, в которой подчеркивалась важность когнитивных потребностей, была концепция справедливого мира М. Лернера (глава 1). В ней делался акцент на общую оценку справедливости, формирующей ожидания от конкретного взаимодействия. Однако в ней игнорировалась важность соблюдения отдельных норм. Этот пробел был восполнен в двух других концепциях – теории защиты ценностей и реинтерпретации теории самокатегоризации применительно к справедливости.

Теория защиты ценностей

Автором концепции защиты ценностей является Л. Скитка (Bauman, Skitka, 2009; Mullen, Skitka, 2006; Napier, Tyler, 2008; Rupp, Bell, 2010; Skitka, 2002, 2003; Skitka, Mullen, 2002). Ее сторонники полагают, что каждый человек обладает определенными ценностями, которые воплощаются в ряде аттитюдов. Например, ценность сохранения жизни тесно связана с социальными установками, направленными против войны, аборт, смертной казни и любых других форм «узаконенного убийства». Теоретически каждой ценности соответствуют сразу несколько аттитюдов, однако человек уделяет большее внимание одним, игнорируя другие. Например, являясь пацифистом, он может не задумываться о запрете абортов. Такие важные аттитюды получили название «моральных требований».

Соблюдение ценностей и соответствующих им аттитюдов, прежде всего, моральных требований, оказывает влияние на оценку справедливости взаимодействия, которая происходит в два этапа.

- Первый этап начинается незадолго до или в самом начале общения и заканчивается перед получением окончательного результата. В ходе него люди выносят первые суждения о справедливости взаимодействия, ориентируясь на процедуру или свои ожидания.
- Второй этап начинается после окончания общения, когда его результат уже известен. Если он соответствует моральным требованиям, взаимодействие считается справедливым, а в противоположном случае – нет.

Например, если человек выступает против смертной казни, оценивая справедливость судебного процесса над убийцей, он будет отталкиваться от своего отношения к правовой системе в целом и событий, происходящих в зале суда. Однако после вынесения приговора его оценка может кардинально измениться: если подсудимый был приговорен к смертной казни, человек даст низкую оценку справедливости судебного процесса, вне зависимости от того, как именно он проходил. В то же время, если казнь будет заменена пожизненным заключением, он даст высокую оценку справедливости, даже если судебный процесс шел с нарушением норм.

Это означает, что, получая результат, соответствующий моральным требованиям, люди оправдывают применение несправедливой процедуры. Чем сильнее моральное требование, тем меньше внимания человек уделяет справедливости процедуры и тем больше – соответствию результата важным для него ценностям; тем менее справедливым он считает взаимодействие, результат которого противоречит им.

Оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на самовосприятие человека. Это происходит, поскольку, вступая в общение, он стремится сохранить позитивное и непротиворечивое представление о себе. Соблюдение ценностей и соответствующих им моральных требований является важным аспектом личной идентичности, поэтому, нарушая их, человек разрушает это представление.

Желая сохранить его, люди защищают свои убеждения, даже когда им приходится преодолевать серьезное сопротивление окружающих, подвергать риску свое материальное и социальное положение.

ние. Поскольку в данном случае речь идет о личной идентичности, выраженность этой тенденции не зависит от внешнего давления или интересов участников.

Если своими действиями человек все-таки нарушил моральные требования, у него возникает когнитивный диссонанс, вызывающий отрицательные эмоции. Пытаясь восстановить равновесие, человек использует стратегии «очернения» и «очищения». Сначала он обвиняет себя, испытывает чувство вины («очернение»), после чего переоценивает ситуацию и ведет себя таким образом, чтобы продемонстрировать свою позитивность («очищение»). Чем сильнее моральное требование, тем интенсивнее он использует эти стратегии.

Кроме представления о себе, оценка справедливости взаимодействия определяет отношение человека к другим людям. Так, нарушение моральных требований, произошедшее по вине окружающих, порождает гнев, протест против действий виновника и стремление наказать его, даже если для этого придется пожертвовать собственными интересами. Эта тенденция проявляется как у жертв, так и у сторонних наблюдателей.

Однако подобное стремление порождает серьезное противоречие. С одной стороны, человек желает наказать виновника, с другой, не хочет нарушать одно из самых сильных моральных требований, связанных с ненаданием вреда. Это противоречие люди разрешают достаточно оригинальным образом: принимая решение о наказании виновника, они руководствуются соображениями воздаяния по заслугам, а об отмене наказания – ненаданием вреда.

Таким образом, теория защиты ценностей объединяет в себе идеи концепций морального развития и когнитивного соответствия. С одной стороны, ее сторонники признают, что оценка справедливости взаимодействия зависит от степени, в которой оно соответствовало моральным требованиям. С другой стороны, они полагают, что человек следует им не ради их соблюдения, а ради сохранения психологического благополучия.

Реинтерпретация теории самокатегоризации

Другим вариантом реализации идеи когнитивного соответствия стала теория самокатегоризации, сформулированная применительно к справедливости.

Основы теории самокатегоризации были сформулированы во второй половине 1980-х годов Дж. Тернером (Гулевич, 2006а). Он полагал, что, встречаясь с другими людьми, человек осуществляет социальную категоризацию – причисляет их к тем или иным социальным группам-категориям. Одновременно с этим он помещает в одну из групп самого себя. Этот процесс называется самокатегоризацией.

Социальные категории имеют сложную структуру: они включают в себя общие признаки, примеры ее отдельных представителей и прототипы – представления о наиболее характерном члене группы. Прототип состоит из черт, отличающих одну группу от другой. Благодаря ему, представители одной группы рассматриваются как похожие друг на друга, а члены разных – нет. К социальной категории могут быть отнесены те люди, которые соответствуют основным признакам, отдельным примерам или групповому прототипу.

Категории различаются по объему. Объем зависит от количества людей, которые потенциально могут быть включены в нее. Например, категория «представители Евросоюза» шире категории «жители Германии». В зависимости от индивидуальных характеристик и ситуации общения человек причисляет себя то к узкой, то к широкой категории, например, считает себя жителем Москвы или Европейской части России.

Какую функцию выполняют категоризация окружающих и самокатегоризация? Основоположники теории полагали, что эти процессы позволяют человеку структурировать свое представление о мире и Я-концепцию, сделать их более определенными, т. е. удовлетворить базовые когнитивные потребности. Это, в свою очередь, позволяет людям сохранить психологическое благополучие.

Применив эти идеи при изучении справедливости, М. Вензел предположил, что оценка распределения ресурсов определяется самокатегоризацией человека (Wenzel, 2000, 2001, 2004). Это означает, что суждения о справедливости зависят от психологической структуры ситуации, т. е. от актуализации тех или иных социальных категорий. Выбор категории определяется тем, позволяет ли она разделить людей на несколько групп, соответствует ли ее содержание особенностям участников, легко ли она вспоминается, позволяет ли она повысить самооценку субъекта категоризации и т. д.

Социальная категоризация оказывает разноплановое влияние на выбор норм дистрибутивной справедливости.

- Люди используют одни и те же нормы по отношению к членам одной группы, но разные для представителей различных групп. Так, они отдают предпочтение норме равенства по отношению к «своим» и беспристрастности – к «чужим». Как следствие, они по-разному оценивают справедливость в зависимости от того, к широкой или к узкой категории причисляют себя. Например, западные немцы, рассматривающие себя как немцев вообще, т. е. использующие широкую категорию, считают справедливым, чтобы экономическое положение восточных немцев соответствовало их собственному, а в противном случае выражают протест. Однако те люди, которые категоризируют себя как западных немцев, т. е. используют узкую категорию, считают справедливым материальную дифференциацию в зависимости от места проживания.
- Самокатегоризация оказывает влияние на выбор претендентов на ресурсы. Как правило, люди считают справедливым выделить большее вознаграждение той группе, прототип которой включает в себя больше социально желательных черт, и серьезнее наказать – социально нежелательных. Например, западные немцы, воспринимающие себя как прототипичных представителей Евросоюза, считают отказ принять Турцию в ряды этого объединения более справедливым, чем менее прототипичные. Поскольку в большинстве случаев люди имеют более позитивное представление о своей группе, они выступают за ее вознаграждение, даже если это наносит ущерб окружающим.
- Самокатегоризация оказывает влияние на выбор способа восстановления справедливости. При общении с представителями «своей» группы люди, ставшие жертвой несправедливости, чаще выступают за компенсацию нанесенного ущерба, а не за наказание виновника, чем при взаимодействии с членами «чужой» (Wenzel et al., 2010).

Таким образом, теория самокатегоризации объясняет, каким образом люди делают выбор в пользу дифференцирующих и недифференцирующих норм дистрибутивной справедливости. Этот выбор позволяет им сделать мир более понятным и предсказуемым, обрести над ним контроль и тем самым сохранить психологическое благополучие.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на разнообразие целей соблюдения справедливости, предложенных сторонниками социально-психологического подхода к ее изучению, в основе всех теорий лежит одно и то же базовое предположение. Оно гласит, что, следя за справедливостью общения, все люди преследуют одну и ту же цель. Эта цель определяет важность либо дистрибутивного (концепции беспристрастности, морального развития, защиты ценностей, самокатегоризации), либо информационного, процедурного и межличностного (концепции личного интереса и ценности группы) компонентов справедливости. Лишь немногие специалисты признают, что разные участники взаимодействия могут преследовать разные цели. Однако даже в них не проводится специального различия между отдельными нормами дистрибутивной и процессуальной справедливости.

Глава 3

Регулятивная функция справедливости

Общая оценка справедливости является одним из основных регуляторов социального взаимодействия. Стремясь достичь поставленной цели, человек не только сам соблюдает соответствующие нормы, но и следит за тем, как ведут себя другие люди. Их действия и заранее сформированные ожидания оказывают влияние на общую оценку общения, которая, в свою очередь, вызывает у него различные когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции.

Соблюдение справедливости создает у человека общий позитивный настрой, благодаря которому он высоко оценивает себя и окружающих, испытывает по отношению к ним положительные эмоции и активно включается в общую деятельность. В то же время несправедливость порождает противоположные реакции и вызывает желание восстановить ее (рисунок 8).

Регулятивная функция справедливости ярче всего проявляется у заинтересованных лиц, принимающих непосредственное участие во взаимодействии. Однако она оказывает влияние и на оценки наблюдателя, если он идентифицируется с кем-нибудь из участников, обладает опытом подобного общения или ожидает, что также может стать жертвой справедливого или несправедливого обращения.

Идея о регулятивной функции, которую выполняет оценка справедливости, впервые появилась в работах Дж. Адамса, Г. Левенталя, И. Уолстера, посвященных теории беспристрастности. Фактически она оправдывала создание психологических концепций справедливости, задавала пути их практического приложения. За время, прошедшее с создания этой теории, регулятивная функция получила значительное эмпирическое подтверждение. Сегодня психологи

Рис. 8. Регулятивная функция справедливости

обсуждают не столько ее наличие, сколько конкретные направления и условия ее реализации.

В целом, процесс воздействия оценки справедливости взаимодействия укладывается в рамки схемы «когниции–эмоции–намерения–поведение». Это означает, что справедливость общения оказывает влияние на оценки человека, эти оценки – на эмоции, эмоции – на намерения и поступки. Другими словами, его можно свести к традиционной последовательности «аттитюды¹–поведение»: оценка справедливости взаимодействия выступает в качестве информации, актуализирующей те или иные аттитюды о его участниках; они оказывают влияние на намерения, а намерения – на реальное поведение (рисунок 8).

Интересно, что при изучении регулятивной функции психологи почти всегда игнорируют основные свойства аттитюдов (например, их возможную амбивалентность и неосознанность), механизмы социального познания (например, атрибуцию и эмпатию), а также модели намеренного поведения. Исследования, как правило, сводятся к изучению содержания социальных установок и соответствующих им поступков. Каковы направления воздействия оценки справедливости?

1 В данном случае аттитюды рассматриваются как психологическое образование, состоящее из когнитивного и аффективного компонента и оказывающего влияние на намерения и поведение.

Справедливость и оценка участников взаимодействия

Влияние справедливости на восприятие партнера

Оценка справедливости общения оказывает влияние на аттитюды к его участникам – их оценку и уважение, удовлетворенность сложившимися отношениями (рисунок 9).

Это влияние проявляется в самых разных сферах: от личных контактов до политических процессов.

Оценка и уважение связаны, прежде всего, со справедливостью процесса, т. е. с процедурным и межличностным компонентами. В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что восприятие справедливости оказывает влияние на отношение к высокостатусным участникам общения – руководителям, учителям, сотрудникам правовых институтов и политикам, т. е. людям, которые принимают решения в отношении окружающих.

- Чем выше сотрудники оценивают справедливость организационного взаимодействия, тем больше они уважают руководителя и доверяют ему, тем большую привязанность к нему испытывают (Ambrose, Schminke, 2003; Choi, 2008; Konovsky, Cropanzano, 1991; Lind, Tyler, 1988; Meierhans, Rietmann, Jonas, 2008; Murphy et al., 2003; Peterson, 1999; Tyler, Rasinski, Spodick, 1985).
- Чем выше школьники оценивают справедливость взаимодействия, тем более высокую оценку они дают своим учителям (Lizzio, Wilson, Hadaway, 2007) и легитимности их действий (Gouveia-Pereira et al., 2003). Это, в свою очередь, увеличивает оценку легитимности правовых институтов

Рис. 9. Влияние оценки справедливости на аттитюды к участникам

(полиции, суда) (Gouveia-Pereira et al., 2003). Таким образом, школьники воспринимают учителей как представителей государственной власти.

- Чем более высокую оценку граждане дают справедливости сотрудников правоохранительных органов, суда и судьи, тем более позитивно оценивают их (Lind, Tyler, 1988; Tyler, 1984, 1987) и их решения (LaTour, 1978; Lind et al., 1980; Lind, Tyler, 1988; Machura, 2003; Walker et al., 1974; Walker, Lind, Thibaut, 1979), тем более высокую оценку они дают правовой системе (Tyler, 1989), тем более легитимной ее считают (Lind, Tyler, 1988; Tyler, 1987, 2006).
- Чем выше граждане оценивают справедливость действий политиков, тем более позитивно относятся к ним (Lind, Tyler, 1988), политическим решениям и легитимности политической системы (Besley, McComas, 2005).

Ограничения подобных исследований связаны, прежде всего, с тем, что в них игнорируется роль справедливости в отношении к равно- и низкостатусным участникам общения. Исключение составляет ее воздействие на уважение и симпатию к коллегам (Flynn, Brockner, 2003; Murphy et al., 2003) – единственное свидетельство переноса позитивного или негативного отношения с организаторов взаимодействия на его участников.

Оценка и уважение тесно связаны с другим параметром – *удовлетворенностью отношениями*. Справедливость взаимодействия дает людям ощущение комфорта и безопасности, повышает удовлетворенность от общения с партнером. Это влияние проявляется в самых разных отношениях – от семейных до правовых. Однако, в отличие от оценки и уважения, в данном случае большая роль отводится дистрибутивной справедливости.

- Например, чем выше супруги оценивают справедливость распределения домашних обязанностей, тем больше они удовлетворены существующим положением дел (Mikula et al., 1997). Поскольку в личных отношениях приветствуется равенство, те партнеры, которые считают свои отношения равными, больше любят «вторую половину», больше удовлетворены отношениями, выше оценивают свою сексуальную жизнь (Hatfield, Rapson, Aumer-Ryan, 2008).

- Чем выше сотрудники организации оценивают справедливость взаимодействия, тем сильнее они удовлетворены отношениями с руководителем (Phillips, 2002; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и своей работой (Темницкий, 2005; Темницкий, Максимова, 2008; Irving, Coleman, Bobocel, 2005; Konovsky, Cropanzano, 1991; Lambert, 2003; Lind, Tyler, 1988; Loi, Yang, Diefendorff, 2009; Miller, 1989; Ohbuchi, Suzuki, Hayashi, 2001; Peterson, 1999; Roberson, Moye, Locke, 1999; Schmitt, Dorfel, 1999; Witt, Broach, 1993). Причем эта связь наиболее ярко проявляется на успешных предприятиях (Темницкий, 2005).
- Чем выше граждане оценивают справедливость действий сотрудников правоохранительных органов и судей, тем больше они удовлетворены своим взаимодействием в рамках правовой системы (Lind, Tyler, 1988; Tyler, Folger, 1980).

Зачастую справедливость общения в одной сфере оказывает влияние на отношение к процессам, происходящим в другой. Так, пациенты психиатрических клиник, помещенные на принудительное лечение по решению суда, более позитивно относятся к правилам госпиталя, решениям персонала и принятию лекарств, если это решение было вынесено в ходе справедливой процедуры (Cascardi, Poythress, Hall, 2000).

Однако оценка справедливости взаимодействия утрачивает свое значение, если участники считают ее соблюдение средством маскировки невыгодного для них решения. Например, возможность высказать свое мнение не оказывает влияния на attitudes к сотрудникам организации, если они не верят, что к их мнению действительно прислушиваются (Lind, Tyler, 1988).

Отношение к партнеру по общению – лишь один из объектов воздействия общей оценки справедливости. Другим объектом является Я-концепция человека.

Влияние справедливости на Я-концепцию

Под Я-концепцией в данном случае понимается представление человека о себе, включающее два основных компонента «образ Я» и самооценку (Белинская, Тихомандрицкая, 2001). Почему справедливость взаимодействия оказывает влияние на Я-концепцию его участников? На этот вопрос существует два основных ответа.

Первый объясняет изменения в Я-концепции жертвы справедливых или несправедливых действий. С точки зрения интеракционистов, в основе представления человека о себе лежит реакция окружающих. Он следит за тем, как другие люди воспринимают его действия и, руководствуясь этой информацией, приписывает себе те или иные характеристики, дает высокую или низкую оценку. Справедливость взаимодействия говорит человеку об отношении со стороны окружающих и, как следствие, определяет содержание Я-концепции. В эту логику укладываются идеи, высказанные сторонниками теории ценности группы.

Эту точку зрения подтверждают результаты эмпирических исследований. Они демонстрируют, что человек, ставший жертвой несправедливости, обладает более низкой самооценкой (De Cremer, 2003; De Cremer, Blader, 2006; De Cremer et al., 2005; Tyler, Degoe, Smith, 1996) и самоэффективностью (Gilliland, 1994; Phillips, 2002), чем тот, с кем обращались справедливо. Вероятно, это происходит по той причине, что люди воспринимают несправедливое отношение к себе как показатель собственной неполноценности, непопулярности или неумения отстаивать свои интересы.

Второй ответ дают сторонники теории справедливого мира и защиты ценностей. Они объясняют изменения самооценки виновника справедливых и особенно несправедливых действий. По их мнению, нарушение норм справедливости является социально-нежелательным, вызывает порицание со стороны окружающих и понижает самооценку виновника.

Стремясь восстановить когнитивный баланс и сохранить психологическое благополучие, люди актуализируют иной аспект образа Я или изменяют самооценку. В первом случае человек, нарушивший своим поведением нормы справедливости, характерные для одного аспекта идентичности, отвергает его и выбирает другой (Skitka, 2003). Во втором случае он завышает самооценку по параметру справедливости, подчеркивая таким образом случайность произошедшего (Гулевич, 2007).

Изменения в оценке людей и Я-концепции, возникающие вследствие справедливого или несправедливого обращения, сказывается на их эмоциональном состоянии, т. е. оказывает влияние на аффективный компонент attitudes к себе и другим участникам взаимодействия.

От оценки к эмоциям: роль справедливости взаимодействия

Впервые идея о влиянии когний на эмоции возникла в недрах общей психологии: ее сторонники полагали, что эмоциональное состояние порождается оценкой вероятного или полученного человеком результата (Бреслав, 2004). Согласно этой точке зрения, ожидание позитивного результата и его наличие вызывает положительные эмоции, в первую очередь, радость и гордость. В то же время отрицательный результат связан с негативными эмоциями: его ожидание вызывает страх; понимание того, что ущерб уже нанесен – грусть, сожаление и разочарование; восприятие нарушения социальных норм – гнев и чувство вины.

Эта идея получила развитие в теориях справедливости. Ее сторонники полагают, что справедливое взаимодействие вызывает радость, гордость и симпатию к участникам, а несправедливое – нарушение социальных норм – страх, гнев и чувство вины (De Cremer, Ruiters, 2003).

Стоит отметить, что психологи проявляют преимущественный интерес к негативным эмоциям в ущерб позитивным. По их мнению, нарушение социальных норм вызывает больший эмоциональный отклик, чем их соблюдение. Эта точка зрения получила серьезное эмпирическое подтверждение. Так, описательные исследования показали, что среди ассоциаций на слово «несправедливость» эмоциональные состояния встречаются гораздо чаще, чем при описании справедливости (Голыничик, 2004). Кроме того, экспериментальные исследования продемонстрировали, что оценка справедливости взаимодействия оказывает большее влияние на отрицательные эмоции по сравнению с положительными (De Cremer, Den Ouden, 2009; Weiss, Suckow, Cropanzano, 1999). В частности, радость зависит в основном от позитивности результата, а вина и гнев – как от результата, так и от справедливости процедуры (Weiss, Suckow, Cropanzano, 1999). Исключение составляет гордость, выраженность которой также определяется процессом взаимодействия.

Такая асимметрия является частным случаем более общей закономерности, заключающейся в том, что негативная информация привлекает большее внимание, оказывает более серьезное влияние на последующие суждения и вызывает более сильные эмоции, чем позитивная. Это касается не только нарушения социальных норм, но и наличия у человека каких-либо социально-нежелательных ха-

рактеристик, связанных с отношением к другим людям. Как правило, это объясняется тем, что «нарушитель» представляет опасность для окружающих, благополучие которых зависит от скорости и адекватности реакции на его действия.

Несправедливость взаимодействия порождает как относительно простые эмоции, так и сложные эмоциональные синдромы. Это влияние особенно ярко проявляется, когда, по мнению участников, «еще бы чуть-чуть» и их судьба могла сложиться иначе (Van den Bos, Van Prooijen, 2001).

Среди отдельных негативных эмоций важное место занимают гнев, страх и чувство вины (рисунок 10).

Под *гневом* понимается эмоциональная реакция, возникающая при столкновении человека с препятствием в достижении цели. По мнению некоторых психологов, гнев вызывается любой аверсивной стимуляцией. Однако наибольшую роль в его возникновении играют действия других людей – ненависть и осуждение, обман и предательство с их стороны, а также глупые и необдуманные поступки (Изард, 2000).

Гнев – одна из самых распространенных эмоций, возникающих в отношениях разного типа – от личных до общественно-полити-

Рис. 10. Негативные эмоции от несправедливости

ческих (Гулевич, 2007г; Blaauw, Winkel, Vermunt, 2000; Chiu, 1991в; Rupp, Spencer, 2006; Tyler, 1989). Например, его испытывает претендент на работу, которому предпочли менее компетентного человека; покупатель, дающий низкую оценку действиям продавца; заключенный или подсудимый, считающий, что с ним обращаются несправедливо, и т. д. Гнев порождает враждебность к людям (Judge, Scott, Hies, 2006).

В зависимости от роли, которую злящийся человек играет во взаимодействии, выделяют личный и эмпатический гнев. Личный гнев испытывает тот, кто стал жертвой несправедливых действий. Как правило, он пытается нанести ущерб виновнику и достичь своей цели. В то же время эмпатический гнев возникает у человека, который наблюдает за причинением ущерба кому-либо другому: он стремится не только наказать виновника, но и помочь его жертве (Batson et al., 2007). Однако в целом жертва испытывает более негативные эмоции, чем наблюдатель. Это означает, что личный гнев сильнее эмпатического.

Вторая негативная эмоция, которая возникает вследствие несправедливости – это *страх (тревога)*. Ее испытывает как жертва, так и виновник: первая боится ухудшения своего положения, а второй – наказания.

И наконец, третья эмоция, возникающая у участников несправедливого взаимодействия – это *чувство вины*, под которым понимается неприятное чувство недовольства собой, вызванное рассогласованием между своим поведением и социальными нормами. Чувство вины порождается не только несправедливыми действиями, но и сопротивлением, оказанным их жертвой (Fazio, Hilden, 2001; Son Hing, Li, Zanna, 2002). Как правило, его испытывают свидетели или виновники.

Кроме простых эмоций несправедливость порождает синдромы, включающие эмоциональную составляющую. К ним, прежде всего, относятся последствия стресса. Под стрессом в данном случае понимается определенная связь между человеком и средой, которую он воспринимает как обременяющую или превышающую его ресурсы и подвергающую опасности его будущее (Брайт, Джонс, 2003). В качестве таких последствий рассматривают профессиональное выгорание и психологическое напряжение.

Психологическое напряжение включает в себя физиологические нарушения, уменьшение мотивации и уровня активности, а также

отдельные негативные эмоции, прежде всего страх и гнев. В то же время под *профессиональным выгоранием* понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность (чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное работой), деперсонализацию (циничное отношение к труду и его объектам, к клиентам) и уменьшение профессиональных достижений (чувство некомпетентности, профессиональной неуспешности) (Орел, 2001).

Эти эмоциональные синдромы являются результатом длительного психотравмирующего воздействия, несправедливого обращения с человеком. В частности, эмпирические исследования, проведенные в организациях, показывают, что чем чаще сотрудники сталкиваются с несправедливостью, тем большее психологическое напряжение они испытывают (Elovainio, Kivikami, Helkama, 2001; Riolli, Savicki, 2006; Rousseau et al., 2009), тем сильнее выражено у них эмоциональное выгорание (Moliner et al., 2005; Riolli, Savicki, 2006), тем хуже они справляются со стрессом (Ben-Ari, Tsur, Har-Even, 2006; Judge, Colquitt, 2004), тем чаще у них встречаются психосоматические заболевания, в первую очередь, ночные кошмары, которые порождают бессонницу ночью и сонливость днем (Beatty et al., 2011; Elovainio et al., 2003; Greenberg, 2006; Xia, Schaubroeck, Lam, 2008). Подобное влияние возникает и в правовых институтах. Например, чем выше оценка справедливости судебного процесса, тем выше психологическое благополучие подсудимых (Dalbert, Fiske, 2007).

Идея о том, что справедливость организационного взаимодействия оказывает влияние на самочувствие сотрудников, возникла еще в середине прошлого века. Так, изучение стресса показало, что вероятность его возникновения зависит от целого ряда факторов, среди которых возможность контролировать свои действия, право выбора, ясность обстановки, возможность позитивных межличностных контактов, наличие значимой социальной позиции, отношение со стороны коллег и руководителей (Брайт, Джонс, 2003). Эти условия связаны с нормами процедурной и межличностной справедливости, которые оказывают основное влияние на вероятность развития описанных выше синдромов (Judge, Colquitt, 2004).

Таким образом, к настоящему времени можно с уверенностью говорить о том, что нарушение норм справедливости порождает

отрицательные эмоции. В то же время их соблюдение вызывает положительную эмоциональную реакцию (Murphy, Tyler, 2008).

Намерения и поведение человека: влияние справедливости общения

Эмоции, которые человек испытывает по отношению к себе и партнеру по взаимодействию, оказывают влияние на его намерения и поведение.

Справедливое общение порождает радость, гордость и симпатию. Эти эмоции, в свою очередь, увеличивают мотивацию, усилия и продуктивность работы, доброжелательность взаимодействия, способствуют достижению согласия и кооперации с партнером, оказанию помощи и обращению за ней.

В то же время несправедливые действия вызывают гнев, страх и чувство вины/стыда. Страх способствует прекращению взаимодействия. Гнев порождает открытое сопротивление вплоть до нападения, т. е. уменьшает вероятность согласия, дружелюбность общения, побуждает человека защищать собственные интересы, препятствует кооперации и оказанию помощи. Чувство вины/стыда вызывает как попытки загладить ущерб, результатом чего может стать как интенсивное общение и увеличение продуктивности, так и защитные реакции.

В пользу этого говорят результаты психологических исследований, которые показывают, что оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на позитивные и негативные эмоции, выгорание и психологическое напряжение. Они, в свою очередь, предсказывают согласие сотрудника с требованиями руководителя (Murphy, Tyler, 2008), стремление восстановить справедливость (Hunt, Kernan, 1991), обрести власть, наказать виновника или помочь жертве (Batson et al., 2007), а также готовность сотрудника продолжить работу в организации или сменить ее (Rioli, Savicki, 2006).

Впервые идея о том, что оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на дальнейшее поведение его участников, была высказана авторами теории беспристрастности. Так, Дж. Адамс полагал, что, вступая в общение, люди следят за соблюдением норм, поступая в соответствии с ними и ожидая того же от партнера. Сталкиваясь с их нарушением, человек пытается восстановить справедливость.

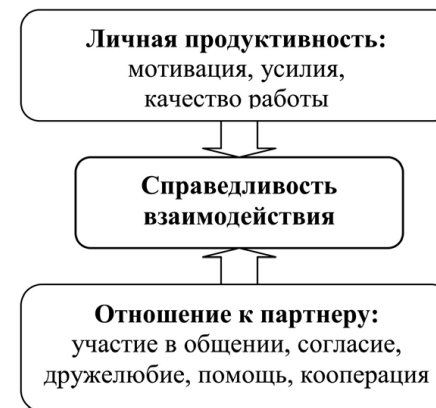

Рис. 11. Влияние оценки справедливости на поведение участников взаимодействия

В дальнейшем эта идея была подхвачена сторонниками теорий личного интереса и групповых ценностей. Они полагали, что соблюдение справедливости позволяет людям либо получить личное вознаграждение, либо стать членами группы. Стремясь достичь поставленной цели, человек прикладывает усилия для ее достижения. В то же время несправедливость уменьшает его заинтересованность и, как следствие, активизирует избегающие или разрушительные тенденции в поведении. Таким образом, справедливость взаимодействия оказывает влияние на продуктивность человека и его отношения с окружающими¹ (рисунок 11).

Справедливость взаимодействия и личные достижения

Влияние общей оценки справедливости на уровень продуктивности ярко проявляется в деловых отношениях, участники которых выполняют определенную работу и получают за нее вознаграждение.

Соблюдение норм дистрибутивной и процедурной справедливости увеличивает трудовую и учебную мотивацию сотрудников (Патрушев, Бессикирная, 2003; Bell, Wiechmann, Ryan, 2006; Liao,

1 Стоит отметить, что авторы большинства современных исследований концентрируются на поведенческих реакциях, которые демонстрирует жертва несправедливости, не уделяя достаточно внимания поведению виновника.

Tai, 2006; Roberson, Stewart, 2006), способствует принятию ответственности за свои действия (Moon et al., 2008).

Чем выше мотивация человека, тем большие усилия он прикладывает при выполнении задания. Поэтому следование требованиям справедливости оказывает влияние на количество приложенных усилий (De Dreu, Nauta, 2009; Masterson, 2001). Например, соблюдение судьей норм процедурной справедливости по отношению к участникам судебного процесса увеличивает активность присяжных во время обсуждения вердикта (Machura, 2003).

Результатом становится рост продуктивности, т. е. качества и объема проделанной работы (Argyee et al., 2007; Brockner et al., 2001; Cohen-Charash, Mueller, 2007; Colquitt et al., 2001; De Dreu, Nauta, 2009; Elovainio et al., 2003; Liao, Tai, 2006; Sinclair, 2003; Naumann, Bennett, 2002).

Однако влияние оценки справедливости взаимодействия зависит от соблюдения конкретных норм. Это, в первую очередь, касается дистрибутивной справедливости, требования которой часто противоречат друг другу. Например, по мнению Г. Левентала (Leventhal, 1976), распределение вознаграждения в соответствии с объемом и качеством выполненной работы позволяет обеспечить наиболее полезных сотрудников жизненно важными ресурсами и тем самым продлить их участие во взаимодействии. Что касается наименее эффективных коллег, то они либо станут работать лучше, либо прекратят общение и тем самым освободят место для других.

Подчеркивая важность нормы беспристрастности, Г. Левенталь одновременно отмечал, что ее влияние хорошо заметно, когда речь идет о повышении продуктивности индивидуальной работы в долгосрочной перспективе. При этом у человека, распределяющего вознаграждение, должна быть возможность точно оценить вклады участников. Однако если речь идет о выполнении задания, требующего кооперации, или о быстром, но кратковременном повышении продуктивности, норма беспристрастности может быть нарушена в пользу равенства или распределения по потребностям.

Влияние справедливости на позитивность общения

Кроме личных достижений, оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на поведение человека по отношению к окружающим. Это, прежде всего, касается процедурного и межлич-

ностного компонентов. Оно осуществляется по шести основным направлениям.

- Чем выше люди оценивают справедливость взаимодействия, тем больше они *готовы к его продолжению* (Flynn, Brockner, 2003). Например, супруги реже изменяют партнеру и разводятся с ним (Hatfield, Rapson, Aumer-Ryan, 2008). Сотрудники отказываются менять работу, собираются строить карьеру в своей организации, даже если она испытывает экономические трудности (Ambrose, Cropanzano, 2003; De Cremer, Den Ouden, 2009; Konovsky, Cropanzano, 1991; Lipponen, Olkkonen, Myyry, 2004; Loi, Hang-yue, Foley, 2006; Parker, Baltes, Christiansen, 1997; Phillips, 2002; Rioli, Savicki, 2006; Schaubroeck, May, Brown, 1994). Клиенты повторно прибегают к ее услугам (Humphrey et al., 2004; Liao, 2007; Skarlicki, Barclay, Pugh, 2008). Члены профсоюза остаются его верными приверженцами и участвуют в его работе (Buttigieg, Deery, Iverson, 2007; Fuller, Hester, 2001). Избиратели демонстрируют готовность к дальнейшим политическим, а потенциальные присяжные – правовым решениям (Гулевич, Голынич, 2004а).
- Следствием соблюдения справедливости является *согласие с решениями* авторитетных лиц, поддержка их точки зрения и действий. Этот эффект ярко проявляется в работе организации. В частности, чем выше сотрудники оценивают справедливость организационного взаимодействия, тем чаще соглашаются с решениями руководителя и поддерживают их, тем реже выступают за его замену (Ambrose, Schminke, 2003; Bartol, Durham, Poon, 2001; Choi, 2008; De Cremer, 2003; Matic, Webb, 2003; Masterson, 2001; Murphy et al., 2003; Peterson, 1999; Platow, Van Knippenberg, 2001; Stahl, Vermunt, Ellemers, 2008; Ullrich, Christ, Van Dick, 2009).

Кроме того, влияние справедливости взаимодействия на согласие с авторитетными лицами хорошо заметно в политической сфере. Чем выше граждане оценивают справедливость действий политиков, тем чаще они соглашаются с результатами выборов и референдумов (Besley, McComas, 2005; See, 2009), тем большую поддержку готовы им оказать (Kershaw, Alexander, 2003; Leung, Tong, Lind, 2007; Lind, Tyler, 1988; Tyler, Degoev, 1995). То же самое можно сказать об оцен-

ке справедливости идеологии политической партии/движения (Sibley, Wilson, 2007) и политического решения (Lind, Tyler, 1988; Louis et al., 2007), особенно если оно касается лично их, а не группы в целом (Leung, Tong, Lind, 2007).

Аналогичное влияние соблюдение справедливости оказывает и при восприятии экономических реалий. Чем выше люди оценивают справедливость распределения ресурсов в обществе, тем терпимее они относятся к социальному неравенству (Mitchell et al., 2003). Чем более справедливой они считают налоговую систему, тем чаще выступают за ее использование (Wenzel, 2002). Чем более высокую оценку они дают социальным программам, тем чаще соглашаются с их реализацией (Beaton, Tougas, 2001; Bobocel et al., 1998; Lind, Tyler, 1988).

- Справедливость оказывает влияние на *дружелюбность взаимодействия*. Чем выше люди оценивают справедливость обращения с ними, тем более дружелюбно и, соответственно, менее агрессивно их общение. Сотрудники организации доброжелательно взаимодействуют с коллегами и подчиненными, меньше оскорбляют их и реже пытаются отомстить (Aquino, Tripp, Bies, 2006; Aryee et al., 2007; Brebels, De Cremer, Sedikides, 2008; De Cremer, 2003; Hack, Lammers, 2009; Skarlicki, Folger, 1997; Skarlicki, Barclay, Pugh, 2008), чаще выбирают конструктивные стратегии поведения в конфликте (Rahim, Magner, Shapiro, 2000), реже демонстрируют так называемое деструктивное¹ (Thau, Aquino, Wittek, 2007; Rupp, Spencer, 2006) и девиантное поведение, в первую очередь, кражи и сексуальный харассмент (Krings, Facchin, 2009; Tyler, 2009). Последнее касается не только сотрудников коммерческих организаций, но также подростков и заключенных (Jackson, Fondacaro, 1999). В целом справедливость взаимодействия повышает сплоченность групп (Chansler, Swamidass, Cammann, 2003).
- Справедливость тесно связана с *готовностью защищать личные интересы или интересы своей группы*. Низкая оценка

1 Деструктивное поведение в организации включает в себя действия, направленные на ее дестабилизацию. К ним относятся долгие перерывы на обед, публичные насмешки и обвинения коллег, частые опоздания, игнорирование распоряжений руководителя.

справедливости повышает активность людей, заставляет их отстаивать свои интересы. Так, чем меньшую оценку люди дают справедливости взаимодействия, тем более эгоистично они ведут себя (Leung, Tong, Ho, 2004; Zitek et al., 2010), тем больше усилий они прикладывают для того, занять положение, которое даст им власть – возможность влиять на происходящее. Сотрудники, считающие взаимодействие несправедливым, получив травму, требуют большую компенсацию (Roberts, Markel, 2001), чаще участвуют в судебных тяжбах, направленных против своей организации (Judge, Scott, Hies, 2006). Не доверяя судебной системе, человек принимает участие в суде присяжных (Попова, 2007).

В общественно-политической сфере люди, которые столкнулись с несправедливостью по отношению к своей группе и не могут покинуть ее, чаще принимают участие в коллективных действиях, направленных на защиту ее интересов (Buttigier, Deery, Iverson, 2007; Taylor et al., 1987; Wenzel, 2000). Не случайно цель восстановления справедливости занимает важное положение в идеологии различных общественно-политических движений (Зубок, Чупров, 2009). Ее роль особенно хорошо заметна в тех случаях, когда речь идет об однократном участии в массовых акциях (Lind, Tyler, 1988).

- Справедливость оказывает влияние на *готовность людей объединить усилия для достижения общей цели*. Чем выше сотрудники организации оценивают справедливость делового взаимодействия, тем ниже уровень социальной лености (Murphy et al., 2003), тем чаще они выбирают кооперацию в ущерб конкуренции (De Cremer, Tyler, 2007; De Dreu, Nauta, 2009; Muller et al., 2010; Murphy, Tyler, 2008; Tyler, Degoe, Smith, 1996; Van Prooijen, Galluci, Toeset, 2008). Кооперативное поведение особенно часто возникает при использовании в ходе распределения вознаграждения нормы равенства (Sinclair, 2003).

Частным случаем кооперации является взаимодействие подозреваемых и сотрудников правовых институтов. Те, кто считает обращение несправедливым, менее склонны признавать свою вину перед полицейскими, «раскрываться» перед своими защитниками и реже

соглашаются с предложениями прокурора относительно наказания (Woolard, Harvell, Graham, 2008).

- И наконец, справедливость определяет вероятность оказания помощи и обращения за ней. Человек чаще обращается за помощью к тем людям и организациям, которые считает справедливыми. Так, чем выше женщины оценивают справедливость действий полиции, тем чаще они заявляют о том, что стали жертвой сексуального харассмента (Rudman, Borgida, Robertson, 1995).

Чем более высокую оценку сотрудники дают организационным процедурам, тем реже они встают на защиту интересов своего партнера, требуя увеличить вознаграждение или уменьшить наказание. В то же время они готовы оказать ему и организации, в которой работают, посильную помощь, демонстрируя так называемой гражданское поведение¹ (Aryee et al., 2007; Blader, Tyler, 2009; Choi, 2008; Meierhans, Rietmann, Jonas, 2008; Moorman, 1991; Naumann, Bennett, 2002; Skarlicki, Latham, 1996; Zellars, Tepper, Duggy, 2002; Williams, Pitre, Zainuba, 2002; Wright, Sablynski, 2008; Yang, Mossholder, Peng, 2007).

В настоящее время существует две разных точки зрения на причины роста гражданского поведения. Одни психологи полагают, что сотрудники, с которыми обращаются справедливо, начинают воспринимать дополнительную помощь как часть своих должностных обязанностей и поэтому оказывают ее (Kamdar, McAllister, Turban, 2006). По мнению других специалистов, справедливость оказывает влияние на гражданское поведение людей, которые не считают его частью своей работы. Это означает, что справедливость просто увеличивает желание помочь (Platow et al., 2006; Tepper, Lockhart, Hoobler, 2001).

Возможно, что это противоречие связано с тем, о каком именно гражданском поведении идет речь. В настоящее время выделяют два основных вида: связанное с установлением позитивных эмоциональных отношений, уменьшением конфликта (помощь коллегам) и с выдвижением новых идей, которое может порождать конфликт (проявление индивидуальной инициативы, принятие ответственно-

1 *Гражданское поведение* – это действия, идущие на благо организации, но не входящие в обязанности работников – оказание различной помощи другим сотрудникам, а также активное участие в развитии, защите и рекламе организации (Lee, Allen, 2002).

ности за новые решения). Справедливость оказывает большее влияние на первый вид поведения, если оно не воспринимается как часть профессиональных обязанностей, а на второй – в противоположном случае (McAllister et al., 2007).

Таким образом, за два последних десятилетия регулятивная функция справедливости была описана в десятках эмпирических исследований. Авторы подавляющего большинства из них имплицитно полагают, что такая оценка взаимодействия оказывает непосредственное влияние на аттитюды и поведение участников. Другими словами, при ее изучении игнорируется роль того, каким образом люди объясняют нарушение или соблюдение норм справедливости и как оценивают возможности разных форм реагирования на поведение партнера.

В то же время изучение подобных интерпретаций позволяет понять, почему в одних случаях нарушение справедливости понижает самооценку человека, вызывает негативное отношение к окружающим, отказ от взаимодействия или агрессивное поведение, а в других приводит к противоположным последствиям.

Если представить, что влияние общей оценки справедливости взаимодействия на аттитюды и поведение участников опосредовано атрибутивными процессами и восприятием возможностей разных форм поведенческого реагирования, регулятивная функция будет выглядеть следующим образом (рисунок 12).

По сравнению с классическим вариантом, в этой схеме появляется два дополнительных звена: первый связан с атрибутивными процессами – приписыванием партнеру по общению определенных особенностей, объяснением его действий, оценкой ответственности и заслуженности исхода; второй – с интерпретацией последствий тех или иных поступков. Рассмотрим эти звенья по очереди.

Атрибуция справедливых и несправедливых поступков

Соблюдение или нарушение норм справедливости, наряду со сформировавшимися ожиданиями, является для человека источником информации о том, кто совершил указанный поступок, т. е. о себе или о своем партнере, а также взаимодействию в целом. Общая оценка справедливости общения активизирует когнитивные механизмы обработки социальной информации. Последовательность атрибутивных суждений представлена на рисунке 13.

Рис. 12. Взаимосвязь атрибуции, эмоций и поведения

На первой стадии человек получает информацию о действиях участника взаимодействия и формирует первое впечатление о нем. Социально-психологические исследования показывают, что этот процесс начинается в течение 40 секунд после начала общения (Bar, Neta, Linz, 2006). Впоследствии, сформировав этот образ, человек забывает, что в его основе лежит информация о конкретных действиях (Todorov, Uleman, 2002).

На второй стадии он ищет причины совершенных поступков, которые подкрепляют уже сложившийся образ или изменяют его. Как правило, каузальная атрибуция более интенсивно осуществляется, когда речь идет о редких и социально нежелательных дейст-

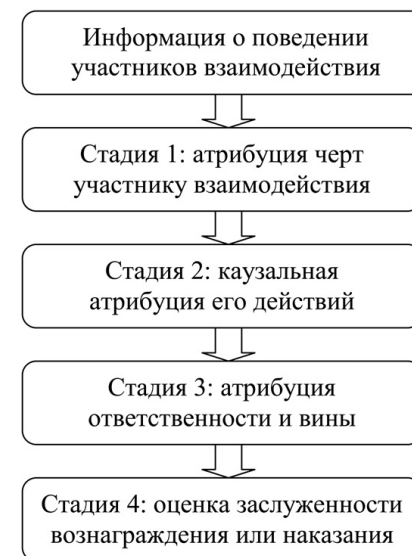

Рис. 13. Структура социального познания

виях. Это означает, что человек прикладывает больше усилий, чтобы объяснить несправедливое, чем справедливое взаимодействие.

На третьей стадии человек выносит суждение об ответственности и вине участника взаимодействия. Как правило, оценка ответственности формируется на основе каузальной атрибуции. В то же время оценка вины¹ базируется на суждении об ответственности и наличии смягчающих обстоятельств.

На четвертой стадии человек принимает решение о заслуженности вознаграждения или наказания участника взаимодействия.

В пользу такой последовательности в анализе информации говорят результаты некоторых современных исследований. Они показывают, что приписывание человеку тех или иных черт оказывает влияние на каузальную атрибуцию (Smith, Miller, 1983). Каузальная атрибуция – на приписывание ответственности (Burkard, Knox, 2004; Davey et al., 2001; Lee, 2004; Lussier, Sabourin, Wright, 1993; Struthers et al., 2001; Zhang, Xia, Li, 2007). Атрибуция ответвен-

1 Суждение о вине выносится только при атрибуции за социально-нежелательные, несправедливые поступки.

ности – на оценку вины и заслуженности (Davey et al., 2001; Lussier, Sabourin, Wright, 1993).

Социально-психологические исследования говорят о том, что таким образом осуществляется как атрибуция действий партнера по общению, так и самоатрибуция. Однако содержание этих стадий различается в зависимости от объекта приписывания: в отличие от атрибуции, самоатрибуция часто носит самозащитный характер. Более подробно речь об этом пойдет в следующих параграфах.

Конечно, эта схема описывает познавательную активность рационального человека, который тщательно собирает информацию о происходящем. Тем не менее она позволяет проанализировать когнитивные реакции участника, столкнувшегося со справедливостью или несправедливостью.

«Справедливый» и «несправедливый» человек: атрибуция черт

Первым атрибутивным суждением, которое выносят участники взаимодействия, является приписывание черт. Наблюдая за партнером, человек формирует определенное представление о нем (**атрибуция черт партнеру по взаимодействию**). Как показывают социально-психологические исследования, оно имеет иерархическую структуру. Нижний уровень составляют особенности внешнего вида и поступки. На их основе участнику приписываются отдельные психологические характеристики (прежде всего, личностные черты, способности и мотивация): например, человек, часто посещающий дружеские вечеринки, наделяется «общительностью». Эти особенности входят в состав более крупных факторов, оказывающих влияние на attitude к участнику (рисунок 14).

В настоящее время существует несколько различных представлений об основных измерениях «образа другого». Однако наибольшее распространение получила двухфакторная модель, согласно которой все характеристики, которые человек приписывает себе или партнеру по общению, образуют два основных фактора (Abele et al., 2008).

Первый включает в себя особенности, связанные с отношением к другим людям. К ним относятся дружелюбие, вежливость, готовность посочувствовать и оказать помощь, верность и честность, с одной стороны, и доминантность, грубость, черствость, эгоистичность, ненадежность и нечестность, с другой. В состав второго фак-

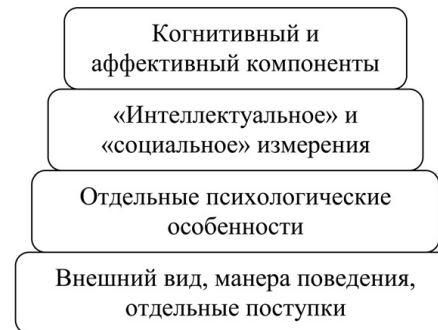

Рис. 14. Структура представления об участнике взаимодействия

тора входят характеристики, определяющие индивидуальную эффективность: умный, компетентный, рациональный, креативный, активный, настойчивый, независимый, уверенный в себе, с одной стороны, и глупый, некомпетентный, пассивный, сомневающийся, застенчивый, с другой.

Эти факторы имеют разные названия, среди которых «выразительные–инструментальные особенности», «социальные–интеллектуальные характеристики», а также «общение–деятельность», «моральность–компетентность», «теплота–компетентность» и т. д. В рамках данной работы мы будем использовать термины «интеллектуальные» и «социальные» характеристики.

К настоящему времени обнаружены многочисленные свидетельства, говорящие в пользу двухфакторной модели.

- Оценка человека по одному измерению противоречит оценке по другому. Это означает, что чем больше партнеру по общению приписываются характеристики одного типа, тем меньше второго. Это особенно хорошо заметно при описании группы и в меньшей степени – отдельного участника взаимодействия (Abele et al., 2008; Suitner, Maass, 2008). При этом «интеллектуальные» особенности обладают большей культурной спецификой, чем «социальные» (Ybarra et al., 2008).
- «Интеллектуальные» и «социальные» особенности приписываются на основании разной информации. Например, когда человек узнает о действиях партнера, направленных на достижение личных целей, он приписывает ему больше

«интеллектуальных», а связанных с интересами окружающих – «социальных» особенностей (Cislak, Wojciszke, 2008). Кроме того, оценка социальных характеристик партнера зависит от стиля взаимодействия с ним, а интеллектуальных – от его статуса (Russell, Fiske, 2008).

- Оценка «социальных» характеристик оказывает большее влияние на общую оценку партнера, но меньшую – на самооценку, чем представление о его «интеллектуальных» особенностях (Abele et al., 2008; Suitner, Maass, 2008; Ybarra et al., 2008). Многие психологи полагают, что это происходит, благодаря эгоистической ориентации человека. Наиболее успешным в достижении личных целей является тот, кто обладает большим интеллектуальным потенциалом и имеет дело с уступчивым партнером. Социальные характеристики партнера затрагивают личные интересы человека (Cislak, Wojciszke, 2008) и позволяют предсказать его поведение в группе (Ybarra et al., 2008).
- Кроме того, представление о разных характеристиках партнера оказывает влияние на разные параметры отношения к нему. Высокая оценка «интеллектуальных» особенностей вызывает уважение, а «социальных» – симпатию, которая, в свою очередь, увеличивает желание общаться с ним (De Bruin, Van Lange, 1999; Scholer, Higgins, 2008).

Какие характеристики люди приписывают партнеру, соблюдающему или нарушающему нормы справедливости?

Содержание межличностного и недифференцирующего дистрибутивного компонентов позволяет предположить, что человеку, совершившему справедливый поступок, приписываются позитивные «социальные особенности», а несправедливый – негативные характеристики. В пользу этого говорят результаты некоторых психологических исследований. Они показывают, что справедливым считается человек, который «может дать совет, научить правильно себя вести, осознавать свои несправедливые дела; добрый, вначале думает о других, а потом о себе, избегает конфликтов и оказывает помощь» (Воловикова, Соснина, 2001; Голынчик, 2004).

Дифференцирующий компонент дистрибутивной справедливости предполагает, что, распределяя ресурсы, участники взаимодействия тщательно анализируют ситуацию, оценивая вклады

друг друга. Следовательно, можно предположить, что люди приписывают справедливым партнерам позитивные «интеллектуальные характеристики», говорящие об их компетентности, а несправедливым – негативные.

И наконец, некоторые нормы процедурной справедливости, связанные с возможностью контроля за взаимодействием, предполагают высокую мотивацию участников. Это дает возможность предположить, что человеку, совершившему справедливый поступок, приписываются позитивные «интеллектуальные особенности», говорящие о мотивированности, а несправедливый – негативные характеристики.

Для проверки этих предположений мы провели исследование (Гулевич, 2009), в котором приняли участие 46 студентов дневного и заочного отделения Российского государственного гуманитарного университета.

Основным методом было анкетирование (приложение 3). Методика включала в себя несколько блоков. В начале исследования респондента просили вспомнить и описать ситуацию, когда по отношению к нему поступили справедливо/несправедливо, и оценить справедливость поступка по 10-балльной шкале. Результаты последующего анализа показали, что инструкция оказала необходимое влияние ($U = 35,5$, $p < 0,001$): справедливые ситуации получали более высокие оценки, чем несправедливые.

После этого участники оценивали выраженность у человека, совершившего поступок, восьми «интеллектуальных» (эрудированный, умный, способный, профессионально компетентный, целеустремленный, предприимчивый, трудолюбивый, деловитый) и «социальных» (дружелюбный, вежливый, общительный, тактичный, добрый, гуманный, отзывчивый, бескорыстный) особенностей.

Качества, образующие шкалы, подбирались следующим образом. На основании предыдущих исследований и списка черт из методики личностного дифференциала было выделено четыре группы характеристик: собственно интеллектуальные (эрудированный, профессионально компетентный, умный, способный); мотивационные (целеустремленный, предприимчивый, трудолюбивый, деловитый); связанные с манерой общения (дружелюбный, вежливый, общительный, тактичный) и отношением к партнеру (добрый, гуманный, отзывчивый, бескорыстный). Проведенный впоследствии анализ с помощью α -Кронбаха продемонстрировал достаточно вы-

сокую однородность шкал «социальные особенности» ($\alpha = 0,93$), куда вошли характеристики, связанные с общением, и «интеллектуальные особенности» ($\alpha = 0,88$), объединившие характеристики интеллектуальной и мотивационной сферы.

Анализ связи справедливости с «социальными» и «интеллектуальными» характеристиками проводился посредством непараметрического критерия U Манна–Уитни, с помощью которого было вычислено различие в особенностях, которые приписываются человеку, совершившему справедливый (первый вариант анкеты) и несправедливый (второй вариант анкеты) поступок.

Результаты исследования показали, что совершение справедливого поступка способствует атрибуции, прежде всего, «социальных» ($U = 91,5$, $p \leq 0,001$), и лишь затем «интеллектуальных» характеристик ($U = 148$, $p \leq 0,05$).

Так, люди, описывающие справедливого человека, приписывали ему гораздо больше «социальных» характеристик, чем те, кто вспоминал несправедливого. Они оценивали его как более доброго ($U = 108,5$, $p \leq 0,001$), гуманного ($U = 112$, $p \leq 0,001$), отзывчивого ($U = 124$, $p \leq 0,01$), бескорыстного ($U = 113$, $p \leq 0,001$), дружелюбного ($U = 124$, $p \leq 0,01$), вежливого ($U = 104$, $p \leq 0,001$) и тактичного ($U = 129$, $p \leq 0,01$). Исключение составила лишь общительность.

Эти результаты соответствуют данным зарубежных исследований, согласно которым справедливость руководителя группы определяется тем, дает ли он одноклассникам возможность повысить статус, как оценивает их заслуги и можно ли ему верить (Tyler, 1994). Оценивая внимание руководителя к репутации подчиненного, люди обращают внимание на его вежливость, уважение к одноклассникам и соблюдение их прав. Вынося суждение о нейтральности, люди принимают во внимание честность и отсутствие предубеждений, а о возможности доверия – доброжелательность руководителя, позитивность его намерений в отношении подчиненных.

Иная картина наблюдалась в ходе приписывания интеллектуальных характеристик. Люди, совершившие справедливый поступок, получали более высокую оценку по критериям, связанным с уровнем интеллекта и знаний: эрудированный ($U = 145$, $p \leq 0,05$), умный ($U = 138$, $p \leq 0,01$), способный ($U = 154$, $p \leq 0,05$), профессионально компетентный ($U = 143$, $p \leq 0,01$). В то же время различия по «мотивационным» особенностям – целеустремленности, предприимчивости, трудолюбию и деловитости – не достигли уровня значимости.

Таким образом, черты, которые приписывают справедливому человеку российские респонденты, связаны, прежде всего, с межличностной и дистрибутивной справедливостью.

Самоатрибуция черт происходит по такому же сценарию, как приписывание черт партнеру по общению, за двумя исключениями. Во-первых, описывая себя, люди придают большее значение «интеллектуальным» характеристикам и меньшее – «социальными», чем при оценке партнера (Abele et al., 2008; Suitner, Maass, 2008; Ybarra et al., 2008).

Во-вторых, при самоатрибуции черт ярко проявляются самозащитные тенденции. Оценивая свои действия, человек старается сохранить позитивное представление о себе. Поэтому, вспоминая о совершенном несправедливом поступке, он игнорирует эту информацию.

Эта тенденция была зафиксирована в нашем исследовании, проведенном с участием 77 студентов дневного и регионального отделений Российского государственного гуманитарного университета (Гулевич, 2007б). Его участников просили вспомнить два справедливых или несправедливых поступка, совершенных ими соответственно по отношению к другу и коллеге по работе (учебе), подробно описать их и оценить их справедливость. После этого студенты описывали себя по шкалам личностного дифференциала, группирующихся вокруг факторов оценки, силы и активности.

Оказалось, что в оценках студентов проявляются самозащитные тенденции. Люди, вспоминая совершенные ими несправедливые поступки, воспринимали себя значительно лучше, чем те, кто вспоминал справедливые. Это различие проявлялось по фактору «оценка», в состав которого входили такие шкалы, как «добрый–эгоистичный», «черствый–отзывчивый», «враждебный–дружелюбный», «честный–неискренний», «безответственный–добросовестный», «обаятельный–непривлекательный» и «справедливый–несправедливый» ($U = 1474$, $p \leq 0,001$). Другими словами, после воспоминания о несправедливом поступке люди приписывали себе больше, а не меньше «социальных» черт и считали себя более справедливыми.

Вероятно, таким образом они старались подчеркнуть случайность поступка и тем самым восстановить когнитивный баланс. Косвенным подтверждением этой интерпретации является тот факт, что во время исследования были отказы респондентов от припомни-

нения несправедливых поступков: они говорили, что не могут вспомнить случай, когда поступили с кем-то несправедливо.

Таким образом, в основе самоатрибуции черт лежала информация не о текущем, а о других актах взаимодействия. Это стало возможным, благодаря тому, что человек имеет о себе больше информации, чем об окружающих. Возможно, что аналогичные тенденции проявляются в ходе атрибуции черт близким людям.

Причины и ответственность за справедливые и несправедливые поступки

Представление о человеке – присущих ему психологических особенностях – оказывает влияние на дальнейшую атрибуцию его поступков. Сталкиваясь со справедливым или несправедливым поведением, люди пытаются определить его причины и найти того, кто несет за это ответственность.

В психологии существуют различные классификации причин, с помощью которых люди объясняют как свои действия, так и поступки окружающих. В последнее время всю большую популярность приобретает идея Б. Вайнера о трех каузальных измерениях – локусе причинности (внешние и внутренние причины), контролируемости (контролируемые и неконтролируемые причины) и стабильности (стабильные и нестабильные причины). Их сочетание позволяет выделить восемь основных типов причин, приписывание которых вызывает разные последствия.

По какому принципу человек выбирает то или иное объяснение? Об этом процессе известно достаточно мало. Дело в том, что все существующие на данный момент теоретические модели описывают приписывание причин, различающихся только по локусу контроля, но не стабильности или контролируемости. Одной из них является концепция Э. Джонса и К. Дэвиса, которые утверждали, что, осуществляя каузальную атрибуцию, человек ориентируется на два основных признака: способность участника взаимодействия совершить данный поступок и возможность предвидеть последствия. На их основании он оценивает намеренность поведения, которая, в свою очередь, провоцирует внутреннюю атрибуцию. Чем больше способность и возможность предвидеть последствия, тем выше оценка намеренности поведения и тем большая вероятность внутренней атрибуции в ущерб внешней.

Руководствуясь представлением о причине совершенного поступка, человек принимает решение о том, кто несет за него ответственность. Первоначально считалось, что он приписывает ее тому участнику взаимодействия, действия и особенности которого были признаны причиной произошедшего. Однако впоследствии стало понятно, что, хотя суждение об ответственности и основано на каузальной атрибуции, оно имеет определенную специфику (Гулевич, 2006в, 2009б).

В частности, согласно Ф. Хайдеру, действующему лицу приписывается максимальная ответственность, если между его поступком и наступившими последствиями прошел небольшой промежуток времени; у него была возможность совершить эти действия; он мог предвидеть последствия; совершил поступок намеренно и не имеет смягчающих обстоятельств (Bordel, Guingouain, Somat, 2006). В то же время, по мнению Б. Вайнера, человек признается ответственным, если причина, лежащая в основе его действий, является внутренней и контролируемой, а его поведение не имеет смягчающих обстоятельств (Alicke, 2000). И наконец, К. Шавер признает важность таких условий, как короткий промежуток времени между поступком и его последствиями, возможность предвидеть их, намеренное совершение действий, наличие свободы выбора и соответствие поступка нормам морали (Shaver, Drown, 1986).

Нетрудно заметить, что все перечисленные модели построены по одному и тому же принципу. Их авторы полагают, что атрибуция ответственности определяется тремя основными условиями: локусом причинности, суждение о котором выносится в соответствии с моделью корреспондентного выведения Джонса и Дэвиса (одновременность поступка и последствий, предвидение последствий, намеренность), ее контролируемостью (возможностью свободы выбора) и наличием смягчающих обстоятельств. Интересно, что в большинстве эмпирических исследований атрибуция ответственности редуцируется до оценки локуса причинности и контролируемости. В то же время наличие смягчающих обстоятельств относится к области атрибуции вины.

Подобное представление содержится, например, в модели Г. Миккулы, описывающей оценку ответственности человека, совершившего несправедливый поступок (рисунок 15).

Этот автор полагает, что на нее оказывают влияние намеренность действий, локус причинности и ее контролируемость. Суж-

Рис. 15. Атрибуция ответственности и вины за несправедливый поступок

дение об ответственности, в свою очередь, определяет атрибуцию вины, наряду с нанесением ущерба и наличием смягчающих обстоятельств (Mikula, 1993).

Если соблюдение и нарушение норм справедливости является для человека таким же поведенческим показателем, как, например, успехи в работе, выигрыш в лотерею или совершение преступления, при его атрибуции должны выполняться все указанные условия. Несмотря на то, что классические модели атрибуции ответственности описывают суждения, вынесенные свидетелем социально-нежелательного поступка, мы предположили, что эти условия «работают» во всех ситуациях. Другими словами, взаимосвязь каузальной атрибуции и атрибуции ответственности будет одинаковой в независимости от социальной желательности поступка и субъекта оценки (свидетель, деятель или потерпевшая сторона).

Для проверки этого предположения нами было проведено двухэтапное эмпирическое исследование (Гулевич, 2007а, 2008а). В нем приняли участие 116 студентов и абитуриентов Российского государственного гуманитарного университета и Высшей школы эконо- мики, обучающихся на разных специальностях.

Основным методом исследования было анкетирование. На первом этапе респонденты должны были вспомнить и описать две ситуации взаимодействия, в которых они поступили справедливо или не-

справедливо (приложение 4). После этого следовал ряд утверждений, касающихся намеренности действий, локуса причинности (личностная и объектная атрибуция), контролируемости и атрибуции ответственности. Участники должны были определить, насколько они согласны с каждым из утверждений, выбрав один из семи вариантов ответа от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен».

Было создано два варианта этой анкеты. В первом варианте респонденты должны были вспомнить две ситуации, в которых они поступили несправедливо: сначала касающуюся человека, с которыми они не были связаны деловыми или учебными отношениями (личное взаимодействие), а затем – однокурсника или коллеги по работе (деловое взаимодействие). Описав первую ситуацию, они отвечали на указанные вопросы, затем описывали вторую и снова отвечали на них. Во втором варианте респонденты вспоминали две аналогичных ситуации, когда они поступили справедливо.

Анкета, предназначенная для второго этапа исследования, была похожа на описанную выше, однако в ней респонденты должны были описать ситуации личного и делового взаимодействия, в которой они были не деятелем, а жертвой справедливости или несправедливости.

Результаты исследования показали, что основными предикторами суждения об ответственности являются локус причинности и контролируемость (таблица 1). Это означает, что большая ответственность приписывается деятелю и жертве, поведение которых вызвано внутренними и контролируемыми причинами. Кроме того, оценку ответственности основного действующего лица предсказывает намеренность его поступков (относительно жертвы такой вопрос не задавался).

Однако, как оказалось, важность этих факторов в некоторой степени зависит от субъекта оценки и социальной желательности поступка. Они лучше объясняют суждения, вынесенные деятелем (таблица 2), особенно, если они касаются ответственности жертвы (таблица 1), а также атрибуцию ответственности за социально нежелательный, т. е. несправедливый поступок (таблица 3).

Кроме того, при оценке социально нежелательного поступка теряет значение степень, в которой деятель контролирует свое поведение (таблица 3).

Таким образом, результаты нашего исследования носят двойственный характер. С одной стороны, они соответствуют наиболее распространенному представлению об атрибуции ответственности.

Таблица 1
Факторы, оказывающие влияние
на атрибуцию ответственности в целом

	Факторы, предсказывающие суждение об ответственности
Атрибуция деятелю	Намерения деятеля $\beta=0,232$ $t=3,521$ $p\leq 0,001$ Внутренняя атрибуция $\beta=0,185$ $t=2,821$ $p\leq 0,01$ Контроль деятеля $\beta=0,211$ $t=3,218$ $p\leq 0,01$ $R^2=0,155$
Атрибуция жертве	Внешняя атрибуция $\beta=0,421$ $t=6,621$ $p\leq 0,001$ Контроль жертвы $\beta=0,259$ $t=4,107$ $p\leq 0,001$ $R^2=0,241$

Таблица 2
Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности,
осуществляемую деятелем и жертвой

	Факторы, предсказывающие суждение об ответственности	
	Субъект познания – деятель	Субъект познания – жертва
Атрибуция деятелю	Намерения деятеля $\beta=0,334$ $t=3,383$ $p\leq 0,001$ Контроль деятеля $\beta=0,206$ $t=2,087$ $p\leq 0,05$ $R^2=0,184$	Внутренняя атрибуция $\beta=0,336$ $t=3,805$ $p\leq 0,001$ Контроль деятеля $\beta=0,234$ $t=2,648$ $p\leq 0,01$ $R^2=0,160$
Атрибуция жертве	Внешняя атрибуция $\beta=0,414$ $t=4,533$ $p\leq 0,001$ Контроль жертвы $\beta=0,253$ $t=2,772$ $p\leq 0,01$ $R^2=0,301$	Внешняя атрибуция $\beta=0,316$ $t=3,523$ $p\leq 0,001$ Контроль жертвы $\beta=0,213$ $t=2,379$ $p\leq 0,05$ $R^2=0,160$

Таблица 3
Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности
при справедливом и несправедливом поступке

	Факторы, предсказывающие суждение об ответственности	
	Справедливый поступок	Несправедливый поступок
Атрибуция деятелю	Намерения деятеля $\beta=0,298$ $t=3,263$ $p\leq 0,001$ Контроль деятеля $\beta=0,202$ $t=2,212$ $p\leq 0,05$ $R^2=0,126$	Намерения деятеля $\beta=0,236$ $t=2,583$ $p\leq 0,05$ Внутренняя атрибуция $\beta=0,403$ $t=4,409$ $p\leq 0,001$ $R^2=0,236$
Атрибуция жертве	Внешняя атрибуция $\beta=0,263$ $t=2,728$ $p\leq 0,01$ Контроль жертвы $\beta=0,213$ $t=2,215$ $p\leq 0,05$ $R^2=0,157$	Внешняя атрибуция $\beta=0,402$ $t=4,409$ $p\leq 0,001$ Контроль жертвы $\beta=0,248$ $t=2,716$ $p\leq 0,01$ $R^2=0,226$

В соответствии с ним, оценивая ответственность за справедливый и несправедливый поступок, люди обращают внимание на его контролируемость и локус причинности. Чем больше характеристики человека рассматриваются как причина произошедшего и чем выше оценивается контролируемость его действий, тем большая ответственность ему приписывается. Это касается как деятеля, так и жертвы. В целом, приписывание ответственности за справедливость/несправедливость подчиняется тем же закономерностям, что и атрибуция ответственности за другие поступки.

С другой стороны, результаты исследования показали, что существующие теоретические модели, в которых постулируется связь между каузальной атрибуцией и атрибуцией ответственности, обладают определенными ограничениями.

Во-первых, они лучше всего предсказывают суждения деятеля, касающиеся ответственности жертвы. Это интересный результат, учитывая, что обычно локус причинности и контролируемости рассматриваются как условия приписывания ответственности основному действующему лицу. Таким образом, деятель приписывает жертве ответственность таким же образом, как сторонний наблюдатель ему самому. Это означает, что внутренняя атрибуция и контролируемость действий другого участника взаимодействия предсказывают суждения человека, которому не был нанесен ущерб. В то же время на оценки жертвы большое влияние оказывают какие-то дополнительные факторы. Возможно, к ним относится размер нанесенного ущерба.

Во-вторых, существующие модели лучше предсказывают атрибуцию ответственности за социально нежелательные поступки, что соответствует точке зрения Джонса и Дэвиса, а также модели Шавера.

Тем не менее, оценивая поведение человека, совершившего несправедливый, т. е. социально нежелательный поступок, люди обращают внимание на то, был ли он причиной произошедшего, игнорируя его контролируемость. Это соответствует данным ряда зарубежных исследований. Они говорят о том, что люди, столкнувшиеся с несправедливостью, становятся «интуитивными обвинителями», желающими жестоко наказать виновника, отказывающимися смотреть на смягчающие обстоятельства, оценивающими его поведение как однозначно угрожающее и преуменьшающими роль неконтролируемых факторов (Keltner, Ellsworth, Edward, 1993; Lem-

erise, Dodge, 1993; Lerner, Goldberg, Tetlock, 1998; Quigley, Tedeschi, 1996). Другими словами, виновник несправедливости признается ответственным за содеянное лишь на основании внутренней атрибуции. Данная тенденция в большей степени характерна для тех, кто постоянно сталкивается с несправедливостью, чем для тех, кто редко попадает в подобные ситуации (Goldberg, Lerner, Tetlock, 1999).

Стоит отметить, что результаты этого исследования демонстрируют некоторые различия в атрибуции и самооатрибуции ответственности. В частности, объясняя свои поступки, человек обращает большее внимание на намеренность поведения, чем при атрибуции чужих. Это позволяет ему соотнести атрибуцию ответственности с Я-концепцией: если он считает себя хорошим, признание намеренности справедливого и случайности несправедливого поступка позволяет ему сохранить высокую самооценку.

Последней стадией атрибутивных суждений является приписывание заслуженности. Социально-психологические исследования показывают, что чем выше атрибуция ответственности, тем более заслуженным кажется достигнутый человеком результат (Feather, 2002).

Атрибутивные суждения и аттитюды к участникам взаимодействия

Атрибутивные суждения оказывают влияние на самооценку человека и аттитюды к другим участникам взаимодействия.

Объясняя справедливое или несправедливое общение характеристиками партнера по общению, человек приписывает ему ответственность за произошедшее. При совершении справедливого поступка он высоко оценивает этого участника, уважает его и удовлетворен сложившимися с ним отношениями. Несправедливые действия вызывают противоположные последствия.

Однако если он объясняет совершенный поступок своими характеристиками и, как следствие, приписывает ответственность самому себе, взаимодействие оказывает влияние на его самооценку. Самоатрибуция ответственности за несправедливые действия понижает ее, а за справедливые – повышает¹.

1 Поскольку самооценка человека определяется не только характером совершенных действий, но и достигнутым результатом, справедливость общения выполняет и другую роль: она сигнализирует человеку

Оценка партнера по общению и самооценка вызывают у человека определенные эмоции. Таким образом, атрибутивные суждения опосредуют не только когнитивный, но и аффективный компонент аттитюдов к участникам.

Так, некоторые психологи полагают, что после совершения поступка человек определяет, насколько справедливы действия партнера по отношению к нему. Затем он пытается объяснить справедливость/несправедливость взаимодействия. При этом он может использовать как внутренние, так и внешние причины. В первом случае речь идет о его собственных характеристиках, а во втором – об особенностях других участников.

Использование внутренних и контролируемых причин порождает самоатрибуцию ответственности, а внешних – ее приписывание партнеру. Если речь идет о несправедливом взаимодействии, то атрибуция ответственности сопровождается приписыванием вины.

Дальнейшие эмоциональные реакции зависят от справедливости обращения. При справедливом общении приписывание ответственности партнеру вызывает радость и симпатию к нему, а самоатрибуция порождает гордость. В то же время при несправедливом – приписывание ответственности партнеру вызывает гнев и страх, а самоатрибуция – чувство вины/стыда.

Эти эмоциональные реакции оказывают влияние на дальнейшее поведение человека – дружелюбность, готовность к кооперации и личную продуктивность (см. с.78). Гнев, страх, а иногда и чувство вины вызывают у людей желание восстановить справедливость. В то же время влияние чувства вины нельзя определить однозначно. На первый взгляд, человек, испытывающий вину, стремится загладить ее. Однако связанное с ним понижение самооценки заставляет его сопротивляться и приводит к противоположным последствиям.

об уровне его компетентности и усилий. Так, человек, ставший жертвой несправедливого обращения, пытается оценить, в чью пользу была предубеждена процедура. Если она ограничивает возможности человека, он объясняет свои успехи собственными характеристиками, а неудачи – действиями окружающих, приписывает себе большую ответственность в первом случае и меньшую во втором. Следствием этого является повышение самооценки. В то же время, если человек полагает, что процедура давала ему дополнительные возможности, он оценивает произошедшее совершенно противоположным образом, что ухудшает отношение к себе (Ployhart, Ryan, 1998; Schroth, Shah, 2000).

О том, как люди интерпретируют свои действия, какое поведение они рассматривают как способ восстановления справедливости, речь пойдет в следующем параграфе.

Способы восстановления справедливости

Почему некоторые люди, сталкиваясь с нарушением норм справедливости, пытаются покинуть взаимодействие, другие «нападают» на виновника, а третьи продолжают вести себя как ни в чем не бывало? Вероятно, это происходит потому, что они по-разному интерпретируют одни и те же действия. В данном случае будем исходить из того, что, сталкиваясь с несправедливостью, люди стремятся восстановить ее. Однако они по-разному представляют себе пути достижения этой цели.

Обыденное представление о восстановлении справедливости

Впервые о способах восстановления справедливости заговорили Дж. Адамс и Г. Левенталь. Эти авторы разделили все возможные меры на материальные и психологические.

К числу психологических они отнесли различные способы, подразумевающие переоценку происходящего, но уделяли им мало внимания. Основной интерес вызывали материальные способы восстановления справедливости, связанные с изменением системы издержек и подкреплений (вознаграждений и наказаний). Эти психологи полагали, что, сталкиваясь с несправедливостью, человек может:

- увеличить вознаграждение, которое получает жертва: в данном случае пострадавший участник требует и получает компенсацию;
- уменьшить издержки жертвы: при использовании этого способа к пострадавшему участнику предъявляются меньшие требования, например, сокращается объем работы;
- уменьшить вознаграждение виновника: в этом случае участник, получивший несправедливо высокое вознаграждение, теряет его часть или подвергается наказанию;

- увеличить издержки виновника: при использовании этого способа к участнику, получившему несправедливо высокое вознаграждение, предъявляются дополнительные требования.

По мнению сторонников теории беспристрастности, благодаря роли распределения по заслугам в получении личного вознаграждения и устранении негативных эмоций, за соблюдением этой нормы следят все участники взаимодействия. Поэтому действия по ее восстановлению предпринимаются не только жертвой и свидетелем, но и виновником, в том числе человеком, получившим несправедливое вознаграждение. Например, он может прикладывать дополнительные усилия для того, чтобы его вклад соответствовал вознаграждению.

Таким образом, материальные способы связаны с перераспределением ресурсов, предполагают наличие у пострадавшей стороны власти над виновником несправедливости или добровольное согласие последнего.

В последующих теориях вопрос о специфике поступков, которые люди совершают ради восстановления справедливости, не затрагивался вообще. Тем не менее он является достаточно важным. Такое поведение носит явно инструментальный характер. Осуществляя его, человек стремится достичь поставленной цели и, следовательно, осуществляет его более последовательно.

Вопрос о формах поведения, которые люди считают способом восстановления справедливости, был затронут в наших исследованиях. Первые попытки изучить этот вопрос показали, что предложенные участниками способы можно классифицировать по двум критериям: активности и характеру восстановления (Голыничик, 2004). По первому основанию все способы можно разделить на активные, подразумевающие какие-либо действия жертвы или виновника по восстановлению ущерба, и пассивные, связанные с ожиданием того, что проблема разрешится сама собой или благодаря усилиям других людей. Причем активные действия могут осуществляться самой жертвой или «третьим лицом» – посредником. В соответствии со вторым критерием, способы подразделяются на «наказание» виновника, «возмещение» (установление истины и возмещение нанесенного жертве ущерба) и «предотвращение» подобного в будущем.

Таким образом, пассивные способы частично связаны с отказом от общения или участия в деятельности, координации усилий и помощи. Однако чаще всего они означают, что главная роль предоставляется кому-нибудь другому. В то же время активные способы включают в себя изменение мотивации и качества работы, отказ поддерживать виновника, агрессивное обращение и попытку защитить личные интересы (см. главу 3).

Однако такая классификация оставляет в стороне вопрос о том, какая роль в восстановлении справедливости отводится изменению результата, а какая – процесса взаимодействия? Для изучения этой проблемы нами было проведено специальное исследование, в котором приняли участие 46 студентов дневного и регионального отделений Российского государственного гуманитарного университета.

Основным методом было анкетирование. Участники должны были вспомнить и описать ситуации нарушения 14 норм дистрибутивной, процедурной, информационной и межличностной справедливости, а также предложить способы ее восстановления. Было создано два варианта анкеты, в каждый из которых было включено по семь норм. В результате было получено 294 описания.

Обработка результатов проводилась с помощью контент-анализа. В ходе него предложенные способы восстановления справедливости были разделены по двум основным критериям: степени формализации (предполагающие личное общение между заинтересованными сторонами/исключающее его) и характеру восстановления. На основании второго критерия был выделены:

- Наказание виновника (13%) (перемещение в неприятное место, лишение должности, выговор и т.д.). Эти способы предполагают проявление агрессии по отношению к партнеру, нанесение ему психологического, материального или физического ущерба.
- Сопrotивление (15%) (попытка доказать свою правоту, жалоба третьему лицу, обращение в суд; добровольное увольнение с работы, отказ слушать советы). Эти способы соответствуют таким формам поведения, как отказ от общения, несогласие с участниками и защита своих интересов. Вероятно, к этой группе относится уменьшение мотивации и качества работы, однако респонденты не акцентировали внимание на подобных мерах.

- Вознаграждение жертвы (17%) (дополнительное вознаграждение, продвижение по службе, исправление оценки, оказание помощи, извинение перед ней, ее похвала и т.д.). Эти способы связаны с перераспределением вознаграждений/издержек, а также с доброжелательным общением и оказанием помощи жертве несправедливости.
- Обсуждение (20%) (поиск информации, совместный анализ ситуации; обращение к виновнику, жертве или третьей стороне за объяснениями; их информирование, согласование интересов). Эти способы не имеют аналогов в представленном выше списке поведенческих реакций на нарушение справедливости.
- Изменение процедуры (33%) (введение определенных норм и правил, изменение критериев оценки и способа взаимодействия, переосмысление ситуации). Эти способы также не имеют аналогов среди форм поведения, описанных в третьей главе.

Таким образом, отдавая должное негативным реакциям, описанным в третьем параграфе, респонденты предлагали «мирные» способы восстановления справедливости, связанные с изменением правил взаимодействия и принятием общего решения.

Понимая их важность, люди, тем не менее, относительно редко используют их в своей деятельности. Вероятно, это происходит потому, что такие способы требуют высокой степени эмоционального самоконтроля и рассуждения на перспективу, а, следовательно, когнитивных ресурсов и хорошо сформированных поведенческих навыков.

Процедуры восстановления справедливости

Обыденное представление о способах восстановления справедливости активно используется авторами специальных программ. Их цель заключается в нейтрализации негативных последствий несправедливых поступков.

Первая из них подразумевает *организацию личной встречи* между жертвой и виновником. Это мероприятие оказывает двойное влияние.

С одной стороны, оно позволяет жертве снять эмоциональное напряжение. Эмпирические исследования показывают, что люди,

имеющие возможность рассказать о совершенной по отношению к ним справедливости, дают более высокую оценку взаимодействия, демонстрируют большее психологическое благополучие, выражают меньшее желание сменить работу, особенно если рассказ адресован незаинтересованному участнику, а не виновнику произошедшего (Barclay, Skarlicki, 2009).

С другой стороны, такая встреча позволяет виновнику объяснить свои действия и извиниться за содеянное, что так же улучшает состояние жертвы. Однако позитивное воздействие оказывают лишь адекватные объяснения; неадекватные вызывают более негативную реакцию, чем их отсутствие.

Объяснения играют особенно важную роль, когда несправедливое взаимодействие ведет за собой значительные финансовые потери, предполагает нарушение моральных норм и разрушает рабочую группу (Shaw, Wild, Colquitt, 2003).

Однако действия виновника имеют большое значение, когда жертва говорит о том, что простила его. Публично заявляя о прощении обидчика, человек оценивает прошлое взаимодействие как более справедливое, что снижает негативные эмоции, уменьшает желание отомстить и усиливает желание примириться с нарушителем (Wenzel, Okimoto, 2010). Возможно, что таким образом он устраняет когнитивный диссонанс между негативным отношением к виновнику и его вынужденным прощением.

Вторая процедура связана с *модификацией системы вознаграждений*, т. е. приведением размера подкреплений и затрат в соответствие с нормой беспристрастности. Это достигается изменением размера вознаграждения/наказания или требований, предъявляемых к участникам, т. е. их вкладов. Однако использование этой нормы при вознаграждении неэффективных сотрудников может вызывать у них негативные эмоции, в первую очередь, гнев и, как следствие, уменьшение производительности труда. Вероятно, это происходит, когда сотрудник старается выполнить работу, не может сделать это и приписывает свою неудачу внешним и неконтролируемым факторам.

О том, как предотвратить подобный результат, задумывались еще сторонники теории беспристрастности. По их мнению, неэффективные сотрудники предпочитают получать вознаграждение, которое соответствует норме равенства. Следовательно, для того чтобы предотвратить уменьшение продуктивности, необходимо создать у них впечатление, что вознаграждение распределяется поровну.

Первые способы были предложены Г. Левенталем. Он описал три основных варианта решения этой проблемы. Первый и второй способы – использование нормы равенства и обучение неэффективных сотрудников – требуют значительных усилий со стороны руководителя и снижают продуктивность хороших работников. Поэтому наиболее эффективными он считал психологические способы, связанные с переоценкой подкрепления.

К их числу Левенталь относил любые процедуры, изменяющие оценку ситуации распределения, среди них:

- сохранение тайны, при котором сотруднику не сообщают размер вознаграждения, полученного его коллегами;
- преуменьшение человеком, распределяющим вознаграждение, личной ответственности, например, указание на то, что решение было принято под давлением других людей.

Кроме того, некоторую роль играет изменение ценности вознаграждения с помощью указания на то, что:

- ресурсы ограничены и получение даже небольшого вознаграждения – это удача;
- данный сотрудник получил большее вознаграждение, чем другие;
- наблюдается позитивная временная динамика: текущее вознаграждение сотрудника больше, чем прошлое; за длительный период времени он получил столько же или больше, чем его коллеги и т. д.

Признавая полезность подобных стратегий, Левенталь, тем не менее, отмечал, что они дают лишь кратковременный эффект.

И наконец, третья процедура воздействия на участников общения связана с формированием у людей *навыков справедливого обращения* с окружающими, соответствующего нормам процедурной, межличностной и информационной справедливости. Как правило, подобное обучение происходит в режиме психологического тренинга. В западных странах в таких программах принимают участие самые разные люди, от банковских работников до сотрудников больниц и тренеров спортивных команд. Поскольку навыки справедливого взаимодействия играют важную роль как в разностатусных, так и в равностатусных отношениях, обучение могут проходить не только руководители (Cole, Latham, 1997; Green-

berg, 2006; Skarlicki, Latham, 1996), но и «рядовые» сотрудники (Hassandra et al., 2007).

Обучение справедливому обращению строится по принципу от общего к частному, от теоретических знаний к формированию поведенческих навыков. Соответственно, к числу основных форм работы относятся:

- мини-лекции, в которых описываются нормы дистрибутивной, процедурной, межличностной и информационной справедливости, а также последствия их соблюдения и нарушения;
- анализ конкретных случаев, обсуждение моделей справедливого поведения;
- ролевые игры, в рамках которых участники отрабатывают поведенческие навыки, соответствующие разным нормам справедливости, например, наличием контроля за процессом (право голоса) и результатом, возможности коррекции, вежливости и уважению, понятности объяснений и т. д. При этом справедливое поведение участников вознаграждается.

В целом, использование подобных программ позволяет улучшить отношения между людьми, повысить удовлетворенность отношениями и эффективность деятельности.

Таким образом, совместные усилия сторонников разных теорий позволили подробно описать регулятивную функцию справедливости. В целом, исследователи пришли к согласию относительно характера ее влияния. Однако несколько **принципиальных вопросов** еще ждут окончательного решения.

Эти вопросы затрагивают самые разные аспекты проблемы – от направлений влияния до осознанности воздействия справедливости общения.

Какова роль отдельных компонентов справедливости? Первый вопрос касается роли, которую выполняют отдельные компоненты справедливости. Сторонники одной точки зрения полагают, что соблюдение или нарушение разных компонентов связано с разными направлениями функционирования человека (Besley, McComas, 2005; Colquitt, 2001; Colquitt et al., 2001; Streicher et al., 2007). В целом, дистрибутивная справедливость оказывает влияние на индивидуальные достижения участника взаимодействия и его отношение к работе (удовлетворенность ее содержанием и зарплатой, мотивацией,

ее качеством, намерением сменить место работы). Процедурная – на отношение к организации (идентификацию, приверженность), согласие с установленными правилами, участие в совместной работе и уровень профессионального стресса. Межличностная – на отношение к конкретному руководителю и помогающее поведение, а информационная – на самооценку человеком своего положения в организации (коллективную самооценку, уровень доверия в группе).

В то же время сторонники другой точки зрения подчеркивают, что все описанные выше последствия определяются общей оценкой справедливости взаимодействия, складывающейся на основе соблюдения или нарушения всех компонентов (Ambrose, Schminke, 2009). В пользу этого косвенно говорит тот факт, что достаточно часто соблюдение дистрибутивной, процедурной, межличностной и информационной справедливости приводит к одним и тем же последствиям: оказывает влияние на оценку сотрудником поддержки со стороны организации и доверие по отношению к ней (Hopkins, Weathington, 2006; Loi, Hang-yue, Foley, 2006), его поведение в конфликте (Rahim, Magner, Shapiro, 2000), профессиональный стресс, удовлетворенность деятельностью и намерение сменить место работы (Streicher et al., 2007).

Позитивно или негативно воздействие справедливости? Второй спорный вопрос касается позитивности/негативности последствий соблюдения справедливости. Сторонники наиболее распространенной в настоящее время точки зрения полагают, что справедливое обращение улучшает аттитюды людей, способствует повышению продуктивности и продолжению общения, а несправедливое оказывает обратное воздействие. Эту позицию разделяют авторы и последователи большинства психологических теорий справедливости, прежде всего, беспристрастности, личного интереса, ценности группы, эвристической теории и теории ожиданий.

Основными критиками этой позиции выступают сторонники концепции справедливого мира. Проведенные ими эмпирические исследования демонстрируют, что, оценивая окружающих, человек старается защитить свое представление о мире. Давая высокую оценку удачливым людям (Lerner, 1980; Lerner, Lerner, 1981; Lerner, Miler, 1978), он «очерняет» неудачливых, дискредитируя даже невинных жертв (Hafer, 2000). Например, человек, верящий в справедливый мир, поклоняется «звездам» (McCutcheon, 2003); ниже оценивает людей с серьезными заболеваниями и ставшими жертвами несчаст-

ных случаев (Gruman, Sloan, 1983); чаще поддерживает стереотипы, оправдывающие существующую в обществе социальную иерархию (Oldmeadow, Fiske, 2007); хуже относится к представителям социальных меньшинств (Mohr, Luscri, 1995; Ng, Allen, 2005), женщинам, попавшим в неоднозначную ситуацию (Mohr, Luscri, 1995; Murray, Spadafore, McIntosh, 2005), особенно жертвам изнасилований (Kleinke, Meyer, 1990; Olsen-Fulero, Fulero, 1997; Tabone, Pardino, Salzano, 1992), а также преступникам, оказавшимся за решеткой (Mazzocco, Alicke, Davis, 2004; Moran, Comfort, 1986; Butler, Moran, 2007).

Какова роль справедливости в близких отношениях? Третий спорный вопрос затрагивает специфику воздействия справедливости в разных сферах взаимодействия. Проведенные исследования позволяют описать роль общей оценки справедливости в формализованном, дистантном общении – деловом, правовом, общественно-политическом. В то же время влияние этого параметра на характер близких – родственных и дружеских – отношений остается мало изученным. Некоторые психологи полагают, что в этом случае она теряет свое значение, другие выступают за ее сохранение. Ответ на этот вопрос могут дать лишь будущие исследования.

Чем различаются реакции разных участников взаимодействия? Четвертый вопрос связан с преимущественным интересом исследователей к реакциям жертвы и свидетеля несправедливости. Вероятно, они полагают, что виновник продолжает вести себя прежним образом, пока не сталкивается с активным противодействием. Единственную альтернативу предлагают сторонники теории беспристрастности, по мнению которых виновник старается восстановить справедливость. Таким образом, они не принимают во внимание возможных самозащитных реакций с его стороны.

Может ли справедливость стать «буфером»? Пятый спорный вопрос касается того, каким образом влияние справедливости комбинируется с воздействием других особенностей взаимодействия и его участников. Для решения этой проблемы в последние годы была предложена идея буфера. Ее сторонники полагают, что оценка справедливости не только оказывает непосредственное влияние, но также исполняет роль буфера, усиливающего воздействие на поведение человека его психологических особенностей, связанных с достижением личных целей¹ и принадлежностью к социальной

1 Например, активные сотрудники, стремящиеся ради достижения своих целей изменить среду обитания, чаще демонстрируют гражданское по-

группе¹. Эти характеристики определяют цели взаимодействия, а справедливость помогает их реализации.

Вероятно, эта идея берет начало в социально-когнитивной теории А. Бандуры, по мнению которого, между психологическими характеристиками человека, его поведением и ситуацией существует двусторонняя связь. В частности, поведение определяется взаимодействием между индивидуальными особенностями и характеристиками ситуации. Развивая эту идею, можно сказать, что степень и характер влияния психологических особенностей зависит от условий общения человека, в частности, от его справедливости.

Кроме того, справедливость смягчает воздействие других характеристик ситуации, затрудняющих функционирование человека. Например, она компенсирует необходимость для сотрудника синхронизировать свой темп деятельности с указаниями руководителя (Chen et al., 2010) и уменьшает воздействие ролевого конфликта (Siegel et al., 2005).

Несмотря на это, внимание исследователей по-прежнему привлекает непосредственное воздействие справедливости на аттитюды и поведение участников взаимодействия. При каких условиях возникает такое влияние? Другими словами, когда люди обращают внимание на справедливость общения?

Условия влияния справедливости

Проблема условий в социальной философии

Впервые этот вопрос был поставлен в социальной философии. Однако на его формулировку наложила отпечаток специфика обсуждения справедливости в рамках этой дисциплины. Специалистов в области философии волновало, при каких обстоятельствах люди и целые го-

ведение в условиях справедливой процедуры, где им дают возможность принять непосредственное участие во взаимодействии и оспорить принятое решение (Li, Liang, Crant, 2010). В данном случае справедливая процедура является гарантом получения личного вознаграждения.

- 1 Люди, идентифицирующиеся с другими приемными родителями, чаще усыновляют брошенных детей, если высоко оценивают справедливость программ усыновления (Grover, 1991). В данном случае справедливость усиливает ощущение принадлежности к определенной социальной группе.

сударства нуждаются в соблюдении норм справедливости. Другими словами, в каких условиях ее соблюдение обеспечивает выживание человека и общества в целом?

Активное обсуждение этой проблемы началось еще в XIX в. Несмотря на отдельные разногласия, в настоящее время большинство специалистов полагают, что справедливость обмена, распределения благ и наказаний приобретает большое значение при наличии следующих обстоятельств (Кашников, 2004; Прокофьев, 2003; Ролз, 1995; Хеффе, 2007).

- Умеренная скудость ресурсов. Справедливость играет важную роль при состоянии общества, которое лежит между двумя крайностями – абсолютным дефицитом благ и изобилием. В первом случае делить нечего, а во втором – специальная процедура распределения и обмена не нужна, поскольку каждый человек может получить такое вознаграждение, какое захочет.
- Конкуренция за ресурсы. Справедливое распределение и обмен необходимы в том случае, когда на небольшой территории проживает большое количество людей, обладающих примерно одинаковыми физическими и умственными способностями, имеющих идентичные потребности, т. е. претендующих на одни и те же ресурсы и, как следствие, конкурирующих друг с другом за их обладание.
- Отсутствие индивидуальной безопасности. Соблюдение справедливости приобретает большое значение при условии, что отдельные участники конкуренции не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность, защитить себя от посягательств других претендентов. Стремясь получить дополнительные ресурсы, люди нападают на окружающих и тем самым создают атмосферу взаимной угрозы.
- Необходимость кооперации. Справедливость играет большую роль в том случае, когда выживание отдельных людей зависит от наличия кооперации, необходимой для производства материальных благ. Пытаясь достичь своих целей, люди «блокируют» усилия друг друга, тем самым уменьшая вероятность выживания.

Таким образом, справедливость рассматривается как универсальное средство выживания в условиях активной борьбы за ресурсы.

При наличии перечисленных выше обстоятельств справедливое распределение позволяет удовлетворить потребности разных членов общества путем согласования их интересов и сохранения отношений между ними.

Родоначальники социально-психологического подхода к справедливости сместили акцент в ее изучении с объективно существующих норм на их восприятие отдельными людьми. Это оказало влияние на формулировку вопроса об условиях. Теперь он звучал следующим образом: в каких обстоятельствах люди уделяют большое внимание справедливости взаимодействия? Поиск ответа на этот вопрос ведется в трех основных направлениях (рисунок 16).

Сторонники первого направления уверены, что люди различаются по степени, в которой они реагируют на справедливость взаимодействия. Психологи считают, что один человек при любых условиях ратует за ее соблюдение и испытывает негативные эмоции, если ожидания не оправдались, а другой равнодушно относится как к соблюдению, так и к нарушению ее требований. Эта позиция тесно связана с теми психологическими теориями справедливости, в которых она рассматривается как средство сохранения психологического благополучия (теории справедливого мира, защиты ценностей).

Сторонники второго направления полагают, что любой человек следит за соблюдением справедливости, если это позволяет ему получить личное вознаграждение. Их позиция является логическим продолжением теорий беспристрастности и личного интереса.

Рис. 16. Условия соблюдения справедливости

И наконец, в рамках третьего направления внимание к справедливости рассматривается как показатель значимости социальной группы. Оно логически вытекает из теории ценности группы.

Чувствительность к несправедливости

При изучении индивидуальных различий был введен термин «чувствительность к несправедливости», под которой понимается острота реагирования на нарушение справедливости и желание восстановить ее (Dalbert, Montada, Schmitt, 1987; Maes, 1994; Rubin, Peplau, 1973; Schwartz, 1992). Основными показателями чувствительности является количество событий, которые человек считает несправедливыми, и мыслей о них, а также интенсивность эмоциональной реакции и желание наказать виновника (Baumert, Schmitt, 2009; Schmitt, Neumann, Montada, 1995; Schmitt et al., 2005).

Изначально чувствительность к несправедливости рассматривалась как стабильная индивидуальная характеристика, не зависящая от ситуации взаимодействия и положения участников. Однако позже выяснилось, что человек по-разному реагирует на несправедливость, находясь в позиции жертвы, виновника или свидетеля. Чувствительность с позиции жертвы, растущая при совершении несправедливого поступка по отношению к ней, связана с подозрительностью, ревностью и уровнем нейротизма, т. е. является одним из проявлений эмоциональной нестабильности и «застревания» на негативных переживаниях. В то же время чувствительность с позиции свидетеля и виновника, растущие при совершении несправедливости по отношению к окружающим людям, зависят от эмпатичности человека, его социальной ответственности, умения встать на позицию другого участника и готовности к согласию, т. е. порождается ориентацией на других людей (Schmitt et al., 2005; Wijn, Van Den Bos, 2010).

«Чувствительность» к несправедливости создает определенные ожидания от взаимодействия, заставляет людей пристально всматриваться в соблюдение норм (рисунок 17).

Например, чем более чувствительны сотрудники, тем больше их психосоматическое состояние и удовлетворенность работой зависит от процедуры общения в организации (Gollwitzer et al., 2005; Schmitt, Dorfel, 1999).

У «чувствительных» людей малейшее нарушение норм справедливости вызывает сильный когнитивный диссонанс, негативные эмо-

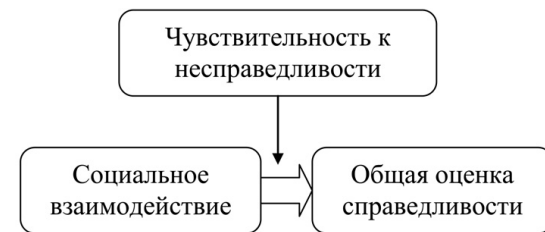

Рис. 17. Воздействие чувствительности к несправедливости

ции и понижает самооценку. Высокая чувствительность уменьшает удовлетворенность человека своей жизнью, работой и психологическим состоянием (Schmitt, Dorfel, 1999; Schmitt, Mohiyeddini, 1996).

Желая восстановить когнитивный баланс и улучшить свое состояние, человек стремится к справедливости. Именно поэтому «чувствительные» люди более позитивно реагируют на возможность ее восстановления (Baumert, Schmitt, 2009).

Чувствительность с позиции виновника увеличивает вероятность просоциального и уменьшает вероятность эгоистического поведения, в то же время чувствительность жертвы вызывает обратные последствия, порождает девиантное поведение. Дело в том, что чувствительные жертвы не верят в справедливость мира и ожидают эксплуатации со стороны окружающих. В частности, они воспринимают реформы «сверху» как незаконное ограничение личной свободы. В этих условиях они считают эгоистическое поведение средством восстановления баланса (Gollwitzer et al., 2005) и поэтому сопротивляются внешнему давлению (Traut-Mattausch, 2011). Таким образом, большинство описанных в этой главе последствий несправедливости возникают у «чувствительных» жертв.

Однако если рассматривать чувствительность как индивидуальную характеристику, то придется признать, что условия, при которых люди следуют требованиям справедливости, ограничиваются психологическими особенностями человека, будь то эмоциональная нестабильность, эмпатичность или иные характеристики. При таком подходе полностью игнорируется роль ситуации взаимодействия – его конкурентности, взаимозависимости участников и т. д., что не соответствует целому ряду психологических теорий, в которых подчеркивается значение социальной ситуации, и проведенным в их рамках психологическим исследованиям (Росс, Нисбетт, 1999).

Что важнее: личность или ситуация? Этот вопрос психологи задали много лет назад. Однако к настоящему времени стало понятно, что они находятся в непрерывном взаимодействии друг с другом. Так, большинство психологических характеристик формируется в ходе социализации. Она происходит в группах, обеспечивающих человеку возможность развития за счет его включения в разные социальные ситуации. В то же время, воздействие непосредственной ситуации общения в некоторой степени ограничено уже существующими у человека мотивационными предпочтениями и поведенческим репертуаром.

Идея о взаимозависимости психологических особенностей человека и характеристик ситуации отражена в интеракционистских теориях. Изучая человеческое взаимодействие, их сторонники принимают за основу несколько основных положений (Статтин, 2001):

- Поведение человека определяется как его особенностями, так и характеристиками ситуации.
- Человек является сознательным и активным участником процесса взаимодействия.
- Основными детерминантами поведения со стороны человека являются мотивационные и когнитивные факторы.
- Доминирующим фактором со стороны ситуации является ее значение для участников, которое возникает в ходе интерпретации.

Таким образом, анализируя социальное взаимодействие, интеракционисты выделяют два типа факторов, оказывающих влияние на поведение людей. Первый – это характеристики ситуации (например, ее сложность; ограничения и возможности, которые она предоставляет участникам; нормы, задачи, роли и т.д.), а второй – особенности человека (например, цели, ожидания, мотивация, эмоции и др.) (Магнуссон, 2001). Говоря об индивидуальных особенностях, интеракционисты делают акцент на нестабильных психологических характеристиках, которые связаны с оценкой конкретной ситуации. Однако можно предположить, что за ними стоят относительно стабильные мотивационные, ценностные и эмоциональные предпочтения.

Применив описанные выше идеи для анализа феномена справедливости, можно сделать следующее предположение: его важность определяется как психологическими характеристиками, так и параметрами непосредственной ситуации взаимодействия. Поиск

этих условий идет по двум основным направлениям. Сторонники теорий беспристрастности и личного интереса сделали акцент на конкурентность общения. В то же время авторы теории ценности группы выделили иные обстоятельства, связанные с принадлежностью к сообществу.

Необходимость личного вознаграждения

Сторонники теорий беспристрастности и личного интереса полагают, что люди следуют нормам справедливости, желая получить индивидуальное вознаграждение. Следовательно, большее значение этим принципам придают те, кто находится в условиях конкуренции, ценит индивидуальные достижения и уверен в своих силах (рисунок 18).

- *Конкурентность взаимодействия.* Внимание человека к соблюдению норм справедливости возрастает в условиях конкурентного взаимодействия, участники которого обладают разными интересами (Сугавара, Хо, 2003; Forrest, 2002) и статусом (Barrett-Howard, Tyler, 1986), а их вознаграждение зависит от мнения окружающих людей (Kirkman, Shapiro, 2000). Особенно пристальное внимание на этот фактор обращают

Рис. 18. Условия, связанные с личным вознаграждением

жертвы несправедливости, которые понесли серьезные потери (Chiu, 1991в; Mikula et al., 1998; Schmitt et al., 2005).

Однако эта закономерность проявляется, прежде всего, по отношению к членам своей группы. Что касается аут-группы, то на справедливость к ее представителям обращают внимание, прежде всего, те люди, которые не считают их реальными соперниками. В противном случае тревога за положение ингруппы нивелирует значение справедливости (Beaton, Tougas, 2001).

- *Важность личного вознаграждения.* Большее значение справедливости общения придают люди, которые в силу доминирующей мотивации и ценностей хотят получить личное вознаграждение. Это, прежде всего, относится к представителям культур с маленькой властной дистанцией, где ценятся индивидуальные заслуги, а не статус человека (Brockner et al., 2001; Yang, Mossholder, Peng, 2007); а также к тем, кто рассматривает свои отношения с окружающими/организацией как взаимовыгодный обмен (Witt, Broach, 1993), ориентированы на достижение, а не избегание неудачи (Brebels, De Cremer, Sedikides, 2008), имеет сильно выраженную потребность в контроле (De Cremer, Blader, 2006), отличается низкой готовностью к согласию (Krings, Facchin, 2009), хорошо понимает свои цели (Brebels, De Cremer, Sedikides, 2008).
- *Оценка возможностей.* Большее значение справедливости взаимодействия придают те люди, которые полагают, что обладают необходимыми способностями для достижения успеха: уверенные в себе (Loseman et al., 2009); работающие под руководством человека, часто использующего вознаграждение (De Cremer et al., 2005) с партнером, действия которого идут им на пользу (Flynn, Brockner, 2003).

Для таких людей соблюдение справедливости – это гарантия личного успеха, которая позволяет им реализовать свои способности и добиться позитивного результата.

В последнее время появились некоторые свидетельства в пользу важности четвертого фактора – возможности предотвращения несправедливости. В частности, люди более активно реагируют на несправедливость, которая будет совершена в будущем, чем на ту, которая уже произошла в прошлом (Caruso, 2010).

Рис. 19. Условия, связанные с членством в группе

Важность социальной группы

Идея о роли социальной группы в соблюдении справедливости впервые была высказана в теории ценности группы. В соответствии с ней большее внимание этому феномену уделяют люди, которые стремятся стать частью группы, поскольку чувствуют неуверенность в собственных силах или высоко ценят общество других людей (рисунок 19).

- *Важность принадлежности к группе.* Сторонники этой позиции полагают, что большее внимание на справедливость взаимодействия обращают люди, которые в силу индивидуальных особенностей или характеристик ситуации ценят общество себе подобных. В частности, большее значение справедливости придают женщины (Hack, Lammers, 2009) и религиозные люди (Синелина, 2009; Сфера политики и..., 2005; Широкалова, 2001), задумавшиеся о своем социальном статусе (Skitka, 2003; Van Prooijen, Van den Bos, Wilke, 2002), альтруистической, а не эгоистической ориентацией во взаимодействии (De Dreu, Nauta, 2009; Stouten, De Cremer, Van Dijk, 2005), сильно выраженной ориентацией на социальное сравнение (Thau, Aquino, Wittek, 2007) и аффилиативной потребностью (De Cremer, Blader, 2006).
- *Оценка возможностей.* Кроме того, большее значение справедливости общения придают люди с неопределенной (Thau, Aquino, Wittek, 2007; van den Bos et al., 2011) или низкой само-

оценкой (De Cremer et al., 2004), психологически неадаптированные (Siers, 2007) и не умеющие приспосабливаться к разным ситуациям (Andrews, Kasmar, Harris, 2009); ранее уже потерпевшие неудачу (Greenberg, 1987; Stroebe et al., 2009) или не обладающие достаточной информацией о последствиях взаимодействия (See, 2009); имеющие низкий социальный статус (Голенкова, Игитханян, 2006) и не обладающие социальной поддержкой (Rousseau et al., 2009); работающие под началом вспыльчивого (De Cremer, Den Ouden, 2009) или не вызывающего доверия руководителя (De Cremer, Tyler, 2007)¹.

Для таких людей соблюдение справедливости – это показатель включенности в группу. Справедливое общение гарантирует человеку социальную поддержку, повышает его самооценку, обеспечивает общение с другими людьми.

Препятствия на пути соблюдения справедливости

Описанные выше факторы позволяют предсказать оценки, эмоции и действия человека при наличии у него свободы выбора. Однако достаточно часто, пытаясь соблюсти требования справедливости, люди сталкиваются с серьезными препятствиями. В этом случае они вынуждены либо преодолеть препоны, либо отказаться от восстановления справедливости. В таком положении зачастую оказываются руководители организаций (Scott, Colquitt, Paddock, 2009).

Их поведение определяется тремя основными мотивами: стремлением сохранить контроль над окружением и добиться своих целей (теории беспристрастности и личного интереса); создать у окружающих позитивное впечатление о себе (теория ценности группы); а также максимизировать позитивные эмоции и минимизировать негативные (теории справедливого мира и защиты ценностей).

Однако свобода руководителя ограничена той средой, в которой он находится. Она ниже в жестко формализованных организациях; в ходе специально организованных процедур (аттестации, приема на работу и т. д.), а не повседневного общения; при осуществлении

1 Стоит отметить, что эти условия противоречат факторам, выделенным сторонниками модели личного интереса. Следовательно, их важность нуждается в дополнительном изучении.

действии, доступных всеобщему обозрению; а также в случае, если соблюдение норм требует значительных усилий. В этих условиях действия руководителя определяются не его целями, а воздействием среды.

Как следствие, свобода выбора руководителя зависит от компонента справедливости. Наименьшей свободой руководитель обладает при распределении вознаграждения (как правило, оно формализовано, осуществляется в ходе специальных процедур, публично и трудно поддается изменению); средней – при обеспечении процедурной и максимальной – межличностной и информационной справедливости.

Это означает, что мотивы руководителя сильнее всего связаны со справедливостью его поведения, соответствующего информационному и межличностному аспекту, а слабее всего – дистрибутивному.

Таким образом, проведенные исследования позволили составить комплексное представление о той роли, которую обыденное понимание справедливости играет в социальном взаимодействии. В то же время существующий подход обладает определенными ограничениями, в основе которых лежит идея об универсальном понимании этого термина. На наш взгляд, их преодоление связано с разработкой ряда дополнительных идей (рисунок 20).

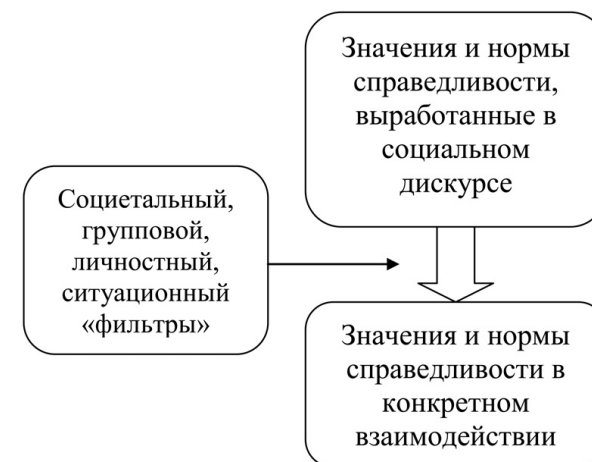

Рис. 20. Обыденное понимание справедливости: значения и нормы

1. Понимание справедливости является сложным образованием, включающим в себя не только социальные нормы, но и соответствующие им значения, входящие в состав семантической структуры сознания. Значения определяют положение «справедливости» в обыденном сознании, а нормы регулируют поведение в ходе реального взаимодействия.
2. Понимание справедливости формируется в ходе социального дискурса, активизирующегося в периоды общественно-политических изменений. В ходе этого процесса одни значения и нормы приобретают эксплицитную, а другие – имплицитную форму.
3. В рамках любого общества распространено несколько пониманий справедливости, поэтому его представители усваивают разные значения и нормы. Однако, вступая в реальное взаимодействие, они следуют одним и отвергают другие. Это происходит благодаря наличию четырех «фильтров» – социетального, группового, личностного, ситуационного.
4. Направление подобного воздействия различается в зависимости от уровня общения – межличностного или межгруппового.

Эти положения будут проанализированы в последующих главах на примере российского понимания справедливости.

Глава 4

Справедливость как результат социального дискурса

Возникновение и трансформация значений справедливости

На протяжении многих веков справедливость является важнейшей категорией морали, философии, политического и правового сознания. Каждая эпоха и культура порождает свои представления о значении этого слова, предлагает свою систему критериев для оценки взаимодействия.

Эта идея приобрела особую популярность во второй половине XX в., когда одним из основных вопросов социальной философии стал вопрос об универсальности понимания справедливого и несправедливого. Развернувшаяся дискуссия привела к формированию двух на первый взгляд противоположных точек зрения, отраженных в универсально-рационалистских и партикуляристских теориях (Печерская, 2001).

Сторонники рационалистских концепций утверждают, что основную роль в познании принципов справедливости играет разум. Они уделяют большое внимание нормам процедурной справедливости, которые обеспечивают вынесение беспристрастного суждения. Наиболее важную роль они отводят принципам, соблюдение которых гарантирует людям равенство прав. Эта точка зрения широко представлена в работах североамериканских и западноевропейских авторов, отражена в различных политических документах и программах.

В то же время сторонники партикуляристских концепций утверждают, что справедливость является элементом интернализованных коллективных представлений, распространенных в рамках опреде-

ленной социальной общности и затрагивающих отдельные сферы жизнедеятельности. Они отмечают, что в разных культурах существуют различные критерии рациональности, применение которых порождает различные определения справедливости.

Развивая эту идею, некоторые авторы отмечают, что принципы справедливости, провозглашенные в рамках универсалистских концепций, на самом деле являются результатом дискурса, происходящего в либерально-демократических обществах, и неприменимы в сообществах с другими критериями рациональности (Печерская, 2001). Рассмотрим, каким образом этот дискурс шел в нашей стране.

Социальный дискурс как источник значений справедливости

Слово «справедливость» имеет иностранное происхождение. Оно появилось в русском языке в конце XV в. На протяжении двух последующих столетий оно использовалось в официальных документах и только в XVIII в. стало применяться в разговорной речи. В словарях двухсотлетней давности содержатся четыре основных значения справедливости. Она определяется как истина (точность), правовая (система правосудия) и нравственная (добродетель) категории, а также как воздаяние должного. Интересно, что в это время различные значения справедливости сосуществовали достаточно мирно. Ситуация кардинально изменилась в начале XIX века.

В ситуации серьезных политических потрясений, экономических и правовых изменений перед людьми остро стал вопрос о том, что является «истинным», «правильным» т. е. справедливым в разных сферах жизнедеятельности. Новые идеи требовали оформления, однако русский язык еще не обладал необходимым запасом абстрактной лексики. Поэтому хорошо знакомые слова наделялись новыми значениями. Эта судьба постигла и слово «справедливость».

Благодаря общественному обсуждению, в котором приняли участие представители разных социальных слоев, профессиональных и религиозных групп определение справедливости стало внутренне конфликтным, наполнилось взаимоисключающими значениями (Печерская, 2001).

Пытаясь найти критерии справедливости, участники дискурса обращались к четырем основным источникам.

Первым из них стали *социальные нормы*, сохраняющие жизнеспособность общины. Справедливость в значении «правильности», т. е. соответствия неписаным, но широко распространенным нормам, использовалась для характеристики чьих-либо поступков и слов. В большинстве случаев она обозначала правоту высказываний и действий человека. Сторонники этой позиции полагали, что в ходе социализации люди усваивают социальные нормы, которые определяют их «чувство справедливости». Такое понимание ставило во главу угла принцип «удержания традиции», воспроизведение порядка, унаследованного от предков. В XIX в. оно предполагало сохранение существующих иерархических связей, обозначало стремление не к равенству, а к единству. Благодаря этому пониманию, слово «справедливость» заняло важное место в моральном сознании россиян.

Другим источником критериев стала *религия*. Сторонники этой позиции полагали, что возможность быть справедливым – это способность, которую Бог дает человеку вместе с душой. Источником справедливости на земле являются действия, совершенные отдельными людьми. Следовательно, для ее восстановления необходима индивидуальная инициатива.

Несмотря на существенные различия, восприятие справедливости как идущей от бога и воплощающей в себе требования общины имеют много общего. В обоих случаях она приравнивается к добру (добродетели), а несправедливость – ко злу (греху).

Третий источник критериев справедливости – *закон* – задавал принципиально иное понимание этого слова. Сторонники этой точки зрения приравнивали справедливость к соблюдению закона, а несправедливость – к его нарушению. Это значение соответствовало английскому «legal justice», обозначающему правовую систему¹ и, как следствие, получило распространение в среде юристов. Источ-

1 Сегодня для обозначения справедливости в английском языке используется два основных термина – «justice» и «fairness». Первый применяется для характеристики формальных отношений: «legal justice» для описания справедливости происходящего в рамках правовых институтов, «political justice» – политических процедур, «organizational justice» – в организациях. Второй термин задействуется при описании неформальных отношений, складывающихся вне определенных организаций, например, в личном взаимодействии или при межгрупповых конфликтах.

ником такой справедливости является не человек и не социальные нормы, а государство. Таким образом, юридическая справедливость изначально рассматривалась как антипод справедливости социальной или божественной.

И наконец, четвертый источник критериев – это *политические и экономические отношения*, сложившиеся между разными социальными группами. В XIX в. возникает словосочетание «революционная справедливость», предполагающее перераспределение власти между представителями социальных слоев и отражающее потребности угнетенной части населения – рабочих и крестьян. Сторонники этой позиции считали единственным возможным способом восстановления справедливости изменение структуры общества, что в корне противоречило идее нравственной инициативы.

Разнообразие сфер, в которых люди искали критерии справедливости, привело к формированию нескольких более узких значений этого слова.

- «Истина» – соответствие реальным событиям или фактам. Первоначально это значение справедливости встречалось в литературных произведениях разных жанров, написанных разными авторами. Однако к концу XIX в. она утратила свою популярность и стало использоваться преимущественно в естественных и точных науках, а также публичных выступлениях для того, чтобы подчеркнуть адекватность какой-либо позиции («Как справедливо заметил автор предыдущего выступления...»). Это произошло по причине того, что его вытеснило понимание справедливости как должного, правильного. Первоначально эти значения использовались одновременно, но затем вступили в конфликт друг с другом.
- «Воздаяние должного». В таком значении, соответствующем распределительной и воздающей справедливости по Аристотелю, до середины XIX в. это слово употреблялось для описания добродетелей и заслуг конкретных людей в контекстах, связанных с личным самосовершенствованием. Впоследствии оно приобрело социальную окраску, связанную с устройством общества и стало трактоваться как распределение сугубо материальных благ.
- «Хорошее отношение к людям». Справедливость рассматривалась как черта, данная человеку от природы, предпо-

лагающая равное отношение ко всем людям в сочетании с бескорыстной помощью окружающим. При этом речь шла не только и не столько о равенстве прав, сколько о равенстве в нравственном, политическом и экономическом смыслах.

- Идея «равенства прав» как такового была заложена в юридическом понимании справедливости и не получила в XIX в. широкого распространения. Некоторые специалисты полагают, что причина этого явления кроется в особенностях политического устройства России, прежде всего, в развитии страны по сценарию не аристократического, а патримонального государства (Кашников, 2004).

В аристократическом государстве у власти находится группа людей, которая владеет военным ремеслом. Она представляет собой братство воинов, присягнувших на верность вождю. Идеалом такого государства является герой, совершающий подвиги. Оно состоит из сословий, каждое из которых обладает своими правами и выполняет определенную функцию. Как следствие, представители каждого сословия осознают свою групповую принадлежность, общие интересы и относятся к одноклассникам как к равным. Отношения между сословиями строятся на условиях договора, при котором «лучшие» руководят «худшими». У представителей наиболее влиятельного слоя формируется принцип социальной ответственности за представителей других социальных групп. Таким образом, каждое сословие извлекает из социальной иерархии свою выгоду. По мере исчезновения сословных границ осознание ответственности за «других» и отношение к «своим» как к равным распространяется на всех представителей общества. Результатом является осознание ценности индивидуальных прав и возможности контроля за взаимодействием.

Однако Россия долгие годы существовала как патримональное государство, власть в котором принадлежит одному лицу, в определенной степени зависящему от отношения своих подданных и нуждающемуся в их поддержке. Идеалом такого общества является «добрый царь», «отец народа», усилиями которого создается государство благосостояния. Патримональное государство не знает сословий. Все граждане, вне зависимости от рода деятельности, одинаково ничтожны перед лицом господина. Как следствие, они не имеют общих интересов и не в состоянии объединиться для достижения общей цели. Основной принцип патримональной справедливости

заключается в том, что каждый человек имеет право на произвол, ограниченный еще большим произволом со стороны властителя или обычаям. Этот принцип обеспечивает мирное сосуществование людей вплоть до того момента, когда исчезает внешнее принуждение. Соответственно, в таком обществе равенство понимается как равное ничтожество перед лицом господина. Оно сопровождается требованием одинаковых благ для тех, кто находится на одной ступени общественной иерархии. Подобная ситуация мешает людям четко осознать ценность равенства прав как такового.

Таким образом, общественная дискуссия, в рамках которой происходило осмысление дальнейших путей развития общества, дала начало целому ряду различных значений справедливости, которые образовали пять основных дихотомий: «формальное–неформальное», «предполагающее индивидуальную инициативу – изменение общественной структуры», «сущее–должное», «иерархия–равенство прав» и «распределение по заслугам – помощь». Однако экономические и политические изменения, произошедшие в России за последние сто лет, также оказали некоторое влияние на понимание этого слова.

Справедливость в современной России: основные значения

В начале XX в. в нашей стране произошло несколько революций, которые, в конце концов, привели к изменению политического и экономического устройства общества. Глобальные трансформации происходили под лозунгом восстановления социальной справедливости, наделяния властью представителей малоимущих классов, а затем распределения по труду и восстановления равенства прав. Эти изменения не могли не отразиться на системе коллективных представлений, на понимании справедливости.

Очередной этап серьезных политических изменений, начавшийся в середине 1980-х годов, сопровождался отказом от многих идеологически нагруженных слов, одним из которых стала справедливость. Однако в конце 1990-х оно обрело второе рождение. Социологические опросы показывают, что с 1998 г. справедливость вошла в число наиболее значимых ценностей, наряду с семьей, безопасностью, миром, порядком, трудом, деньгами и свободой, а ее восстановление стало одним из мотивов поведения людей, более важным, чем защита национального достоинства, религиозных и политических

взглядов (Зараева, 2008). Однако подобные исследования не дают ответа на вопрос о том, что именно **люди понимают под справедливостью и что они готовы защищать**.

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы заимствовали основные идеи психосемантического подхода, сторонники которого рассматривают сознание как систему значений – совокупность признаков, служащих для классификации, упорядочивания объектов, явлений, событий окружающей действительности. Таким образом, значение – обобщенная идеальная модель объекта в сознании человека, в которой фиксированы его существенные свойства, выделенные в совокупной общественной деятельности (Петренко, 1983, 2005).

В рамках психосемантического подхода предполагается, что индивидуальное сознание включает в себя два типа элементов. К первому типу относятся понятия, содержащие существенные, иерархически упорядоченные признаки объекта. Если общее представление о справедливости существует в виде понятия, оно должно включать в себя ряд общих, широко распространенных признаков. Например, по данным западноевропейских исследований, несправедливым признается взаимодействие, связанное с нарушением неприкосновенности жертвы человеком или людьми, совершающими свои действия намеренно и не имеющими оправдания собственному поведению (Mikula, 1993). Однако понятия составляют лишь незначительную часть значений индивидуального сознания.

Большинство из них представляют собой допонятийные формы, в которых различные элементы объединяются на основе чувственных и эмоциональных переживаний. В этом случае сведения о значении справедливости может дать изучение ассоциаций. Эта идея была реализована в проведенном нами трехэтапном исследовании.

В ходе **первого этапа** мы анализировали основные ассоциативные связи слова «справедливость» у молодых людей (Голынчик, Гулевич, 2003). В нем приняли участие 103 студента московских вузов.

Его участники заполняли анкету, в которой их просили назвать три слова, ассоциирующихся со справедливостью. Полученные результаты подверглись контент-анализу, в ходе которого подсчитывалась частота упоминания каждого варианта и происходила их группировка.

Сначала мы выделили наиболее распространенные ассоциации. К ним относились «честность» (упомянута 48% респондентов), «правда (истина)» (29,8%), «закон (уголовный кодекс)» (27,9%), «суд»

(17,3%), «равенство» (12,5%), «доброта» (11,5%), «равноправие» (8,7%) и «порядочность» (8,7%).

После этого все ассоциации, упоминавшиеся более одного раза, были разделены на группы, соответствующие описанным выше значениям справедливости (таблица 4).

Основную проблему составило разграничение «равенства» и «равноправия». Под «равенством» люди могут понимать как равенство прав, так и равенство результатов. В результате эти термины были помещены в одну группу, с оговоркой, что точное значение одного из них выяснить достаточно сложно.

В целом, результаты исследования показали, что респонденты искали критерии справедливости в моральных и правовых нормах и рассматривали ее как соответствие действительности, возможность доверять человеку, воздаяние по заслугам, хорошее отношение людям и соблюдение индивидуальных прав. Интересно, что большинство перечисленных значений так или иначе учитывают субъективный компонент взаимодействия, характеризуя отношения между людьми.

Таблица 4

Основные ассоциации на слово «справедливость»

Значение справедливости	Основные ассоциации
Соответствие моральным нормам	Благородство, порядочность, нравственность, совесть, уважение
Соответствие правовым нормам	Закон, уголовный кодекс, право, правосудие, суд
Соответствие действительности	Правда, истина
Возможность верить людям	Честность, искренность, доверие, прямота, принципиальность
Воздаяние по заслугам	Беспристрастность, непредвзятость, объективность
Хорошее отношение к людям	Дружба, любовь, помощь, доброта, верность, терпимость, понимание, гуманность
Равенство позиций	Равноправие, равенство

Однако необходимо отметить, что проведенное исследование обладает двумя основными ограничениями. Во-первых, в нем приняли участие люди моложе 22 лет. Во-вторых, в нем не рассматривалось, каким образом люди понимают несправедливость. Для устранения этих ограничений был проведен второй этап.

Во **втором этапе** исследования приняли участие 120 жителей Московской области старше 25 лет (Гулевич, Голынчик, 2004а). Отвечая на один из вопросов анкеты, люди предлагали ассоциации на слова «справедливость» и «несправедливость».

Результаты этого исследования соответствовали данным, полученным в ходе предыдущего этапа. Они показали, что основными ассоциациями со словами «справедливость» и «несправедливость» были термины, связанные с:

- соответствием моральным нормам (например, порядочность, честь, совесть, достоинство, благородство, нравственность, уважение/неуважение);
- следованием закону (например, закон, преступление, правосудие, суд, правоохранительные органы);
- соответствием действительности (например, правда, истина/ошибка);
- возможностью верить человеку (честность, искренность, неподкупность/ложь);
- соответствием заслугам (например, беспристрастность, объективность, непредвзятость/предвзятость, возмездие, наказание/безнаказанность);
- хорошим отношением к другим людям (например, гуманность, человечность, доброта, любовь, дружба, верность, терпимость, понимание, сочувствие, защита, кооперация/жестокость, ненависть, предательство, непонимание, безразличие, беззащитность, эгоизм);
- соблюдением индивидуальных прав (равенство, равноправие/неравенство);
- личными достижениями (например, ум/невежество, профессионализм, обеспеченность, положение в обществе/бедность). Это понимание справедливости не проявилось в ходе первого этапа.

В целом, полученные результаты демонстрируют, что «справедливость» можно рассматривать как антоним «несправедливости». Обнаруженные различия связаны, прежде всего, с большей эмоциональной нагрузкой второго полюса: люди чаще ассоциировали «несправедливость» с негативными эмоциями, чем «справедливость» – с позитивными.

Таким образом, первый и второй этапы исследования позволили составить целостное представление об основных значениях справедливости. Однако в данном случае группировка ассоциаций осуществлялась на основе предположений исследователей, а не мнения участников. Для устранения этого ограничения был проведен третий этап.

На **третьем этапе** исследования приняли участие 250 студентов московских университетов. Респонденты получали список из 25 слов, составленный по результатам предыдущих этапов. Используя 7-балльную шкалу, они должны были оценить, насколько каждое из них связано со справедливостью (от «совершенно не соответствует, имеет противоположное значение» до «полностью соответствует, имеет аналогичное значение»). Оценка «4» означало отсутствие связи. Слова, предположительно связанные с разными значениями справедливости, располагались вперемешку.

Для выявления основных значений справедливости был проведен факторный анализ ассоциативных связей. Его результаты позволили сделать несколько выводов.

Прежде всего, они дали возможность выделить *основные сферы*, где люди ищут критерии справедливости:

- Они показали, что люди по-прежнему связывают справедливость и соблюдение моральных норм. Так, фактор, названный нами «Следование моральным нормам», объединил благородство (0,637), нравственность (0,578), порядочность (0,570) и совесть (0,539). Кроме того, к нему тяготело слово «уважение» (0,453).

Включенность справедливости в моральное сознание россиян подтверждается результатами других исследований (Климова, Якушева, 2000) и определяет российскую специфику понимания справедливости. Для жителей России справедливость является гораздо более важной составляющей морального сознания, чем для граждан Западной Европы и Северной Америки (например: Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

Однако, несмотря на традиционный характер «моральной составляющей», стоит отметить и некоторые изменения, произошедшие в ней за последнее время. Сегодня исполнение моральных норм предполагает уважение к другим людям.

- Другим источником критериев справедливости для жителей России является правовая реальность. Об этом говорит су-

ществование фактора «Следование правовым нормам», объединившего правосудие (0,848), суд (0,795) и закон (0,774). Эти данные также соответствуют результатам отечественных исследований, согласно которым российские граждане относят справедливость к элементам правового сознания (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996; Николаева, 1993), рассматривают справедливость как равенство перед законом (Зараева, 2008).

Интересно, что в то же время они выражают негативное отношение к закону и людям, принимающим правовые решения, считают их несправедливыми (Митрошенков, 2004), противопоставляют закон и мораль (Гулевич, 2009б). Можно предположить, что в данном случае речь идет о расщеплении представлений о правовых институтах на «идеальное» и «реальное», зафиксированном в некоторых работах российских психологов (Емельянова, 2006): справедливость используется для характеристики идеального, а не реального закона и суда.

Таким образом, в обыденном сознании сохранилась оппозиция между неформально существующей и официально зафиксированной справедливостью, но исчезла другая, связанная со способом ее восстановления (личная нравственная инициатива, которую предполагала религиозная или изменение общества, заложенное в революционной справедливости). Критерий справедливости по-прежнему используется для оценки процессов, происходящих в экономической и политической сфере, однако это происходит благодаря существованию более узких значений этого слова. К их числу относятся:

- **«Воздаяние по заслугам».** В состав фактора, говорящего о наличии этого значения, вошли ассоциации объективность (0,683) и гуманность (0,543). Это поразительное сочетание, вероятно, стало результатом профессиональной специализации респондентов, работающих с людьми. Говоря о справедливости, они имели в виду, что при вынесении решения, затрагивающего судьбу человека, необходимо проявлять особое внимание к нему и его действиям. Существование понимания справедливости как воздаяния по заслугам было продемонстрировано и в других российских исследованиях (Зараева, 2008).
- **«Хорошее отношение к людям».** О существовании такого значения справедливости говорит наличие фактора, основу которого составили четыре ассоциации: любовь (0,780),

дружба (0,759), доброта (0,722), помощь (0,602). Кроме того, к нему тяготели еще три слова – терпимость, верность, понимание. Однако небольшие факторные нагрузки не позволили сделать однозначный вывод об их принадлежности.

В целом, можно говорить о том, что первое и второе значения справедливости, сформировавшись в XIX в., просуществовали на протяжении ста лет без каких-либо серьезных изменений. В то же время три оставшихся значения оформились в ходе социального дискурса, происходившего в XX в.

- **«Возможность верить человеку».** О существовании этого значения говорит фактор, в состав которого вошли три термина: честность (0,746), доверие (0,564), истина (0,527). Кроме того, к нему тяготела искренность, которая, тем не менее, не получила необходимой факторной нагрузки. Эти результаты соответствуют данным другого российского исследования, в котором было показано, что одним из основных значений справедливости для российских респондентов является «правда» (Зараева, 2008). Вероятно, это понимание возникло в результате небольшой трансформации первоначального значения справедливости как истины, появления в нем субъективного элемента. Отныне она рассматривается не просто как соответствие реальному положению дел, а как возможность доверять человеку, благодаря тому, что он ведет себя честно.
- **«Равенство позиций».** В пользу такого понимания справедливости говорит наличие фактора, в состав которого вошли равенство (0,699) и равноправие (0,848). Это любопытное объединение говорит о том, что распространенное в научной литературе противопоставление равенства возможностей и равенства результатов слабо представлено на уровне российского обыденного сознания. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, продемонстрировавших, что россияне понимают под равенством равенство прав, возможностей, равенство перед законом, а также, гораздо чаще, чем, например, американцы, равенство доходов (Зараева, 2008). Истоки такого взгляда на справедливость можно найти в работах анархистов XIX в.. Вероятно, жители России верят в то, что, обладая одинаковыми возможностями,

разные люди способны добиться одного и того же результата. Это означает, что идея равенства позиций играет в данном случае главенствующую роль. Стоит отметить, что, родившись в недрах правового понимания справедливости, это значение обрело самостоятельность, что, вероятно, связано с активным использованием этого термина в политической, а затем и деловой риторике.

- **«Личная активность».** Последнее значение справедливости предполагает самостоятельные действия человека по достижению результата, защите своих ценностей и интересов. Оно отражено в факторе, объединившем принципиальность (0,710) и прямоту (0,640). Это новое понимание справедливости, которое, вероятно, начало формироваться в советское время и оказалось созвучно индивидуалистическим ценностям, получающим все большее распространение в нашей стране.

Сформировавшись на уровне значений, обыденное понимание справедливости репрезентируется в ряде социальных норм. Это происходит потому, что значения носят общий характер, т. е. не предполагают определенных поступков и поэтому не могут регулировать взаимодействие. В то же время нормы описывают поведение, которое можно назвать справедливым или несправедливым.

Значения и нормы справедливости: модель шести компонентов

В общем виде под социальными нормами понимаются требования, которые группа или общество в целом предъявляют к отдельным представителям. Они вырабатываются в ходе социального дискурса. Как следствие, итоговый вариант социальных норм определяется как отношениями, существующими в рамках общества, так и процессами, происходящими внутри каждой группы.

Идея о зависимости социальных норм от процессов, происходящих на уровне общества, впервые прозвучала в советской психологии (Бобнева, 1978; Психологические проблемы..., 1976). Сторонники этой позиции полагали, что социальные нормы объективны в том смысле, что являются отражением определенной экономической и политической реальности, отношений «власти-подчинения», сложившихся между разными группами.

По их мнению, являясь необходимой составляющей общественной жизни, социальные нормы выполняют целый ряд функций, в том числе контролируют поведение людей и тем самым обеспечивают функционирование общественных институтов; поддерживают стабильность социальной системы; упорядочивают отношения между различными социальными группами; способствуют накоплению, сохранению и передаче социального опыта. Таким образом, с помощью социальных норм воспроизводится определенный тип общения, осуществляется включение человека в жизнь группы и общества в целом.

Чтобы ориентироваться в многообразии норм, человек осуществляет их классификацию. Этот эффект ярко проявляется на примере принципов справедливости. В соответствии с распространенным в настоящее время подходом, описанным в первой главе, нормы справедливости подразделяются на четыре компонента, связанных с различными этапами взаимодействия. Информационная справедливость играет наибольшую роль в процессе разъяснения правил общения, процедурная и межличностная – в ходе оценки информации об участниках и принятии решения, дистрибутивная – при окончательном распределении вознаграждения и наказания.

Однако при такой классификации игнорируется содержание отдельных норм. Это, прежде всего, касается процедурного и дистрибутивного компонентов, которые включают в себя разные принципы. В состав дистрибутивной справедливости входят как дифференцирующие, т. е. учитывающие вклад человека во взаимодействие, так и недифференцирующие нормы. В то же время процедурная справедливость включает в себя требования, связанные с полнотой и точностью информации об участниках, возможностью повлиять на решение (контроль за результатом и процессом, коррекция), равенством прав (однообразие, нейтрализация предубеждений) и соответствием взаимодействия этическим нормам (этичность). Таким образом, объединение норм дистрибутивной и процедурной справедливости вызывает некоторые сомнения.

Логичнее предположить, что существует не четыре, а шесть различных компонентов: информационная справедливость, справедливость как возможность контроля, справедливость как равенство прав и межличностная справедливость касаются процесса взаимодействия; дифференцирующие и недифференцирующие нормы дистрибутивной справедливости затрагивают результат.

Существование такой классификации было продемонстрировано в двухэтапном исследовании, в котором приняли участие сотрудники различных российских организаций, оценивающих справедливость принятия решений, затрагивающих их интересы.

На **первом этапе** приняли участие 104 сотрудника российских консалтинговых фирм в возрасте от 22 до 42 лет.

При проведении исследования была использована переведенная на русский язык и модифицированная *методика Дж. Колкитта*, предназначенная для оценки справедливости организационных решений. Первый вариант этой методики состоял из 23 утверждений, образующих четыре классических компонента справедливости: дифференцирующий дистрибутивный, процедурный, информационный и межличностный. Сотрудники оценивали процедуру аттестации, отмечая степень своего согласия с каждым из них по 5-балльной шкале: от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен». Например, «Процедура позволила собрать полную и точную информацию об уровне ваших знаний и умений», «Он/она (человек, который проводил процедуру) был вежлив с вами» и т. д. (Безменова, Гулевич, Спиридонов, 2009; Гулевич, 2009).

Первичная обработка результатов была проведена с помощью факторного анализа. Впоследствии для каждого фактора был вычислен коэффициент α Кронбаха, применяющийся для измерения согласованности шкалы.

Результаты факторного анализа продемонстрировали, что утверждения, сформулированные в ходе данного исследования, образовали пять основных факторов.

Первый фактор – «Межличностная справедливость» – подразумевал уважение и вежливость в отношении к сотрудникам. В него вошли нормы уважения (факторные нагрузки 0,853 и 0,702 для разных утверждений), вежливости (0,768 и 0,754) и этичности (0,779).

Второй фактор – «Дифференцирующая дистрибутивная справедливость» был связан с оценкой полученного результата и включал в себя нормы беспристрастности (0,776), распределения по усилиям (0,653), способностям (0,827), а также точности и полноты информации (0,694).

Третий фактор – «Информационная справедливость» – касался того, насколько хорошо сотрудников проинформировали о правилах аттестации, и включал в себя нормы полноты (0,824), понятности (0,824), своевременности (0,616) и честности (0,629) объяснений.

В состав двух последних факторов входили нормы процедурной справедливости, связанные с наличием контроля (коррекция – 0,888, контроль за процессом – 0,633 – и результатом – 0,562) и равенством прав (нейтрализация предубеждений – 0,775 – и однообразие – 0,711). Оставшиеся четыре утверждения не вошли ни в один фактор.

Дальнейший анализ с помощью α Кронбаха продемонстрировал однородность выделенных компонентов справедливости: «Дистрибутивная справедливость как распределение по заслугам и способностям» ($\alpha = 0,87$), «Процедурная справедливость как наличие контроля» ($\alpha = 0,73$), «Процедурная справедливость как равенство прав» ($\alpha = 0,70$), «Межличностная справедливость» ($\alpha = 0,85$), «Информационная справедливость» ($\alpha = 0,87$).

Таким образом, эти результаты во многом соответствовали тем, которые были получены в зарубежных исследованиях (см. главу 1). Однако они обладали некоторой спецификой.

Во-первых, процедурная справедливость была представлена не одним, а двумя измерениями – контролируемостью и равенством прав. Несмотря на логичность этого разделения, в зарубежных исследованиях эти утверждения объединяются в один компонент.

Возможно, что разделение стало возможным благодаря второй особенности полученных результатов – включению двух утверждений, отражающих нормы процедурной справедливости, в факторы «Межличностная справедливость» (этичность) и «Дистрибутивная справедливость» (точность и полнота информации).

И наконец, в-третьих, большой вклад в оценку дистрибутивной справедливости, наряду с беспристрастностью и распределением по усилиям, внесла норма распределения по способностям.

Однако необходимо отметить, что первый вариант методики Дж. Колкитта, которую мы использовали в данном исследовании, потребовал дальнейшей доработки, а также сопоставления его показателей с общей оценкой справедливости взаимодействия. Поэтому был проведен второй этап исследования.

На **втором этапе** приняли участие 287 человек (133 мужчины и 154 женщины). Из них: 95 – студенты гуманитарных специальностей РГГУ, которые оценивали процедуру сложного экзамена, сданного в последнюю сессию; 149 – сотрудники нескольких производственно-торговых и IT организаций г. Москвы, оценивавшие процедуру своего приема на работу в данную организацию; 43 – учителя одной из средних школ г. Москвы, оценивавших процедуру своей послед-

ней аттестации (Гулевич, Спиридонов, Безменова, 2009; Спиридонов, Гулевич, Безменова, 2010).

Второй вариант *методики* Дж. Колкитта несколько отличался от первого. Утверждения, которые «не сработали» в ходе предыдущего этапа, были исключены или переформулированы. Кроме того, было проведено четкое разделение между нормами, касающимися справедливости результата и процесса общения. И наконец, респондентов просили дать общую оценку справедливости организационного взаимодействия. Учитывая характер опросника, процедура проведения опросов была организована таким образом, что гарантировала респондентам полную анонимность.

Анализ *результатов* проводился по нескольким направлениям. Для анализа содержания компонентов справедливости был проведен факторный анализ. Необходимо отметить высокое значение критерия КМО (0,896) и высокую статистическую значимость теста сферичности Бартлетта ($\alpha < 0,0001$), что свидетельствует о его применимости к собранным данным.

Результаты факторного анализа продемонстрировали, что пункты опросника образуют четыре основных фактора (таблица 5).

Первый фактор – «Информационная справедливость» – касался того, насколько хорошо участников взаимодействия проинформировали о структуре оцениваемой процедуры, и включал в себя нормы полноты, понятности, своевременности, честности объяснений и внимания к индивидуальным потребностям (утверждения № 16–20).

Второй фактор – «Межличностная справедливость» – затрагивал отношение к участникам и включал в себя нормы уважения, вежливости и этичности (утверждения № 7, 12–15).

Третий фактор – «Дифференцирующая дистрибутивная справедливость» был связан с оценкой полученного результата и включал в себя нормы беспристрастности, распределения по усилиям и способностям, а также точности и полноты информации (утверждения № 5, 8–11).

Последний, четвертый фактор, включал в себя три нормы процедурной справедливости, определяющие степень контроля сотрудника за происходящим, поэтому он был назван «Процедурная справедливость как возможность контроля» (утверждения № 1–2, 6).

Дальнейший анализ с помощью α Кронбаха продемонстрировал однородность выделенных компонентов: «Информационная справедливость» ($\alpha = 0,904$); «Межличностная справедливость» ($\alpha = 0,91$);

Таблица 5
Результаты факторного анализа
второго варианта методики Дж. Колкитта

Утверждение	Информационная	Межличностная	Дистрибутивная	Процедурная
1. В ходе этой процедуры вы могли выразить свое отношение к ней	0,078	0,079	0,113	0,828
2. Вы могли повлиять на результат, полученный в ходе этой процедуры	-0129	0,128	-0039	0,795
5. Процедура позволила собрать полную и точную информацию об уровне ваших знаний и умений	0,400	0,131	0,598	-0074
6. Вы могли обжаловать результат, полученный в ходе этой процедуры	0,291	-0105	0,160	0,683
7. Процедура соответствовала этическим и моральным нормам	0,300	0,599	0,284	-0161
8. Ваши результаты соответствует усилиям, которые Вы приложили в ходе аттестации	0,112	0,238	0,814	0,146
9. Ваши результаты соответствуют работе, которую Вы проделали в ходе аттестации	0,177	0,193	0,786	0,168
10. Ваши результаты соответствуют вашим способностям	0,128	0,099	0,847	-0036
11. Ваши результаты соответствуют вашим знаниям и умениям	0,168	0,166	0,833	0,013
12. Он/она был(а) вежлив(а) с вами	0,222	0,853	0,175	0,021
13. Он/она позволил(а) вам сохранить чувство собственного достоинства	0,248	0,826	0,232	0,081
14. Он/она общался/ась с вами уважительно	0,269	0,865	0,150	0,062
15. Он/она воздержался/ась от обидных замечаний в ваш адрес	0,281	0,820	0,109	0,078
16. Он/она описал(а) вам процедуру тщательным образом	0,834	0,150	0,093	0,079
17. Его/ее объяснения по поводу процедуры были понятными	0,767	0,333	0,196	0,001
18. Он/она своевременно объяснил(а) вам необходимые детали	0,814	0,232	0,142	0,110
19. Выбирая способ объяснения, он/она учел/ла ваши индивидуальные особенности	0,643	0,233	0,358	0,055
20. Он/она следовал(а) процедуре, которую вам описали	0,791	0,295	0,191	-0074

«Дифференцирующая дистрибутивная справедливость» ($\alpha = 0,878$), «Процедурная справедливость как возможность контроля» ($\alpha = 0,723$). Таким образом, в соответствии с принятыми критериями оценки, внутренняя согласованность двух первых шкал отличная, третьей – хорошая и четвертой – приемлемая.

В то же время утверждения, соответствующие нормам однообразия («Процедура для вас и ваших коллег была одинаковой») и нейтрализации предубеждений («В ходе процедуры к вам относились без предубеждения»), которые ранее образовали фактор «Процедурная справедливость как равенство прав», не вошли ни в один из компонентов, хотя и оказались тесно связанными между собой.

Для определения связи между общей оценкой справедливости взаимодействия и отдельными компонентами был проведен линейный регрессионный анализ. Он показал, что четыре выделенных фактора объясняют 57,8% различий в общей оценке. Наибольший вклад вносит дифференцирующая дистрибутивная справедливость ($\beta = 0,473$, $t = 9,21$, $p \leq 0,001$); средний – информационная ($\beta = 0,203$, $t = 3,436$, $p \leq 0,001$) и межличностная ($\beta = 0,190$, $t = 3,272$, $p \leq 0,001$), а наименьший – процедурная справедливость как возможность контроля ($\beta = 0,115$, $t = 2,68$, $p \leq 0,01$). В то же время процедурная справедливость как равенство прав не предсказывает общую оценку справедливости.

В определенной степени эти результаты соответствуют данным зарубежных исследований, которые показывают, что оценка справедливости руководителя складывается из трех компонентов: степени, в которой он дает сотрудникам возможность сохранить свою репутацию, его нейтральности и доверия к нему (Drew, Bishop, Syme, 2002; Tyler, 1994).

Однако по нашим данным, эти компоненты вносят разный вклад в общую оценку. Наибольшее значение люди придают справедливости результата. Таким образом, для российских граждан справедливость ассоциируется, прежде всего, с распределением ресурсов и лишь затем – с процессом взаимодействия. Такое понимание справедливости ведет за собой презрение к «нелепым процедурным формальностям». В правовой сфере его следствием является игнорирование допустимости доказательств, в учебной – процесса проведения экзаменов, в политической – выборов и т. д. Это становится особенно опасным, когда единственным критерием качества

полученного результата является соблюдение заранее оговоренной процедуры.

Оценивая процесс вынесения решения, российские респонденты уделяют внимание, в первую очередь, уважению к людям и информированию об условиях взаимодействия. В то же время они придают меньшее значение наличию контроля.

Также стоит отметить, что в ходе второго этапа исследований из факторной структуры справедливости «выпало» равенство прав. Возможно, это связано со спецификой исследуемых организаций. В частности, можно предположить, что равенство прав ценит определенная категория людей – сотрудники организаций, построенных по «западному» типу – с «прозрачной» процедурой аттестации, четкой связью между качеством работы и уровнем дохода. Именно в них культивируется важность равенства позиций и, как следствие, оно выступает отдельным параметром в оценке справедливости.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают наше предположение о том, что классификация компонентов справедливости происходит по содержательному признаку. Тот факт, что в западных исследованиях процедурная справедливость рассматривается как единое образование, может быть связан с одинаковой значимостью для жителей англоязычных стран как возможности контроля, так и равенства прав, а также с иным пониманием этичности.

Поскольку данное исследование проводилось в организационном контексте, в нем не были использованы «недифференцирующие» нормы справедливости. Тот факт, что в обыденном сознании они существуют отдельно от дифференцирующих норм, будет продемонстрирован в следующих параграфах.

Описанные выше компоненты справедливости соответствуют различным значениям этого слова (рисунок 21).

- «Справедливость как воздаяние по заслугам» репрезентируется в дифференцирующих нормах дистрибутивной справедливости, учитывающих вклад человека в общую деятельность, его усилия и способности.
- «Хорошее отношение к людям» воплощается в недифференцирующих нормах справедливости, подразумевающих распределение по потребностям, позитивности и равенство результатов.

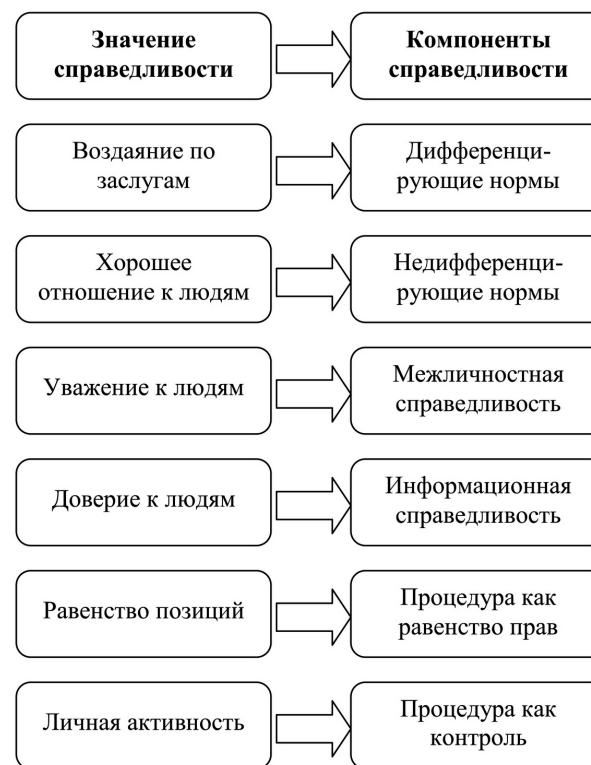

Рис. 21. Связь между значениями и компонентами справедливости

- Справедливость как «уважение к людям», возникшее в рамках «морального» понимания этого термина, связано с нормами межличностной справедливости.
- «Возможность доверия», предполагающая честность человека, его способность говорить правду, репрезентируется в нормах информационной справедливости.
- Справедливость как «равенство позиций» тесно связана с нормами однообразия и нейтрализации предубеждений, т. е. с процедурной справедливостью как равенством прав. Возникнув в рамках правового понимания справедливости, это значение обрело самостоятельность и стало использоваться для оценки взаимодействия в разных сферах.

- И наконец, справедливость как «личная активность» воплощается в нормах процедурной справедливости как возможности контроля.

Наличие нескольких пониманий справедливости ставит вопрос об их взаимоотношениях между собой. Анализ их содержания показывает, что некоторые значения / компоненты могут вступать в противоречие друг с другом.

К их числу относятся, прежде всего, «воздаяние по заслугам» и «хорошее отношение к людям». Оценка заслуг человека зачастую предполагает невнимание к его потребностям, а интерес к нуждам – игнорирование вклада в деятельность. Тем не менее это противоречие носит ситуационный характер. Вполне вероятно взаимодействие, при котором человек, обладающий наибольшими потребностями, выполняет значительную часть работы (см. главу 1).

То же самое можно сказать и о двух других пониманиях справедливости – «равенстве позиций» и «возможности контроля». С одной стороны, по мнению североамериканских и западноевропейских авторов, люди способны ценить власть над ситуацией, одновременно признавая важность соблюдения прав всех участников взаимодействия. Вероятно, именно это убеждение дало им возможность объединить соответствующие нормы в рамках одного компонента справедливости. С другой стороны, некоторые российские авторы полагают, что в нашей стране обладание властью рассматривается как возможность защиты личных интересов, даже если это наносит ущерб другим людям (Кашников, 2004). Вследствие этого, соблюдение равенства прав может вступать в противоречие с наличием контроля за происходящим. В пользу этого предположения говорят результаты второго этапа исследования, описанного в этом параграфе. В ходе него представители некоторых организаций противопоставляли процедурную справедливость как равенство прав и как возможность контроля.

Однажды возникнув, разные значения справедливости и соответствующие им нормы постепенно трансформируются. В ходе этого процесса одни из них приобретают эксплицитную, т. е. хорошо осознаваемую, а другие – имплицитную, т. е. плохо осознаваемую форму. Какие современные понимания справедливости носят эксплицитный, а какие – имплицитный характер?

Явные и скрытые понимания справедливости

Теоретические предпосылки разделения эксплицитных и имплицитных значений

Идея о том, что человек не всегда хорошо осознает свое психологическое состояние, обрела популярность благодаря появлению психоанализа. Сторонники этого направления полагали, что многие поступки являются результатом воздействия бессознательных представлений и мотивации, которые человек не в состоянии понять без помощи психолога.

Постепенно эта идея укоренилась в социальной психологии. Однако, столкнувшись с рационализмом психологов 1970-х годов, она претерпела значительные изменения и была реализована в отношении социальных установок. Ее сторонники полагали, что все аттитюды можно расположить на континууме от полностью эксплицитных (явных) до полностью имплицитных (скрытых). По их мнению, человек может обладать несколькими аттитюдами по отношению к одному и тому же объекту или явлению. Один из них будет эксплицитным, а другой – имплицитным (Rudman, Phelan, Herpen, 2007; Rydell et al., 2007; Rydell, McConnell, 2006; Wilson, Lindsey, Schooler, 2000).

Эксплицитные аттитюды хорошо осознаются человеком. Как следствие, они поддаются сознательному контролю и относительно легко изменяются под воздействием новой информации. Имплицитные аттитюды осознаются достаточно плохо. В обычных условиях человек не думает об их содержании, а иногда даже отрицает их наличие. Поэтому они слабо поддаются сознательному контролю и устойчивы к воздействию извне (таблица 6).

Достаточно часто имплицитную форму принимают эксплицитные аттитюды, которые были признаны социально нежелательными или необоснованными. Если они занимали достаточно важное место в когнитивной системе человека, после замены они не пропали, а перешли в скрытую форму.

Актуализация эксплицитных и имплицитных аттитюдов происходит различным образом (Gawronski, Bodenhausen, 2006, 2007). Явные установки активизируются в результате пропозиционального процесса, который подразумевает оценку человеком правильности своих аттитюдов. Он требует значительных когнитивных усилий.

Таблица 6

Различие между эксплицитными и имплицитными аттитюдами

Критерии различия	Эксплицитные аттитюды	Имплицитные аттитюды
Степень осознания	высокая	низкая
Возможность контроля	высокая	низкая
Устойчивость к внешнему воздействию	низкая	высокая
Способ актуализации	пропозициональный	ассоциативный
Влияние на поведение	на хорошо контролируемое	на плохо контролируемое
Способ измерения	опросные методики	косвенные измерения

В ходе него человек использует лишь те социальные установки, которые считает точными. Итоговый аттитюд определяется другими социальными установками, которые есть у человека. Это означает, что пропозициональный процесс находится под контролем сознания.

В то же время скрытые установки актуализируются в ходе ассоциативного процесса. В этом случае человек вспоминает о своих аттитюдах, сталкиваясь с определенными стимулами, которые ассоциативно связаны с ними. Разные стимулы актуализируют разные социальные установки, в результате чего один и тот же объект получает разную оценку и вызывает разную эмоциональную реакцию. Например, люди оценивают этническую группу в зависимости от того, о каком представителе им напомнили до этого. Если в пример привели преступника, они дают более негативную оценку, чем при упоминании об известном общественном деятеле. Ассоциативный процесс слабо поддается сознательному контролю. В присутствии стимулов аттитюды актуализируются вне зависимости от того, насколько носитель уверен в их правильности. Это происходит спонтанно, т. е. не требует когнитивных усилий. Таким образом, содержание аттитюда зависит от ассоциаций и ситуации.

Пропозициональный и ассоциативный процессы приводят к разным результатам. Актуализирующиеся без значительных усилий имплицитные аттитюды оказывают влияние на оценки и поведение, плохо поддающееся сознательному контролю, а эксплицитные установки – на хорошо контролируемое.

Из-за различий в осознанности для измерения эксплицитных и имплицитных аттитюдов применяют разные процедуры.

Эксплицитные аттитюды измеряются с помощью опросников, содержащих открытые и закрытые вопросы, шкалы Лайкерта и Терстоуна, семантический дифференциал и др. Как правило, подобные методики не защищены от социальной желательности, но даже при ее отсутствии позволяют собрать информацию лишь о хорошо осознаваемых представлениях, эмоциях, оценках и намерениях.

Имплицитные аттитюды измеряются с помощью косвенных методик, в которых суждение об их наличии и содержании выносится на основе времени реакции на различные слова (методики аффективного и лексического прайминга, тест имплицитных ассоциаций, цветовая методика Саймона, опознание и произнесение слов), точности припоминания информации об объектах, их свободного описания и т. д. (Гулевич, 2008д).

Явные и скрытые значения справедливости

В последнее время идея плохо осознаваемых психологических образований приобретает всю большую популярность. Помимо аттитюдов, она стала применяться при анализе мотивации и Я-концепции. Аналогично эта идея может быть использована при изучении справедливости. В пользу этого говорит тот факт, что, узнавая о взаимодействии, люди выносят суждения о его справедливости автоматически (Ham, van den Bos, 2011). Таким образом, они могут задействовать те или иные значения и компоненты справедливости, не всегда осознавая это.

Какие значения и компоненты справедливости носят эксплицитный характер, а какие существуют в имплицитной форме? Рассмотрим этот вопрос на примере двух исследований, описанных в предыдущих параграфах.

Сравнение полученных результатов позволяет предположить, что два основных понимания справедливости представлены как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне (Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, Голынчик, 2004а; Гулевич, Спиридонов, Безменова, 2009; Спиридонов, Гулевич, Безменова, 2010). К ним относятся:

- Воздаяние по заслугам и соответствующие ему нормы дифференцирующей дистрибутивной справедливости. С одной стороны, оценивая связь между терминами, соответствующими этому значению (объективность, гуманность), ре-

спонденты подчеркивали их соответствие справедливости ($M_{\text{объективность}} = 6,26$, $M_{\text{гуманность}} = 4,76$) (эксплицитный уровень). С другой, соответствующие этому пониманию нормы хорошо предсказывали общую оценку справедливости процедур аттестации и приема на работу ($\beta = 0,473$, $p \leq 0,001$) (имплицитный уровень).

- Возможность верить людям и нормы информационной справедливости. С одной стороны, участники исследования рассматривали соответствующие слова как синоним справедливости ($M_{\text{честность}} = 5,73$, $M_{\text{доверие}} = 4,41$, $M_{\text{истина}} = 5,84$), а с другой – информационная справедливость предсказывала оценку процедур аттестации и приема на работу ($\beta = 0,203$, $p \leq 0,001$).

Третье понимание справедливости – равенство позиций – и соответствующие ему нормы процедурной справедливости как равенства прав является преимущественно эксплицитным образованием. Слова «равноправие» ($M = 5,58$) и «равенство» ($M = 5,3$) рассматриваются людьми в качестве синонимов справедливости (эксплицитный уровень). Однако нормы, соответствующие этому пониманию, не предсказывают общую оценку справедливости организационного взаимодействия (имплицитный уровень).

В то же время три оставшихся значения существуют скорее в имплицитной форме.

- Уважение и связанные с ним нормы межличностной справедливости. Респонденты слабо ассоциируют справедливость с уважением ($M_{\text{уважение}} = 4,56$), в то же время нормы предсказывают общую оценку организационных процедур ($\beta = 0,190$, $p \leq 0,001$).
- Справедливость как хорошее отношение к людям и недифференцированные нормы дистрибутивной справедливости. Согласно результатам нашего исследования, оно слабо представлено на эксплицитном уровне: большинство респондентов рассматривают дружбу ($M = 3,9$), доброту ($M = 3,99$), любовь ($M = 3,62$) и помощь ($M = 4,32$) как слабо связанные со справедливостью или как синоним несправедливости. В то же время ее влияние хорошо заметно при использовании косвенных измерений, речь о которых пойдет в следующих главах.

- Личная активность и процедурная справедливость как возможность контроля. Люди отрицают явную связь между ним и справедливостью ($M_{\text{прямота}} = 4,51$, $M_{\text{принципальность}} = 4,04$), однако возможность контроля является одним из предикторов оценки организационного взаимодействия ($\beta = 0,115$, $p \leq 0,01$).

Такое представление о явных и скрытых пониманиях справедливости позволяет иначе взглянуть на проблему противоречия разных значений и норм. Так, в парах «воздаяние по заслугам» – «хорошее отношение к людям» и «равенство позиций» – «личная активность» первый элемент доминирует на эксплицитном уровне, а второй – на имплицитном.

При каких условиях актуализируются явные и скрытые образования? Актуализация эксплицитных значений и норм, как правило, требует когнитивных усилий. Поэтому они используются, когда человек готов провести серьезный анализ информации. В то же время имплицитные образования хорошо доступны и спонтанно актуализируются под действием определенных стимулов. Следовательно, они учитываются, когда такой анализ невозможен.

Исследования, проведенные в области психологии коммуникации и межгрупповых отношений, позволяют выделить несколько условий, при которых человек проводит тщательный анализ информации. К ним относятся наличие сильной мотивации вынести точное суждение, отсутствие эмоционального возбуждения или слабые негативные эмоции, способность к анализу (высокий уровень интеллекта, специальных знаний, когнитивных ресурсов) и умеренно высокая самооценка (Гулевич, 2006б, 2008г, д). В этих условиях люди, скорее всего, будут использовать эксплицитные значения и нормы справедливости. В остальных случаях они будут ориентироваться на имплицитные образования.

Стоит отметить, что сравнение явных и скрытых пониманий справедливости, проведенное в этом параграфе, обладает некоторыми ограничениями. Во-первых, мы сопоставляли значения справедливости вообще (эксплицитный уровень) с их ролью в организационном взаимодействии (имплицитный уровень). Во-вторых, оно затрагивало, с одной стороны, значения справедливости (эксплицитный уровень), а, с другой, конкретные нормы (имплицитный уровень). Для устранения этих ограничений мы будем возвращаться

Глава 5

Выбор норм справедливости: от особенностей общества к характеристикам ситуации

к проблеме явных и скрытых пониманий справедливости при описании других исследований.

В то же время это означает, что основные понимания справедливости, распространенные в нашей стране, нуждаются в дополнительном изучении. В целом, можно выделить несколько основных **направлений будущих исследований.**

Во-первых, большего внимания заслуживают основные понимания справедливости. Для их измерения требуется создание специальной методики, позволяющей проанализировать соотношение между разными значениями этого слова.

Во-вторых, более тщательного изучения требует анализ имплицитных пониманий справедливости с использованием косвенных методик, предназначенных для измерения когнитивных образований.

И наконец, в-третьих, определенный интерес вызывает соотношение между пониманием «справедливости для себя» и «для других людей». Насколько похожи критерии, которые люди используют при оценке своего поведения или действий, совершенных по отношению к ним, с одной стороны, и взаимодействия, за которым они ведут наблюдение, с другой? Изучение этих вопросов позволит сделать более точное описание российского понимания справедливости.

Развиваясь в рамках определенного общества, человек получает информацию о разных пониманиях справедливости. Тем не менее, вступая в конкретное взаимодействие, он использует одни, игнорируя другие.

Идея избирательного принятия коллективных представлений и социальных норм неоднократно привлекала к себе внимание психологов. В частности, на нее опираются авторы моделей намеренного поведения, утверждающие, что поступки человека зависят от его намерений, которые, в свою очередь, формируются под действием его аттитюдов и субъективных (личных) норм – представлений о существующих социальных нормах и желания следовать им (Гулевич, 2008).

Аналогичная идея высказывалась представителями советской школы, которые разделяли собственно социальные и личные нормы (Бобнева, 1978). По их мнению, социальные нормы, существующие на уровне общества или группы, оказывают влияние на его представителей только в случае их интернализации, включения в систему психологических образований личности, прежде всего, аттитюдов к различным социальным объектам и проблемам, мотивов, Я-концепции. В ходе индивидуального усвоения происходит трансформация содержания отдельных норм, изменение их значимости.

Переформулировав эту идею применительно к пониманиям справедливости, можно сказать, что на пути выбора значений и компонентов находятся четыре «фильтра»: социетальный, групповой, личностный и ситуационный.

Влияние социетального и группового «фильтра» связано с представлениями и нормами, определяющими социальную желатель-

ность разных пониманий справедливости. В то же время воздействие личностного и ситуационного барьеров осуществляется, благодаря выбору определенной цели взаимодействия и оценки возможности ее достижения.

Эти «фильтры» соответствуют традиционным для психологии уровням анализа психических феноменов – культуре, группе, личности, ситуации и различаются по объему. Наиболее широким «фильтром» является социетальный: он задает понимание справедливости для тысяч людей, живущих в разных местах, обладающих разными социодемографическими и психологическими особенностями, действующими в разнообразных ситуациях. В то же время наиболее узким является ситуационный «фильтр», определяющий выбор значений справедливости в ограниченном количестве ситуаций.

Четыре описанных «фильтра» оказывают влияние на выбор как явных, так и скрытых значений справедливости, увеличивая или уменьшая их важность. Более подробно содержание этих барьеров рассматривается в следующих параграфах.

Социетальный «фильтр»: межкультурные различия в понимании справедливости

Социетальный «фильтр» образуют представления и нормы, существующие на уровне культуры в целом. В гомогенных странах этот «фильтр» задает спектр пониманий справедливости для всех живущих в ней граждан, а в гетерогенных – для представителей определенной культурной группы. Однако чаще всего действие социетального «фильтра» не ограничивается одним государством, а затрагивает носителей культуры по всему миру. Конечно, в гетерогенных сообществах воздействие этого «фильтра» становится более сложным, благодаря взаимодействию разных представлений и норм, однако в относительно гомогенных образованиях его влияние проявляется достаточно ярко.

Социетальный «фильтр» определяет социальную желательность тех или иных пониманий справедливости, их «правильность» с точки зрения существующих в рамках культуры представлений и норм. Впервые идея о роли культуры при выборе пониманий справедливости прозвучала в теории ценности группы (см. главу 2), сторонники которой обратили внимание на существование принципов, специфичных для отдельных сообществ. В последнее время эта мысль все

чаще появляется в работах по социальной философии. По мнению целого ряда ее представителей, справедливость не поддается всеобщему, внеисторическому определению, поскольку зависит от формы организации общества и культурного контекста (Мартьянов, 2006; Прокофьев, 2003).

Психологические исследования, посвященные межкультурным различиям в понимании справедливости, начались в 1990-х годах. Они показали, что члены одной культуры разделяют общее представление о ней, которое отличает их от представителей других сообществ. Подобные различия наблюдаются не только на уровне обыденного сознания, но и в научном дискурсе. В частности, несмотря на значительные теоретические разногласия, американский необихевиорист Адамс и когнитивист Лернер берут за основу одно и то же значение дистрибутивной справедливости – воздаяние по заслугам. Альтернативное понимание этого термина предлагают психологи, родившиеся или тесно связанные с представителями азиатских стран.

Проведенные к настоящему времени эмпирические исследования позволили выделить два основных направления межкультурных различий в этой области.

Во-первых, они показали, что *представители разных культур уделяют разное внимание процессу и результату взаимодействия*. К числу стран, жители которых придают большое значение справедливости распределения вознаграждения, относятся Россия и США. В частности, перечисляя поступки, которые считаются несправедливыми, россияне описывают неадекватное распределение благ и наказаний (отсутствие заслуженного вознаграждения, незаслуженное наказание и безнаказанность), отсутствие баланса при распределении вознаграждения (невозмещение нанесенного ущерба, отсутствие изменений в принятом решении) и не оказание помощи тем людям, которые нуждаются в ней (Голынчик, 2004). Аналогично жители США выделяют отсутствие связи между работой и вознаграждением (отсутствие заслуженного вознаграждения или наличие незаслуженного), а также между вознаграждением и совершенным поступком (вознаграждение или отсутствие наказания за социально-нежелательный поступок, незаслуженное наказание) (Finkel, 2000).

В то же время, в отличие от россиян, американцы придают некоторое значение равенству прав (Finkel, 2000). Например, они считают

несправедливым, когда по отношению к человеку действуют иным образом, чем к окружающим, хотя должны были действовать так же или действуют так же, хотя должны были действовать по-другому. Кроме того, они выделяют и другие недостатки, связанные с принятием решения.

Еще большее внимание справедливости процесса уделяют китайцы. Говоря о несправедливости, они приводят в пример акты взаимодействия, связанные с неправильной системой оценки человека, ее предубежденностью, насилием, безответственностью, ложью, невежливостью и невнимательностью по отношению к нему. Дистрибутивная справедливость представлена в сознании респондентов лишь неправильным распределением ресурсов (Chiu, 1991a).

Как ни парадоксально, но такого же мнения придерживаются жители некоторых западноевропейских стран. В качестве несправедливых поступков они выделяют нарушение ожиданий партнера (нарушение договора, неуважение чувств, потребностей и желаний окружающих, использование преимуществ партнера для собственного обогащения); недружелюбное или агрессивное поведение, а также нетерпимость к людям (предательство, ложь, распространение сплетен, насмешка над человеком, оскорбление); эгоистическое поведение в близких отношениях; необоснованное применение власти (нарушение или ограничение автономии человека и его независимости, наказание) и произвол его представителей (деспотичность, несправедливая проверка или оценка, игнорирование заслуг человека). Лишь две группы поступков – покушение на чужую собственность и неправильное распределение благ и наказаний – имеют непосредственное отношение к справедливости результата (Mikula, 1993; Mikula, Petri, Tanzer, 1990). В этом отношении жители Западной Европы ближе к представителям одной из наиболее коллективистских культур, чем американцы или россияне.

Во-вторых, культура оказывает большое влияние на предпочтение отдельных значений и компонентов дистрибутивной справедливости. В целом, представители иерархических, мускулиных и индивидуалистских культур чаще руководствуются пониманием справедливости как воздаяния по заслугам, а жители эгалитарных, феминных и коллективистских – как хорошего отношения к людям.

Эта тенденция проявляется уже на уровне значений. Так, молдаване, представители относительно индивидуалистской культуры,

чаще ассоциируют справедливость с ответственностью, принципиальностью и строгостью, а цыгане – представители коллективистской – с добротой (Воловикова, Соснина, 2001). Россияне придают гораздо большее значение пониманию справедливости как хорошего отношения к людям со стороны государства, чем американцы (Зараева, 2008).

Аналогичные различия наблюдаются при выборе норм. В частности, эмпирические исследования показывают, что представители иерархических (Fischer, Smith, 2003), мускулиных (Murphy-Berman, Berman, 1991, 2002) и индивидуалистских (Carson, Banuazzi, 2008; Clayton, Opatow, 2003; Liebig, 2001) культур чаще используют дифференцирующие нормы, ориентируются на заслуги, а не положение участников взаимодействия (Chiu, 1991g; Sabbagh, Golden, 2007). В то же время люди, развивающиеся в рамках эгалитарных, феминных и коллективистских культур чаще ориентируются на нормы распределения по потребностям и равенства, обращают большее внимание на статус участников¹. Например, при распределении вознаграждения российские студенты чаще принимают во внимание заслуги, усилия и способности участников, чем жители Мексики и Ямайки, которые, в свою очередь, предпочитают уравниательные принципы (Макдональд, 2011). Вероятно, это связано с относительной важностью личных достижений и включенности в группу.

Эта тенденция подтвердилась в нашем исследовании, проведенном с участием 627 жителей России старше 18 лет. Используя 5-балльную шкалу, респонденты оценивали справедливость применения четырех норм дистрибутивной справедливости при распределении между сотрудниками организации премий за выполненную работу и социальных льгот.

Результаты исследования показали, что в этих случаях люди отдают предпочтение нормам дифференцирующей дистрибутивной справедливости, прежде всего, беспристрастности по сравнению с недифференцирующими (распределением по стажу, потребностям, равенству). Эта тенденция ярко выражена у жителей России, при-

1 Аналогичные результаты были получены при изучении двух разных моральных ориентаций – на соблюдение справедливости (беспристрастности) и ответственность, оказание помощи. Первая ориентация сильнее выражена у представителей индивидуалистских культур, а вторая – коллективистских (Baek, 2002; Bersoff, Miller, 1993; Miller, Bersoff, 1992; Miller, Bersoff, 1998; Miller, Bersoff, Harwood, 1990).

числяющих себя к русскому этносу, по сравнению с теми, которые считают себя представителями различных народов Кавказа. Подобные различия хорошо заметны, когда речь идет о распределении денежных премий. В этом случае они затрагивают все указанные нормы: беспристрастность ($M_{\text{русские}} = 4,36 M_{\text{народы Кавказа}} = 4,12 p \leq 0,01$), распределение по усилиям ($M_{\text{русские}} = 3,22 M_{\text{народы Кавказа}} = 3,53 p \leq 0,01$), потребностям ($M_{\text{русские}} = 1,87 M_{\text{народы Кавказа}} = 2,33 p \leq 0,001$) и равенство ($M_{\text{русские}} = 2,71 M_{\text{народы Кавказа}} = 3,43 p \leq 0,001$).

Стоит отметить, что выявленные к настоящему времени межкультурные различия затрагивают, прежде всего, эксплицитные значения и нормы справедливости. Поэтому обнаруженная тенденция может быть описана следующим образом: представления и нормы, существующие в иерархических, мускулинных и индивидуалистских культурах увеличивают социальную желательность и, как следствие, степень осознания справедливости – воздаяния по заслугам, а в эгалитарных, феминных и коллективистских – как хорошего отношения к людям.

Вероятно, эти различия связаны с относительной важностью личных достижений и включенности в группу. Если дифференцирующие нормы позволяют человеку выделиться, заявить о собственной уникальности, то недифференцирующие подчеркивают его подобие одноклассникам и сохраняют целостность группы.

Таким образом, принадлежность к определенной культуре в рамках более крупного сообщества является своеобразным «фильтром»: ориентируясь на представления и нормы, которые из поколения в поколение передаются от одного представителя к другому, люди лучше усваивают и чаще используют социально желательные понимания справедливости.

В наиболее сложном положении находятся те, кто существует на стыке несколько культур, например, иммигранты из коллективистских стран, живущие в англоязычных индивидуалистских странах. Их выбор во многом зависит от избранной стратегии аккультурации. Те, кто выбрал стратегию сепарации, при оценке взаимодействия используют значения и компоненты справедливости родительской культуры. Ассимиляция предполагает усвоение новых значений и отказ от старых. В то же время стратегия интеграции требует от человека умения гибко использовать различные понимания справедливости, в зависимости от культурной принадлежности партнера.

Однако культура задает только общие предпочтения в области значений и норм справедливости. Дальнейшая конкретизация происходит в рамках референтных для человека социальных групп, к числу которых относятся как группы-категории, выделенные по признаку пола, возраста, социоэкономического статуса и профессиональной принадлежности, так и реальные группы, члены которых вступают в непосредственное общение друг с другом.

Групповой «фильтр»: роль референтных групп

Групповой «фильтр» связан с принадлежностью человека к различным группам, существующим внутри общества. Каждая из них обладает своими представлениями и нормами, соответствующими одному или нескольким пониманиям справедливости. Как следствие, попадая в нее, человек обращает большее внимание на соблюдение одних компонентов и меньше – других.

При определении социальной желательности разных пониманий справедливости важную роль в таких группах играют наиболее авторитетные лица – лидеры /руководители или эксперты, которых «новички» считают хранителями социальных норм. Рассмотрим процесс трансформации обыденного понимания справедливости на примере организаций и коллегии присяжных.

Связь организационной культуры с пониманием справедливости

Влияние организации связано с наличием в ней определенной культуры – совокупности представлений, норм, правил вынесения решения и поведения.

К настоящему времени создано несколько типологий организационных культур. Например, Ч. Хэнди различает четыре основных типа: культуру власти, роли, задачи и личности.

В организациях с культурой власти (органических культурах) контроль за деятельностью сотрудников осуществляет специально отобранная группа лиц. При решении проблем сотрудники ориентируются не на заранее определенную процедуру, а на степень влияния разных группировок внутри организации. В таких культурах ценятся индивидуальные усилия и полученный результат, но не принимаются во внимание способы его достижения.

Организации с культурой роли (бюрократические культуры) характеризуются наличием определенной функциональной структуры: ряда отделов, деятельность которых координируется представителями центрального аппарата на основе заранее определенных процедур. Наибольшим влиянием обладают люди, занимающие высокое положение в иерархии. В таких организациях ценится не проявление личной инициативы, а выполнение человеком обязанностей, соответствующих положению, которое он занимает в организации.

Организация с культурой задачи (партиципативная культура) ориентирована на реализацию конкретных проектов. Для каждого из них подбираются те сотрудники, способности и навыки которых соответствуют требованиям текущей задачи. Функция руководителя заключается в распределении проектов, исполнителей и ресурсов. Для таких культур характерна автономность человека в работе, достижение им определенного результата и одновременно умение соотносить свои цели с целями команды.

И наконец, в культурах личности (предпринимательских культурах) управление и контроль осуществляется только по обоюдному согласию: человек, стоящий во главе организации, делит свое влияние с сотрудниками. Залогом власти является экспертность человека в профессиональной сфере.

Содержание организационной культуры может соответствовать или противоречить отдельным компонентам справедливости. Начиная работать в организации, человек усваивает распространенные в ней представления и нормы, обесценивая несоответствующие им принципы справедливости. В противном случае он испытывает сложности при адаптации в группе и покидает ее.

В частности, описание организационных культур, данное Хэнди и Харрисом, позволяет предположить, что сотрудники организаций с культурой поддержки уделяют большее внимание межличностному компоненту, чем люди, работающие в организациях с культурой роли.

Это происходит, поскольку в культурах поддержки культивируется уважение к сотрудникам, подчеркивается значимость их индивидуальности. В то же время, в культуре роли сотрудник рассматривается с точки зрения исполнения своих должностных обязанностей, а отношение к нему определяется положением в иерархической структуре.

Поскольку усвоение организационной культуры требует времени, эти особенности проявляются постепенно. В частности, чем

больше стаж работы сотрудника в организации с культурой роли, тем меньшее значение он придает межличностной справедливости.

Для проверки этих предположений нами было проведено исследование, в котором приняли участие 119 сотрудников четырех российских организаций, среди них 109 мужчин и 10 женщин; возраст участников от 22 до 65 лет ($M = 34,17$); стаж работы в организациях колеблется от 1 месяца до 8 лет ($M = 2,73$).

В исследовании использовались три методики. Для изучения типа организационной культуры использовался адаптированный на русскоязычной выборке опросник Р. Хэнди. Он включает в себя 15 утверждений. Каждое из них сопровождается четырьмя вариантами ответов, соответствующими разным типам организационной культуры – власти, роли, задачи и личности. Отвечая на каждый вопрос, респонденты должны проранжировать все варианты по степени значимости: от наиболее до наименее соответствующего их позиции. Сначала они определяют личные предпочтения в этой области, а затем те, которые, по их мнению, существуют в организации.

Например, «Хороший начальник – это...»: А. Сильный, решительный, настойчивый, но справедливый. Он ведет себя покровительственно, великодушно и снисходительно по отношению к преданным членам организации; Б. Объективный, корректный, избегает применять свою власть ради получения личной выгоды. Он требует от подчиненных только того, что предписано формальной системой; В. Эгалитарный и восприимчивый ко всему, что связано с решением задачи. Он использует свою власть для привлечения ресурсов, необходимых для исполнения порученной работы; Г. Заинтересованный и ответственный в отношении личных потребностей и ценностей других. Он использует свое положение для обеспечения удовлетворенности и стимулирования профессионального роста подчиненных. Доминирующий тип культуры определяется по ответам на вопросы относительно организации.

Для изучения оценки справедливости организационного взаимодействия использовался адаптированный на русскоязычной выборке опросник Дж. Колкитта, описанный в предыдущей главе. С помощью него участники оценивали собеседование при приеме на работу. После заполнения этой методики респондентов просили оценить степень справедливости собеседования, проведенного при приеме на работу по 5-балльной шкале. Это измерение было

введено для определения того, какие компоненты справедливости вносят наибольший вклад в общую оценку процедуры.

Для изучения идентификации с организацией использовалась методика, адаптированная на русскоязычной выборке С. А. Липатовым. Она состоит из пяти утверждений, касающихся отношения человека к организации, например, «Когда кто-то критикует отдел, в котором я работаю, это воспринимается мною как личное оскорбление». Заполняя методику, респондент определяет степень своего согласия с каждым из них по 5-балльной шкале (от 1 – «совершенно не согласен» – до 5 – «совершенно согласен»). Сначала он отвечает на эти вопросы применительно к своему подразделению, а потом к организации в целом. Соответственно, методика включает в себя два разных показателя – идентификацию с подразделением и с организацией.

Первым шагом при *анализе результатов* стало определение типа культуры, распространенной в каждой из четырех организаций. Оказалось, что во всех четырех организациях доминировала культура задачи ($mediana_1 = 48$, $mediana_2 = 45$, $mediana_3 = 45,5$, $mediana_4 = 45$). Основные различия проявились в ходе определения второго по выраженности типа. В частности, в первой и второй организациях эту роль играла культура личности ($mediana_1 = 43$, $mediana_2 = 42,5$), а в третьей и четвертой – культура роли ($mediana_3 = 43$, $mediana_4 = 40$). Таким образом, организационная культура первой и второй организации совмещала в себе элементы культуры задачи и личности, а третьей и четвертой – задачи и роли.

Для определения того, какие компоненты справедливости вносят наибольший вклад в общую оценку организационного взаимодействия, был проведен линейный регрессионный анализ. В качестве независимых переменных выступали пять аспектов справедливости, а роль зависимой выполняла общая оценка справедливости собеседования при приеме на работу. Результаты анализа показали, что пять компонентов справедливости объясняют 32,1% дисперсии в общей оценке взаимодействия ($R^2 = 0,321$). Однако наибольший вклад вносят информационная ($\beta = 0,416$, $p \leq 0,000$), межличностная ($\beta = 0,281$, $p \leq 0,001$) и процедурная справедливость как возможность контроля ($\beta = 0,201$, $p \leq 0,05$). В сумме эти измерения объясняют 31,1% дисперсии.

Анализируя влияние оргкультуры на понимание справедливости, мы сравнили компоненты, которые предсказывают общую

оценку собеседования в организациях с культурой «задача-личность» и «задача-роль». Регрессионный анализ, проведенный в организациях с элементами культуры личности, показал, что оценку справедливости собеседования предсказывают информационная ($\beta = 0,5$, $p \leq 0,000$) и межличностная ($\beta = 0,296$, $p \leq 0,01$) справедливость. В то же время в организациях с элементами культуры роли основную роль играет информационная справедливость ($\beta = 0,424$, $p \leq 0,001$). Таким образом, в организациях второго типа при определении справедливости взаимодействия сотрудники уделяют меньше внимание вежливости и уважению по отношению к ним.

Для проверки предположения относительно влияния стажа работы был проведен модерационный анализ. В данном случае независимыми переменными были различные измерения организационной справедливости, зависимой – общая оценка собеседования, а модератором стаж сотрудника. Анализ, проведенный на всей выборке, показал, что по мере увеличения стажа работы сотрудники обращают все меньше внимания на соблюдение межличностной справедливости. Так, оценку справедливости собеседования предсказывают информационная ($\beta = 0,488$, $p \leq 0,000$), межличностная ($\beta = 0,363$, $p \leq 0,000$) и процедурная справедливость как возможность контроля ($\beta = 0,192$, $p \leq 0,05$), стаж работы в организации ($\beta = 0,159$, $p \leq 0,05$), а также произведение значений стажа работы и межличностной справедливости ($\beta = -0,254$, $p \leq 0,01$). Другими словами, межличностная справедливость предсказывает общую оценку собеседования преимущественно у «новичков», которые входят в организацию, усваивают основные «правила игры».

Эта тенденция слабо выражена в организациях с элементами культуры личности. Модерационный анализ показал, что в них стаж не определяет степень влияния межличностной справедливости на общую оценку собеседования. В то же время эта закономерность ярко проявляется в организациях с элементами культуры роли. В этом случае оценку собеседования предсказывают информационная ($\beta = 0,469$, $p \leq 0,000$) и межличностная ($\beta = 0,327$, $p \leq 0,05$) справедливость, а также произведение значений межличностной справедливости и стажа работы человека в организации ($\beta = -0,344$, $p \leq 0,05$). Таким образом, чем больше сотрудник работает в такой организации, тем хуже межличностная справедливость предсказывает общую оценку справедливости собеседования.

В целом результаты нашего исследования говорят о том, что культура организации является средой, в которой происходит трансформация обыденного понимания справедливости.

Связь участия в суде присяжных с пониманием справедливости

К числу малых групп, работа в которых вызывает трансформацию обыденного понимания справедливости, относится коллегия присяжных. Члены коллегии отбираются для участия в одном судебном процессе и работают вместе на протяжении нескольких недель, а в некоторых случаях даже месяцев. За это время они не только успевают познакомиться между собой и обсудить самые разные проблемы, но также получают новую информацию, касающуюся проведения судебного процесса и могут сыграть совершенно новую для себя роль. Эта информация напрямую связана с содержанием и обязательностью исполнения целого ряда норм справедливости.

Важность участия в работе коллегии была продемонстрирована в нашем исследовании, проведенном в контексте суда присяжных (Гулевич, Голынчик, 2004а). В нем приняли участие 95 жителей Московской области старше 25 лет, которые, в соответствии с российским законодательством, могут выполнять обязанности заседателей, а также люди, вынесшие вердикт в Московском областном суде (25 человек, средний возраст 45,6 лет). В ходе исследования сравнивались результаты, полученные от людей, заявивших о своей готовности принять участие в суде присяжных, и тех, кто уже сделал это.

Мы полагали, что участие в судебном процессе изменит понимание справедливости. Войдя в состав коллегии, получив опыт вынесения правовых решений и выслушав объяснения судьи, человек будет придавать большее значение правовому аспекту справедливости, а также равенству позиций. Это связано со спецификой судебного процесса, в основе которого лежит принцип состязательности и равенства сторон.

Участники исследования отвечали на два основных вопроса. В ответ на первый вопрос они предлагали ассоциации на слова «справедливость» и «несправедливость». Второй вопрос включал в себя 13 принципов справедливости, сформулированных применительно к судебному процессу. Среди них были дифференцирующие и не-

дифференцирующие нормы дистрибутивной справедливости, нормы межличностной и процедурной справедливости как равенства прав и возможности контроля. Например, «Суровое наказание будет справедливым только в том случае, если совершение преступления повлекло за собой нанесение серьезного ущерба» (беспристрастность), «Судебное решение будет справедливым тогда, когда принимается людьми, не имеющими личной заинтересованности в исходе дела» (отсутствие предубеждений) и т. д. Респонденты должны были проанализировать эти нормы по степени важности.

Как ни парадоксально, но результаты исследования полностью противоречили поставленным гипотезам.

Во-первых, бывшие присяжные реже ассоциировали справедливость с правовыми терминами (закон/преступление, наказание/безнаказанность, суд, правосудие) и равенством/неравенством прав, чем те, кто еще не был членом коллегии, но заявлял о своей готовности сделать это (16,8% и 31,4% ассоциаций соответственно). В то же время они чаще предлагали ассоциации, связанные с соответствием действительности и соблюдением моральных норм (31,6% и 11,8% соответственно). Это означает, что, исполняя обязанности присяжных, люди проводят различие между справедливостью/несправедливостью и законом, но в то же время делают акцент на двух других значениях, связанных с объективностью и честностью оценки, а также с совестью и порядочностью. Об этом же говорят результаты другого нашего исследования, которые показали, что участие в суде присяжных уменьшает важность такой цели уголовного наказания, как восстановление справедливости (Гулевич, 2004).

Второй неожиданный результат был связан с оценкой важности различных норм справедливости. Оказалось, что бывшие присяжные придавали меньшее значение норме однообразия, чем желающие принять участие в судебном заседании. Это различие не достигло статической значимости, но проявилось на уровне тенденций.

В совокупности эти результаты говорят о том, что, благодаря работе в коллегии присяжных, люди начинают воспринимать справедливость как возможность доверия в ущерб равенству позиций. На наш взгляд, это можно объяснить действиями авторитетных лиц – судей, задающих нормы поведения в зале суда.

Они подчеркивали, что присяжные должны обращать внимание на доказательства и руководствоваться своим жизненным опытом, не вдаваясь в тонкости закона, а в результате вынести справедливый

вердикт. Таким образом, они формировали ассоциативную связь между справедливостью, с одной стороны, истиной (доказательства) и соблюдением моральных норм (жизненный опыт), с другой. Кроме того, несмотря на формальное равенство сторон, профессиональные судьи демонстрировали пристрастное отношение к одной из них, тем самым указывая на возможность дифференцированного подхода к участникам¹.

В целом наши исследования дают некоторое представление о том, каким образом групповые нормы оказывают влияние на понимание справедливости. Поскольку в них речь шла прежде всего об эксплицитных значениях этого термина, можно сказать, что членство в группе увеличивает социальную желательность и, соответственно, осознанное использование одних пониманий справедливости (равенство позиций) и уменьшает других (возможность доверия).

Социальная группа – это второй «фильтр», оказывающий влияние на использование разных значений и компонентов справедливости. Он задает общее направление выбора, но не детерминирует его полностью. Это происходит по следующим причинам:

- Любой человек принадлежит не к одной, а сразу к нескольким социальным группам, нормы которых могут противоречить друг другу. Осуществляя выбор, он может руководствоваться требованиями разных групп.
- Требования, предъявляемые любой социальной группой, различаются по степени жесткости: соблюдение одних является обязательным, а других – желательным. Роль «фильтра» чаще выполняют «обязательные» нормы.
- Человек обладает не только социальной, связанной с принадлежностью к группе, но и личной идентичностью, подчеркивающей его отличие от других и, следовательно, делающей исполнение групповых норм необязательным.

Таким образом, даже становясь членом группы, человек обладает определенной свободой в выборе значений и компонентов справедливости. Как следствие, он отдает предпочтение тем нормам,

¹ Косвенным свидетельством, говорящим в пользу такого объяснения, является следующий факт. Оценивая правовые решения, студенты юридических и психологических вузов, не имеющие опыта общения с реальными судьями, считают соблюдение равенства прав одним из основных условий их справедливости (Гулевич, Голынич, 2005).

которые позволяют ему достигнуть поставленной цели. Именно они оказывают наибольшее воздействие на общую оценку справедливости взаимодействия.

Поскольку выбор цели определяется как индивидуальными характеристиками человека, так и особенностями ситуации, на пути выбора значений и компонентов справедливости возникают личностный и ситуационный «фильтры».

Цели взаимодействия и понимание справедливости: теоретические предпосылки изучения

Идея выбора норм справедливости впервые появилась еще в работах Аристотеля. Он утверждал, что разные отношения (семейные, экономические, политические и т. д.) должны регулироваться на основе разных видов справедливости и соответствующих им норм. Впоследствии эта идея была подхвачена некоторыми коммунитаристами. Однако авторы большинства философских теорий справедливости до сих пор занимаются поиском универсальных принципов.

Эта позиция нашли свое отражение в психологии. В соответствии с доминирующей в настоящее время точкой зрения, люди стремятся к соблюдению всех компонентов справедливости. Исключение составляет дифференцирующие и недифференцирующие нормы, хотя некоторые исследователи допускают возможность компромисса между ними.

Как следствие, идея о том, что, вступая во взаимодействие, люди производят выбор между разными компонентами, впервые прозвучала лишь в 1980-х годах. Как ни парадоксально, но впервые об этом заговорили специалисты, занимающиеся **моральным развитием**, которые были не согласны с точкой зрения Л. Колберга об универсальности уровней и направления этого процесса.

В частности, К. Гиллиган (Gilligan, 1982) выдвинула идею о существовании двух основных путей морального развития – ориентации на справедливость и на принятие ответственности. Она утверждала, что ориентация на следование нормам справедливости, прежде всего, беспристрастности, описанная в модели Колберга – это мужской путь. Моральное развитие женщин осуществляется в направлении заботы о других людях и принятия ответственности за них. По ее мнению, причина этого кроется в гендерных стереотипах, согласно которым основная роль женщины состоит в под-

держании хороших отношений между людьми и оказании помощи. Как следствие, переходя на новый уровень морального развития, женщина осуществляет выбор не между разными системами норм, а между объектами ответственности. Сторонники этой позиции полагали, что при вынесении моральных суждений люди, как правило, выступают с позиции одной ориентации, что не исключает возможности их одновременного использования (Jaffee, Hyde, 2000).

Немного переформулировав идею Гиллиган, можно сказать, что люди различаются по степени использования дифференцирующих (ориентация на справедливость) и недифференцирующих (ориентация на заботу и ответственность) норм дистрибутивной справедливости. Именно эта идея легла в **основу многоаспектной теории дистрибутивной справедливости**. Она гласит, что, оценивая взаимодействие, человек может использовать разные нормы – от беспристрастности до равенства. Однако сторонники этой концепции проводят различие между четырьмя основными принципами: распределением по заслугам (беспристрастностью и усилиями), с одной стороны, потребностям и равенством, с другой (Gamliel, Peer, 2006).

Учитывая специфику дистрибутивной справедливости, авторы целого ряда исследований показали, что выбор этих норм определяется возможностями участников и целями взаимодействия (рисунок 22).

Во-первых, дифференцирующие нормы справедливости выбирают люди, которые высоко оценивают свои возможности достичь поставленной цели и считают партнера достойным соперником. Это прежде всего касается тех, кто уверен в своих силах (например, имеет опыт выполнения предложенного задания (Reis, Jackson, 1981), обладает высоким статусом (Lee, Stolte, 1994), хорошо обеспечен (Петухов, 2004; Тихонова, 2000)), но при этом взаимодействует с «сильным» (мускулиненным, хорошо обеспеченным (Jackson, Messe, Hunter, 1985; Schwinger, Lamm, 1981)) человеком. В то же время недифференцирующие нормы используют люди, которые имеют дело со слабым партнером, нуждающимся в их помощи (Jackson, Messe, Hunter, 1985; Schwinger, Lamm, 1981) или чувствуют собственную слабость.

Во-вторых, большое влияние на выбор норм дистрибутивной справедливости оказывают цели взаимодействия. Человек использует дифференцирующие нормы, когда хочет вознаградить партнера по заслугам или увеличить его продуктивность. Однако если

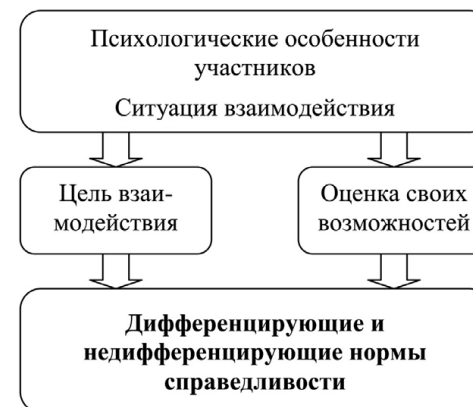

Рис. 22. Выбор норм дистрибутивной справедливости

он стремится сохранить хорошие отношения с людьми, то выбирает недифференцирующие принципы (Leventhal, 1976; Stake, 1983)¹.

Постановка цели, в свою очередь, зависит как от характеристик ценностно-мотивационной сферы человека, так и от характера взаимодействия. Следовательно, эти факторы оказывают влияние на выбор норм справедливости.

Среди характеристик ценностно-мотивационной сферы основную роль играет Я-концепция и ценности. В частности, дифференцирующие нормы справедливости чаще выбирают люди с «независимым Я» (Frey, Powell, 2005), консервативной политической ориентацией (Mitchell et al., 1993, 2003), ценящие власть и достижения (Fischer, Smith, 2004). Они предпочитают личное вознаграждение

1 Косвенным свидетельством, говорящим о важности цели взаимодействия, являются половые различия в предпочтении норм. Так, мужчины/люди с выраженной мужской идентичностью чаще обладают моральной ориентацией на соблюдение справедливости (Знаков, 2004; Barnett, Quackenbush, Sinisi, 1995; Bjorklund, 2003; Ford, Lowery, 1986; Ryan, David, Reynolds, 2004; Wark, Krebs, 1996; White, Manolis, 1997) и используют норму беспристрастности (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996; Leventhal, Lane, 1970), чем женщины/люди с выраженной женской идентичностью. Многие исследователи связывают это с гендерными стереотипами, согласно которым задача женщины состоит в сохранении хороших отношений, а задача мужчины – получении максимально возможных ресурсов.

сохранению отношений. В то же время, недифференцирующие нормы используют люди, обладающие «зависимым» Я, либеральной политической ориентацией, ценящие универсализм и доброту. Вступая во взаимодействие, они чаще ставят цели, учитывающие интересы окружающих.

К числу основных характеристик ситуации, оказывающих влияние на выбор норм справедливости, относятся отношения между участниками и ресурсы, которые распределяются в ходе общения.

- Чем ближе отношения между людьми, чем выше сплоченность группы, членами которой они являются, тем меньшее значение они придают наказанию по сравнению с вознаграждением (Van Prooijen, 2010), тем реже они используют дифференцирующие и чаще – недифференцирующие нормы распределения вознаграждения (Chiu, 2000; Clayton, Opatow, 2003; Peters, Van den Bos, 2008; Sabbagh, 2005; Schwinger, Lamm, 1981). Например, в личных отношениях люди чаще следуют недифференцирующим нормам справедливости, а в деловой сфере и сфере экономических отношений (т. е. при распределении доходов в обществе) – дифференцирующим (Lee, Stolte, 1994; Wagstaff, Huggins, 1993)¹. В то же время они ратуют за более серьезное наказание нарушителя, нанесшего ущерб близкому человеку, по сравнению с мало знакомым (Макдональд, 2011).

¹ Конечно, эта закономерность не так проста, как может показаться на первый взгляд. Например, предпочтение норм справедливости в экономической сфере во многом соответствует идеям нелиберальных теорий, описанных во второй главе. Так, распределяя ресурсы между представителями одного и того же общества, люди руководствуются двумя основными принципами. С одной стороны, они стараются, чтобы никто из граждан не оказался за «чертой бедности», т. е. считают справедливым общество, в котором каждому человеку обеспечен прожиточный минимум. С другой стороны, при распределении остальных доходов они руководствуются нормами беспристрастности и распределения по усилиям. При этом размер минимального уровня доходов во многом зависит от восприятия того, насколько экономическое положение человека определяется его усилиями: чем слабее эта связь, тем выше уровень (Liebig, 2001; Mitchell et al., 1993, 2003). Тем не менее результаты большинства подобных исследований говорят о приоритете дифференцирующих норм.

- Ресурсы, которые распределяются в ходе взаимодействия, можно классифицировать на основе двух параметров: валентности (позитивные/негативные) и зависимости от отношений (универсальные/частные).

Под позитивными понимаются любые ресурсы, которые люди хотят получить (деньги, подарки, похвала и т. д.), а под негативными – получения которых пытаются избежать (штраф, выговор и т. д.). По данным некоторых исследований, люди чаще используют дифференцирующие нормы справедливости (беспристрастность, распределение по усилиям и способностям) при делении ресурсов, которые позиционируются как наказание, а недифференцирующие – вознаграждение (Макдональд, 2011; Sabbagh, 2005).

Дело в том, что, оценивая человека, они уделяют большее внимание нарушению им социальных норм, а не их соблюдению. Негативная информация о партнере позволяет определить степень его опасности и, как следствие, требует немедленных действий. Желая предотвратить подобные инциденты в будущем, люди наказывают провинившегося человека таким образом, чтобы воздаяние отражало степень нанесенного ущерба, т. е. используют дифференцирующие нормы справедливости. В то же время соблюдение человеком социальных норм демонстрирует, что он безопасен, и общение с ним может принести партнерам определенные дивиденды. Как следствие, при взаимодействии с ним люди стараются сохранить хорошие отношения и используют недифференцирующие нормы.

Этому предположению противоречат результаты других исследований, которые показали, что люди чаще используют дифференцирующие нормы при распределении, исход которого рассматривается в терминах вознаграждений, а не потерь (Gamliel, Peer, 2006). Некоторые авторы объясняют это противоречие существованием четырех различных аспектов ресурсов: валентность (позитивные–негативные), намерение/результат (распределение–воздаяние), способ достижения результата (предоставление или удержание чего-либо), тип исхода (получение выгоды или нанесение ущерба). Таким образом, влияние позитивности/негативности ресурсов на предпочтение норм требует дальнейшего изучения.

Другим параметром классификации ресурсов является их разделение на частные и универсальные. Частные ресурсы – любовь, социальный статус и общественное признание – определяются прежде

всего отношениями между участниками взаимодействия. В то же время наличие универсальных ресурсов – информации, денег и иных материальных благ – зависит, в первую очередь, от качества работы.

Соответственно, распределяя универсальные ресурсы, люди стремятся воздать партнеру по заслугам, а частные – сохранить хорошие отношения с ним. Поэтому первые требуют дифференцирующих норм, учитывающих реальные заслуги человека, а вторые – недифференцирующих, позволяющих сохранить хорошие отношения между людьми. В пользу этого говорят результаты эмпирических исследований, согласно которым, оценивая справедливость распределения материальных ресурсов, люди используют норму беспристрастности и распределения по способностям, а прав и обязанностей, одобрения и порицания – норму равенства (Lee, Stolte, 1994; Sabbagh, Golden, 2007; Thomson, 2007).

Какой из двух параметров – близость отношений или характер ресурсов – оказывают большее влияние на выбор норм дистрибутивной справедливости? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели специальное исследование, в котором приняли участие 252 студента Российского государственного гуманитарного университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Гуманитарного университета, Московской государственной юридической академии, Высшей школы экономики (Гулевич, Голынчик, 2004).

Основным методом исследования стало анкетирование. Для решения поставленных задач была использована анкета, состоящая из ряда проективных ситуаций, различающихся по нескольким параметрам, по близости отношений (друзья, коллеги и малознакомые люди – представители других стран, пенсионеры, преступники), а также по типу ресурсов (наказание/вознаграждение и универсальные/частные). Эти ситуации были заимствованы из предыдущих исследований, участники которых давали свободные описания справедливых и несправедливых событий.

Каждая проективная ситуация сопровождалась описанием шести возможных способов распределения ресурсов между участниками события. Они соответствовали шести нормам справедливости результата: беспристрастности, равенства, распределению в зависимости от усилий, способностей, потребностей, позитивности личности. Респонденты должны были выбрать один или несколько (но не больше трех) вариантов ответа. Если они выбирали два или три варианта, нужно было проранжировать их по важности.

При анализе результатов учитывались только те ответы, которые были признаны респондентами единственно возможными или наиболее важными. Содержание описаний было заимствовано из проведенного ранее исследования. На их основе было создано двенадцать вариантов анкеты.

Результаты этого исследования показали, что, распределяя вознаграждение, люди чаще всего используют нормы беспристрастности и равенства, реже – распределения по усилиям, способностям и потребностям и совсем редко – распределения по позитивности. Интересно, что во всех ситуациях люди отдают предпочтение дифференцирующим нормам справедливости по сравнению с недифференцирующими. Однако степень этого различия зависит от близости отношений и характера ресурсов.

Наибольшее влияние на выбор дифференцирующих и недифференцирующих норм оказывает близость общения (таблица 7).

Таблица 7
Влияние близости отношений на выбор норм дистрибутивной справедливости (в %)

Факторы	Беспристрастность	Усилия	Способности	Равенство	Потребности	Позитивность
Дружеские отношения	22,8	17,7	4,8	38,1	12,0	4,6
Учебные отношения	38,1	29,3	5,6	19,0	6,6	1,4
Деловые отношения	24,8	23,7	12,5	28,6	10,1	0,3
Общественные отношения	46,7	10,4	27,5	0,9	9,3	5,2

Оценивая дружеские отношения, респонденты в 52,5% случаях используют дифференцирующие нормы, а в 47,5% – недифференцирующие. В учебном взаимодействии эти значения составляют 74% и 26% соответственно, в деловом – 58,6 и 41,1%, а в общественно-политическом – 66,4 и 33,6%. Таким образом, разрыв между дифференцирующими и недифференцирующими нормами минимален при оценке дружеского общения и максимален – учебного. Деловые и общественно-политические отношения занимают промежуточное положение.

К аналогичным выводам приводит анализ каждой нормы в отдельности. Различия, связанные с близостью отношений, наблюдаются по всем шести нормам: беспристрастности ($\chi^2 = 47,16, p < 0,01$),

равенства ($\chi^2 = 109,9, p < 0,01$), распределению по усилиям ($\chi^2 = 33,17, p < 0,01$), способностям ($\chi^2 = 55,85, p < 0,01$), позитивности ($\chi^2 = 20,13, p < 0,01$) и потребностям ($\chi^2 = 8,49, p < 0,05$). Это означает, что, оценивая личные отношения, респонденты придают большее значение недифференцирующим нормам справедливости (равенству, распределению по потребностям и позитивности личности), а учебные – дифференцирующим (беспристрастности и распределению по усилиям и способностям).

Однако особый интерес представляют деловые и общественные отношения, которые занимают промежуточное положение. Так, при оценке деловых отношений студенты относительно часто применяют не только норму распределения по усилиям, но также равенства и потребностей, а в общественных – не только норму беспристрастности и распределения по способностям, но и позитивности.

Таким образом, предпочтение дифференцирующих норм дистрибутивной справедливости в дистантных отношениях и недифференцирующих – в близких ярко проявляется при оценке ситуаций, знакомых человеку из личного опыта.

Второй интересующий нас фактор – тип ресурсов – оказал гораздо меньшее влияние. В частности, респонденты чаще использовали дифференцирующие нормы дистрибутивной справедливости при распределении наказания, а недифференцирующие – вознаграждения. Эта закономерность особенно ярко проявилась при выборе нормы распределения по усилиям ($\chi^2 = 23,64; \chi^2 p < 0,01$). Участники исследования обращали особое внимание на усилия деятеля при оценке справедливости наказания или несправедливости его отсутствия по сравнению с оценкой справедливости/несправедливости вознаграждения. Таким образом, по мнению респондентов, наибольшего наказания заслуживает не тот, кто не смог сделать что-либо, а тот, кто не приложил достаточных усилий для достижения своей цели.

Что касается другого параметра классификации, то при распределении универсальных ресурсов люди чаще использовали дифференцирующие нормы справедливости и реже – недифференцирующие, чем при распределении частных. Эта закономерность ярко проявилась на примере нормы равенства ($\chi^2 = 19,02, p < 0,01$) и распределения по способностям ($\chi^2 = 17,74, p < 0,01$). Исключением явилось относительно частое использование нормы позитивности при распределении универсальных ресурсов ($\chi^2 = 8,42, p < 0,01$), что можно объяснить ее промежуточным положением (см. главу 1).

В целом результаты данного исследования продемонстрировали, что близость общения можно рассматривать как более важный фактор, чем характер ресурсов.

Несмотря на важную роль, которую эти условия играют при выборе норм справедливости, предпочтения людей зависят не только от типа ситуации, но и от ее содержания. В частности, некоторые формы взаимодействия, совпадающие по близости общения и виду ресурсов, тем не менее, ассоциируются у людей с разными компонентами справедливости.

К их числу относятся, например, определение размера заработной платы и распределение социальных льгот между сотрудниками. И то, и другое взаимодействие носит деловой характер и связано с распределением универсальных ресурсов. Тем не менее, оценивая справедливость социальных льгот, люди уделяют гораздо больше внимания недифференцирующим нормам справедливости, чем при оценке зарплат.

Это различие было продемонстрировано в исследовании, проведенном с участием 627 человек (260 мужчин, 367 женщин, от 17 до 74 лет, средний возраст – 30 лет).

Для изучения важности двух компонентов дистрибутивной справедливости была использована авторская методика. Она включала в себя два описания. В первом указывалось, что в организации была введена новая система материального поощрения сотрудников; во втором речь шла о социальных льготах. После каждого описания следовали четыре условия, соответствующие двум дифференцирующим (беспристрастности – распределению по трудовому вкладу, усилиям – по стажу работы) и двум недифференцирующим (потребностям – наличию материальных проблем, равенству) нормам дистрибутивной справедливости. Респонденты должны были оценить справедливость реализации каждой из них, используя 5-балльную шкалу.

Результаты исследования показали, что наиболее справедливым респонденты считали соблюдение нормы беспристрастности ($M_{1,1} = 4,29$ при определении размера материального поощрения и $M_{1,2} = 3,69$ – льгот). На втором месте оказалась распределение в соответствии с приложенными усилиями (стажем) ($M_{2,1} = 3,37$ при определении зарплаты и $M_{2,2} = 3,7$ – размера льгот). Третье место заняла норма равенства ($M_{3,1} = 2,99$ и $M_{3,2} = 3,04$ соответственно). И наконец, наименее популярной оказалась норма распределения по потребностям ($M_{4,1} = 2,06$ и $M_{4,2} = 2,57$ соответственно):

ее соблюдение чаще рассматривалось как несправедливое. В целом это говорит о том, что, оценивая справедливость распределения универсальных ресурсов в дистантных отношениях, респонденты отдают предпочтение дифференцирующим нормам по сравнению с недифференцирующими, что соответствует результатам предыдущих исследований.

Однако это предпочтение ярче выражено при распределении заработной платы. Оценивая социальные льготы, люди придавали большее значение двум недифференцирующим нормам справедливости и распределению по усилиям, чем при оценке материального поощрения.

Последний результат может быть связан с формулировкой нормы распределения по усилиям. Следуя традиции, заложенной в западных исследованиях, мы операционализировали ее как трудовой стаж. В то же время специфика работы в российских организациях позволяет предположить, что стаж является скорее показателем возраста или лояльности сотрудника, а не профессиональных достижений.

Обнаруженные в исследовании предпочтения могут быть связаны с тем, что, в отличие от заработной платы, социальные льготы часто рассматриваются людьми как способ поддержать отдельных членов группы и таким образом, сохранить ее целостность. Наличие подобных различий не умаляет значения общих критериев классификации ситуаций – близости общения и ресурсов, но указывает на возможные ограничения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что многоаспектная теория справедливости достаточно сильно отличается от других психологических концепций.

Во-первых, ее сторонники полагают, что, вступая во взаимодействие, люди совершают выбор между разными компонентами дистрибутивной справедливости, отдавая предпочтение дифференцирующим или недифференцирующим нормам.

Во-вторых, они утверждают, то этот выбор зависит от двух основных параметров – цели, которую преследует человек, и оценки им своих возможностей по сравнению с возможностями партнера. При этом в отличие от большинства других психологов, они полагают, что дистрибутивная справедливость может стать средством достижения не только сугубо личных целей, но и способом сохранения группы.

Таким образом, в основе этой теории лежит предположение о том, что, вступая во взаимодействие, человек осуществляет стратегический выбор в пользу того компонента справедливости, соблюдение которого позволяет ему достичь поставленных целей.

Основное ограничение этой концепции состоит в том, что ее сторонники применяют описанные выше принципы к справедливости результата, игнорируя процесс взаимодействия. Это происходит по той причине, что конфликт между дифференцирующими и недифференцирующими нормами справедливости кажется очевидным и неизбежным. В то же время соблюдение одного компонента справедливости процесса не противоречит соблюдению других. Кажется, что уважение не исключает равенства прав, равенство прав – возможности контроля и т. д. Поэтому идея стратегического выбора не была воплощена при изучении информационного, процедурного и межличностного компонентов. Однако, учитывая, что они связаны с разными значениями справедливости, условия их выбора требуют более тщательного анализа.

Следуя логике многоаспектной теории, можно предположить, что эти условия связаны как с индивидуальными особенностями участников взаимодействия, так и с характеристиками ситуации, т. е. образуют «личностный» и «ситуационный» фильтры. Эти факторы оказывают влияние на выбор цели общения и оценку возможности ее достижения (рисунок 23).

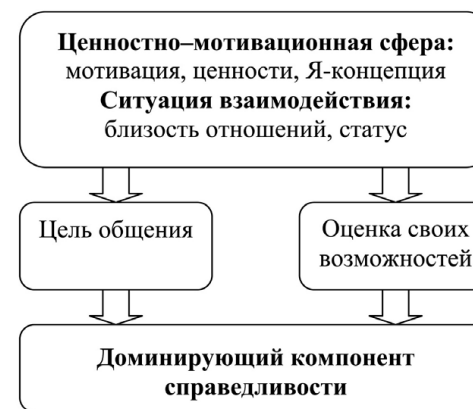

Рис. 23. Выбор компонентов справедливости

Личностный «фильтр»: ценности, мотивация, Я-концепция

Современная психология представляет собой совокупность конкурирующих между собой научных теорий, сторонники которых имеют разные представления о природе человека. Одной из немногих характеристик, наличие которой признают последователи разных концепций, является целенаправленность поведения. В соответствии с этой идеей, совершая поступок, люди стремятся достичь определенной цели. Тот факт, что она может быть имплицитной, а процесс ее достижения более или менее успешным, не говорит о ее отсутствии.

В полной мере эта идея воплотилась при изучении справедливости. Во второй главе мы говорили о том, что все социально-психологические теории справедливости можно разделить на основании цели ее соблюдения. В последнее время наибольшее внимание исследователей привлекают получение индивидуального результата и включение в социальную группу. Это происходит в результате конкуренции между ними.

В целом ряде случаев человек вынужден выбирать между личным благополучием и интересами окружающих. На первый взгляд, это противоречие условно. В частности, человек может рассматривать группу как средство получения личного вознаграждения и ради этого стремиться занять высокое положение в ней; или, желая помочь окружающим, он будет прикладывать усилия, чтобы улучшить свой результат. Однако в данном случае необходимо разделять краткосрочные и долгосрочные цели. При оценке справедливости однократного акта взаимодействия первые играют более важную роль, чем вторые.

Цель во многом зависит от характеристик ценностно-мотивационной сферы человека. Ставя ее, участник общения отвечает как минимум на три вопроса: что я ценю (ценности)? к чему я стремлюсь (мотивация)? смогу ли я получить желаемое (я-концепция)? Первый и второй ответ определяют содержание цели, а третий – оценку возможности ее достижения.

Ценности. К настоящему времени создано несколько основных классификаций ценностей. Важное место среди них занимает модель С. Шварца (Карандашев, 2004).

Он выделяет десять основных типов ценностей: власть (социальный статус, доминирование над людьми, обладание ресурсами); достижение (личный успех в соответствии с социальными стандар-

тами); гедонизм (наслаждение или чувственное удовольствие); стимуляция (волнение и новизна); самостоятельность мыслей и действий; универсализм (понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы); доброта (сохранение благополучия близких людей); традиция (уважение и ответственность за культурные и религиозные идеи и традиции); конформность (сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить окружающим и не соответствуют социальным нормам); безопасность (безопасность и стабильность общества, отношений, самого себя).

По мнению Шварца, эти ценности образуют два базовых bipolarных фактора: «самовозвышение (достижение, власть) – самотрансцендентность (универсализм, доброта)» и «открытость к изменениям (гедонизм, стимуляция, самостоятельность) – консерватизм (конформность, традиции, безопасность)». Первый из них тесно связан с выбором одной из двух описанных выше целей. Люди с ценностями самовозвышения ориентированы на личный результат, а с ценностями самотрансцендентности – на помощь другим людям.

Мотивация. В отличие от ценностей, мотивация человека касается не того, что он ценит, а того, что он стремится получить. Первые попытки ее изучения были связаны с созданием различных классификаций потребностей и мотивов человека. Однако в дальнейшем пристальное внимание исследователей привлекли отдельные виды мотивации.

К их числу относится мотивация достижения, под которой понимается стремление добиться максимально возможного результата во всех видах деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности, т. е. ее выполнение может привести к успеху или неудаче (Хекхаузен, 2001). Таким образом, она подталкивает человека к совершению ряда связанных друг с другом действий.

Человек, ориентированный на достижение, ставит перед собой трудные цели и постоянно пересматривает их, руководствуясь достигнутыми результатами. Стремясь выполнить задание, он постоянно возвращается к нему до тех пор, пока это не будет сделано. Соответственно, чем выше у человека мотивация достижения, тем важнее для него получить личный результат, даже если для этого придется пожертвовать отношениями с другими людьми, принадлежностью к социальной группе.

Я-концепция. Представление человека о себе оказывает влияние на его оценку своих возможностей по достижению постав-

ленной цели. Одним из ключевых параметров, непосредственно связанных с успешностью деятельности, является самоэффективность. Это понятие было введено А. Бандурой для описания того, насколько человек осознает свои способности и выстраивает поведение, соответствующее задаче или ситуации. Оценка самоэффективности определяет спектр выполняемой человеком деятельности, усилия, которые он прикладывает для преодоления препятствий, настойчивость, с которой он решает поставленную задачу.

По мнению Бандуры, люди, дающие высокую оценку самоэффективности, чаще ставят перед собой сложные цели и прикладывают больше усилий для их достижения. Ожидая успеха, они получают позитивный результат, что способствует самоуважению. Напротив, низкая самоэффективность, связанная с ожиданием провала, обычно приводит к неудаче и таким образом снижает самооценку (Хегенхан, Олсон, 2004; Хьелл, Зиглер, 1999). Именно поэтому люди с высокой самоэффективностью рассматривают больше вариантов карьеры и чаще добиваются успеха; получают более высокие оценки при обучении; обладают лучшим физическим и душевным здоровьем, чем люди с низкой (Шульц, Шульц, 1998) и т. д. В целом люди с высокой самоэффективностью верят в то, что смогут достигнуть поставленной цели самостоятельно и не нуждаются в помощи со стороны окружающих.

Мы полагаем, что человек отдает предпочтение тем пониманием справедливости, которые позволяют ему достичь поставленной цели. В частности, люди с ценностями самовозвышения и сильно выраженной мотивацией достижения, верящие в свои силы, предпочитают значения и нормы, которые дают им возможность проявить себя (наличие предварительной информации и контроля), учитывают личный вклад в деятельность (дифференцирующая дистрибутивная справедливость). В то же время участники взаимодействия, которые не придают большого значения личным достижениям или не верят в себя, обращаются к значениям и компонентам, гарантирующим помощь и внимание со стороны окружающих (межличностная и недифференцирующая дистрибутивная справедливость).

Эти предположения были частично проверены в нашем исследовании, проведенном с участием 287 студентов и сотрудников российских организаций, которые оценивали процедуру аттеста-

ции и принятия на работу (Гулевич, в печати; Спиридонов, Гулевич, Безменова, 2010). Для измерения оценки справедливости этих процедур был использован адаптированный опросник Дж. Колкитта, включающий в себя 20 утверждений, касающихся разных измерений организационной справедливости (приложение 2). Более подробно об этой методике говорилось в предыдущей главе. После ее заполнения все участники давали общую оценку справедливости процедуры. Восприятие человеком своих возможностей измерялось с помощью методики общей самоэффективности Ромека, мотивация достижения – с помощью опросника Мехрабиана, ценности – с помощью методики Шварца.

В ходе анализа результатов были вычислены медианы этих показателей: $M_{\text{самовозвышение}} = 24$, $M_{\text{самотрансцендентность}} = 30$, $M_{\text{мотивация достижения}} = 130$, $M_{\text{самоэффективность}} = 31$. Впоследствии респонденты делились на группы с низким (ниже медианного) и высоким (выше медианного) значением по каждому из параметров. После этого для каждой из получившихся групп был проведен линейный регрессионный анализ, независимыми переменными в котором были разные измерения организационной справедливости, а зависимой – общая оценка справедливости приема на работу/аттестации.

Результаты исследования показали, что важность разных компонентов справедливости варьировалась в зависимости от психологических характеристик сотрудников.

Одним из основных факторов стала оценка работником своих возможностей. У людей с низкой самоэффективностью основными предикторами общей оценки справедливости взаимодействия были межличностный ($\beta = 0,34$, $t = 3,98$, $p \leq 0,001$) и дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,35$, $t = 4,27$, $p \leq 0,001$) компоненты; тогда как у сотрудников с высокой – дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,52$, $t = 6,94$, $p \leq 0,001$) и информационный ($\beta = 0,26$, $t = 3,52$, $p \leq 0,001$).

Другим фактором стали ценности. У людей, слабо ценящих самовозвышение, основным предиктором общей оценки справедливости взаимодействия была дифференцирующая дистрибутивная справедливость ($\beta = 0,58$, $t = 6,63$, $p \leq 0,001$), а у придающих ей большое значение – как дифференцирующая дистрибутивная ($\beta = 0,51$, $t = 6,19$, $p \leq 0,001$), так и информационная ($\beta = 0,41$, $t = 4,92$, $p \leq 0,001$). Что касается самотрансцендентности, то у людей с низкой выраженностью этого параметра общую оценку справедливости предсказыва-

ли дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,55$, $t = 6,52$, $p \leq 0,001$) и информационный ($\beta = 0,35$, $t = 4,12$, $p \leq 0,001$), а у сотрудников с высокой – межличностный ($\beta = 0,48$, $t = 5,54$, $p \leq 0,001$) и дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,42$, $t = 4,77$, $p \leq 0,001$) компоненты.

И наконец, третьим фактором стала мотивация достижения. У людей с относительно низкими показателями по этому параметру общую оценку справедливости взаимодействия предсказывал межличностный ($\beta = 0,42$, $t = 5,25$, $p \leq 0,001$) и дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,36$, $t = 4,51$, $p \leq 0,001$) компоненты, а у людей с низкими дифференцирующий дистрибутивный ($\beta = 0,61$, $t = 9,45$, $p \leq 0,001$) и информационный ($\beta = 0,30$, $t = 4,62$, $p \leq 0,001$).

Таким образом, полученные результаты частично подтвердили нашу гипотезу. В частности, они показали, что сотрудники, ценящие самовозвышение, с высокой мотивацией достижения и самоэффективностью придают большее значение информационной справедливости. В то же время работники, обладающие противоположными характеристиками, уделяют большее внимание межличностной справедливости. Однако вопреки результатам, полученным зарубежными коллегами, наше исследование продемонстрировало, что уверенность в собственных силах (De Cremer et al., 2004; Loseman et al., 2009) и сильная мотивация достижения (Brebels, De Cremer, Sedikides, 2008) увеличивают важность не справедливости как таковой, а определенных пониманий этого слова.

Учитывая специфику измерения процедурной справедливости в данном исследовании можно говорить о том, что психологические характеристики определяют влияние не только эксплицитных, но и имплицитных компонентов справедливости, например возможности контроля.

В то же время дифференцирующая дистрибутивная справедливость является инвариантной составляющей оценки организационного взаимодействия. Психологические характеристики могут лишь немного увеличивать или уменьшать ее значение. В целом этот результат соответствует данным зарубежных исследований, проведенных в рамках теории беспристрастности, речь о которых шла во второй главе. В то же время, в отличие от них, наше исследование показало, что сотрудники придают результату организационного взаимодействия большее значение, чем условиям, при которых оно было принято.

Влияние психологических особенностей человека комбинируется с характеристиками ситуации взаимодействия.

Ситуационный «фильтр»: близость отношений и статус участников

Ситуационный «фильтр» так же, как и личностный, оказывает влияние на выбор цели взаимодействия и оценку человеком своих возможностей по ее достижению. Исследования, описанные в третьем параграфе, показывают, что в качестве универсальных характеристик ситуации, как правило, рассматриваются близость отношений и тип ресурсов, однако первый фактор оказывает большее влияние, чем второй.

Следуя этой логике, мы полагаем, что, ставя перед собой *цель*, человек ориентируется прежде всего на близость отношений с партнером. Под близкими в данном случае понимаются отношения, в которых один участник соперничает другому, готов поставить себя на его место, а под дистантными – обладающие противоположными характеристиками. Чем ближе отношения, тем большее значение люди придают их сохранению и тем меньшее – получению личного вознаграждения.

Следовательно, можно предположить, что люди, находящиеся в дистантных отношениях с другими участниками взаимодействия, придают большее значение информационной справедливости, справедливости как возможности контроля и равенству прав, а также дифференцирующей дистрибутивной справедливости. В то же время люди, находящиеся в близких отношениях с партнерами, обращают большее внимание на соблюдение межличностной и недифференцирующей дистрибутивной справедливости.

Оценка человеком своих *возможностей в достижении цели* тесно связана с его социальным статусом: чем он выше, тем легче участнику взаимодействия достичь желаемого. Однако в данном случае речь идет не об индивидуальных способностях человека, а о воздействии ситуации, которое помогает или мешает их реализации. Поэтому соблюдение норм справедливости выполняет компенсаторную функцию. Если статус человека, относительно которого принимается решение, ниже, чем у его партнера, большее внимание при оценке взаимодействия уделяется информационной и дифференцирующей дистрибутивной справедливости, а также процедурной справедливости.

ности как возможности контроля и равенства прав. В то же время при равных статусах более важную роль играет межличностная и недифференцирующая дистрибутивная справедливость.

Для проверки этих предположений нами было проведено двух-этапное исследование.

Первый этап. На первом этапе приняли участие 103 студента Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного педагогического университета (Голыничик, Гулевич, 2003).

Основным *методом* исследования стало анкетирование. Респонденты отвечали на два вопроса, один из которых касался справедливости, а второй – несправедливости.

Первый вопрос звучал следующим образом: «Опишите шесть событий, которые вы могли бы назвать справедливыми: два события, происшедшие лично с вами, два – с вашими родственниками, друзьями, одно событие, случайным свидетелем которого вы стали, и одно событие, известное вам из средств массовой информации. Напишите, где это произошло, кто принимал в них участие, каковы были действия участников и чем все это закончилось. Отдельно отметьте, что именно в происшедшем показалось вам справедливым». Вопрос, касающийся несправедливости, звучал аналогично, за исключением его начала («Опишите шесть событий, которые вы могли бы назвать несправедливыми») и конца («...что показалось несправедливым»).

Некоторые из респондентов описывали меньше двенадцати ситуаций, однако это не учитывалось при анализе. Целью введения разных источников информации о событии (сам респондент, его знакомые, малознакомые люди и средства массовой информации) было получение представлений о событиях, относящихся к разным сферам и, следовательно, различающихся по близости отношений.

Обработка результатов проводилась с помощью контент-анализа. Схема включала в себя три основных категории: компонент справедливости (справедливость результата и процесса), конкретная норма справедливости и близость общения (личные¹, деловые² и общественно-политические³ отношения).

1 Взаимодействие между небольшим количеством людей, не связанное с выполнением профессиональных обязанностей.

2 Взаимодействие по поводу профессиональных вопросов.

3 События политической, правовой, культурной и научной жизни страны.

Результаты этого этапа представлены в таблице 8. Они показали, что люди придают справедливости результата большее значение, чем справедливости процесса.

Основу дистрибутивной справедливости составляют дифференцирующие нормы: в первую очередь, беспристрастность и распределение по усилиям и, в меньшей степени, способностям. Недифференцирующие нормы – распределение по потребностям, позитивности и равенство – используются реже. Однако важность разных норм зависит от сферы взаимодействия. В деловом и социально-политическом контексте возрастает значение дифференцирующих норм, а в личных отношениях – недифференцирующих.

В частности, при описании делового взаимодействия растет важность нормы беспристрастности и распределения по усилиям, при описании социально-политического – беспристрастности, а личного – распределения по потребностям и позитивности человека. Нормы равенства и распределения по способностям играют второстепенную роль.

Основу справедливости процесса составляет процедурная справедливость как равенство прав (однообразие и нейтрализация предубеждений), информационная справедливость (честность), межличностная справедливость (вежливость и уважение) и в меньшей степени возможность контроля.

Эти результаты говорят о том, что ядро российского понимания справедливости составляет справедливость результата в ущерб справедливости процесса. Кроме того, они показывают, что при дистантном общении, прежде всего в деловом контексте возрастает важность равенства прав (однообразие и нейтрализация предубеждений)¹.

В целом они подтверждают предположение о том, что, оценивая дистантное общение, люди чаще учитывают дифференцирующую дистрибутивную справедливость и процедурную справедливость как равенство прав, а описывая близкое – недифференцирующую дистрибутивную. В то же время мы не обнаружили существенных

1 В определенной степени эти результаты соответствуют данным исследований, описанных в четвертой главе. Исключение составляет большое значение, которое люди придают равенству прав в деловой сфере. Оно может быть связано с различным способом измерения справедливости. При исследовании оценки организационного взаимодействия с помощью методики Дж. Колкитта речь шла об имплицитных значениях справедливости, тогда как в данном случае измерялись эксплицитные.

Таблица 8
Виды справедливых и несправедливых событий

Справедливость	Ло	До	Со	О	Несправедливость	Ло	До	Со	О
Справедливость результата (дистрибутивная и карательная справедливость)									
<i>Беспристрастность</i>									
Соответствие поступка и вознаграждения/наказания	31	79	78	188	Несоответствие поступка и вознаграждения/наказания	64	81	89	234
<i>Распределение по усилиям</i>									
Соответствие усилий и вознаграждения/наказания	4	103	0	107	Несоответствие усилий и вознаграждения/наказания	4	6	0	10
<i>Распределение по способностям</i>									
Соответствие способностей и вознаграждения/наказания	1	8	2	11	Несоответствие способностей и вознаграждения/наказания	2	2	1	5
<i>Распределение по потребностям</i>									
Соответствие потребностей и вознаграждения/наказания	72	30	11	113	Несоответствие потребностей и вознаграждения/наказания	41	23	19	83
<i>Распределение по «позитивности» человека</i>									
Соответствие позитивности и вознаграждения/наказания	22	6	7	35	Несоответствие позитивности и вознаграждения/наказания	12	12	2	26
<i>Равенство</i>									
Равное распределение вознаграждения/наказания	1	2	1	4	Неравное распределение вознаграждения/наказания	2	12	0	14
ИТОГО	228	131	99	458	ИТОГО	136	125	111	372
Справедливость процесса (процедурная, межличностная и информационная)									
Однообразие	0	2	0	2	Нарушение однообразия	4	34	13	51
Отсутствие предубеждений	0	0	2	2	Наличие предубеждений	4	15	2	21
Контроль за процессом	3	5	1	9	Нет контроля за процессом	10	3	0	13
Точность и полнота информации	1	0	0	1	Неточность и неполнота информации	0	1	3	4
Честность	6	5	4	15	Нечестность	15			
Вежливость и уважение	2	2	1	5	Невежливость и неуважение	7	8	2	17
ИТОГО	14	12	8	34	ИТОГО	83	40	24	147

различий, связанных с информационной, межличностной и процедурной справедливостью как возможностью контроля. Возможно, это произошло благодаря относительно редкому упоминанию процессуальных компонентов справедливости, а также субъективности исследователей при разделении событий, связанных с равенством результатов и равенством прав. Чтобы восполнить этот пробел, был проведен второй этап исследования.

Второй этап. В нем приняли участие 180 студентов дневного и регионального отделений Российского государственного гуманитарного университета, а также дневного отделения Высшей школы экономики, обучающихся по специальностям «психология», «социология» и «антропология» (Гулевич, 2010).

Исследование проводилось посредством *анкетирования*. Основной вопрос был сформулирован в виде описания взаимодействия, за которым следовали условия, соответствующие различным нормам справедливости. Участники исследования должны были оценить справедливость общения при соблюдении каждого из условий. Было сформулировано несколько вариантов этого вопроса. Они различались по близости отношений (личные/учебные¹), статусу участника, относительно которого принималось решение (равный/низкий) и соблюдению норм справедливости (соблюдение/нарушение).

Обработка результатов проводилась с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни (U). Показателем важности нормы являлось статистически значимое различие в оценке справедливости взаимодействия при условии ее соблюдения и нарушения.

Результаты исследования частично подтвердили поставленные гипотезы. Во-первых, оценивая близкое – дружеское и родственное – общение, люди реже принимали во внимание равенство прав. В частности, они считали несправедливым применение по отношению к близкому человеку такой же процедуры принятия решения, как к другим людям ($U = 567,5, p \leq 0,01$), но признавали важность соблюдения нормы однообразия в дистантных отношениях ($U = 274,5, p \leq 0,001$). В то же время в учебных отношениях уменьшалось значение недифференцирующих норм справедливости, прежде всего

1 Личные и учебные отношения были выбраны на основании релевантности личному опыту респондентов. Личные отношения подразумевали общение с другом или родителями, а учебные – с преподавателем или однокурсником.

распределения по потребностям ($U = 342$, $p \leq 0,001$ для близких; $U = 821$, $p > 0,05$ для дистантных отношений).

Некоторые различия были связаны и со статусом участников взаимодействия. При оценке справедливости решения в отношении низко статусного партнера люди придавали меньшее значение недифференцирующей дистрибутивной справедливости, прежде всего распределению по потребностям ($U = 867,5$, $p > 0,05$ для низкого; $U = 311$, $p \leq 0,001$ для равного статуса). В условиях равного статуса они игнорировали дифференцирующую дистрибутивную справедливость – распределение по способностям ($U = 650,5$, $p \leq 0,05$ для равного; $U = 320$, $p \leq 0,001$ для низкого статуса) и процедурную справедливость как равенство прав – однообразие процедуры ($U = 838$, $p > 0,05$ для равного статуса, $U = 703,5$, $p \leq 0,05$ для низкого статуса).

Вместе с тем информационная и межличностная справедливость носили универсальный характер: их важность не зависела ни от близости отношений между участниками, ни от их статуса.

Таким образом, результаты наших исследований несколько разошлись с первоначальными предположениями. С одной стороны, они показали, что при дистантном взаимодействии и относительно низком статусе участников возрастает роль дифференцирующей дистрибутивной справедливости и равенства прав, а при близком – недифференцирующей дистрибутивной справедливости. Однако они не позволили выявить никаких устойчивых тенденций, связанных с информационной и межличностной справедливостью, а также с возможностью контроля. Это говорит о серьезных ограничениях ситуационного «фильтра», что, возможно, объясняется неоднозначной связью параметров ситуации с целями участников, по крайней мере, на эксплицитном уровне, который изучался в описанных выше исследованиях.

Значения и компоненты справедливости: роль в регуляции взаимодействия

Благодаря влиянию на общую оценку, приоритетные значения и компоненты справедливости регулируют социальное взаимодействие – определяют содержание установок и поведение участников. Другими словами, окончательные суждения и поступки человека во многом зависят от выбранных значений справедливости.

Учитывая доминирующую роль дифференцирующей дистрибутивной справедливости, речь о которой шла в предыдущем параграфе, можно предположить, что она предсказывает реакции всех участников взаимодействия. У людей, которые стараются получить личное вознаграждение и считают возможным достичь этой цели, основное влияние на установки и поведение оказывают информационная справедливость, а также процедурная справедливость как возможность контроля и равенства прав. В то же время установки и поведение человека, который стремится сохранить хорошие отношения с окружающими и группу в целом, определяются межличностной и недифференцирующей дистрибутивной справедливостью.

Это воздействие может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Как правило, психологи изучают влияние общей оценки справедливости на хорошо осознаваемые установки и поведение. В то же время прогресс, достигнутый при изучении имплицитных психологических образований, позволяет предположить, что это воздействие может плохо осознаваться человеком. Результаты некоторых эмпирических исследований подтверждают эту точку зрения (Johnson, Steinman, 2009).

Возникает вопрос: в какой степени хорошо осознаваемое влияние соответствует плохо осознаваемому? В ходе имплицитного воздействия может увеличиваться роль скрытых значений справедливости, например возможности контроля, и уменьшаться роль явных, в том числе равенства позиций.

Для изучения имплицитного влияния оценки справедливости и его зависимости от индивидуальных характеристик участников взаимодействия (личностный «фильтр») мы провели специальное исследование, процедура которого была описана в четвертой главе. Принявшие в нем участие сотрудники разных организаций не только заполняли методику Колкитта, опросники Ромека, Мехрабиана и Шварца, но также оценивали свое отношение к коллегам, руководителю и организации в целом с помощью цветового теста отношений (Гулевич, Спиридонов, Безменова, Умеренкова, в печати; Спиридонов, Гулевич, Безменова, 2010).

Этот тест построен по принципу ассоциативного эксперимента. Участники исследования получали восемь цветных карточек из методики Люшера и набор понятий. В данном случае мы использовали одиннадцать понятий, связанных с жизнью организации, из которых наибольший интерес для нас представляли термины «мои коллеги»

(«мои однокурсники»), «мой руководитель» («мои преподаватели») и «моя организация/университет» (название организации), отражающие различные аспекты организационной жизни. При их выборе мы руководствовались результатами предыдущих исследований, проведенных с помощью этой методики.

Выполняя задание, респонденты ассоциировали каждое понятие с каким-либо из представленных цветов. После этого они оценивали привлекательность каждого из них. Показателем отношения к организации являлся ранг цвета, который, по мнению участников, соответствовал каждому ключевому понятию.

Данная методика относится к числу косвенных способов измерения отношения к социальным объектам, позволяющих выявить имплицитные аттитуды. Ее применение было связано с тем, что наше исследование совпало с началом экономического кризиса. В условиях массового увольнения сотрудники, сохранившие рабочие места, вряд ли стали бы честно отвечать на прямые вопросы более традиционных – эксплицитных – методик.

Обработка результатов проводилась следующим образом. Сначала был проведен линейный регрессионный анализ, независимыми переменными в котором были разные измерения организационной справедливости, а зависимыми – ранг цвета, с которым респонденты ассоциировали каждое из трех ключевых понятий. Затем респонденты делились на группы с низким (ниже медианного) и высоким (выше медианного) значением по самооэффективности, самовозвышению, самотрансцендентности и мотивации достижения. После этого процедура подсчета повторялась для каждой из подгрупп.

Результаты данного исследования продемонстрировали, что общая оценка справедливости организационного взаимодействия связана с отношением человека к коллегам, руководителю и организации. Однако основную роль в этом процессе играют дифференцирующая дистрибутивная справедливость и процедурная справедливость как возможность контроля.

В частности, более позитивное отношение демонстрируют те сотрудники, которые считают, что при вынесении решений учитываются их профессионально важные качества: объем проделанной работы, приложенные усилия, способности и знания. Чем выше человек оценивает дистрибутивную справедливость, тем более высокую оценку он дает коллегам ($\beta = 0,211$, $t = 3,596$, $p < 0,001$),

руководителю ($\beta = 0,164$, $t = 2,799$, $p < 0,01$) и организации в целом ($\beta = 0,319$, $t = 5,623$, $p < 0,001$).

В то же время влияние контроля не столь однозначно. В частности, возможность оказать влияние на процесс и результат взаимодействия, а также оспорить его улучшают отношение сотрудников к руководителю ($\beta = 0,175$, $t = 2,994$, $p < 0,01$), но в то же время ухудшают к коллегам ($\beta = -0,138$, $t = 2,354$, $p < 0,05$) и организации в целом ($\beta = -0,180$, $t = 3,172$, $p < 0,01$).

Однако связь между справедливостью организационного взаимодействия и оценками сотрудников опосредована самооэффективностью и мотивацией достижения.

Люди с низкой самооэффективностью придают меньшее значение справедливости, чем люди с высокой. Оценивая руководителя, они принимают во внимание межличностную справедливость ($\beta = 0,187$, $t = 2,097$, $p < 0,05$), а организацию – информационную ($\beta = 0,236$, $t = 2,679$, $p < 0,01$). В то же время люди с высокой самооэффективностью ориентируются прежде всего на дифференцирующую дистрибутивную справедливость и процедурную как наличие контроля. Они используют их при оценке коллег ($\beta = 0,206$, $t = 2,361$, $p < 0,05$ и $\beta = -0,186$, $t = -2,314$, $p < 0,05$), руководителя ($\beta = 0,170$, $t = 2,078$, $p < 0,05$ и $\beta = 0,213$, $t = 2,600$, $p < 0,01$) организации в целом ($\beta = 0,368$, $t = 4,718$, $p < 0,001$ и $\beta = -0,226$, $t = -2,893$, $p < 0,01$). Это означает, что люди с высокой самооэффективностью дают более позитивную оценку коллегам, руководителю и организации в целом, если в ходе вынесения решения были учтены их заслуги и способности. Что касается процедурной справедливости как возможности контроля, то его наличие увеличивает оценку руководителя, но уменьшает оценку организации и коллег.

Кроме самооэффективности влияние справедливости на оценку организации опосредует мотивация достижения. В целом справедливость лучше предсказывает оценки людей с низкой мотивацией достижения. Они придают большое значение дифференцирующей дистрибутивной и межличностной справедливости, а также возможности контроля. В частности, отношение к коллегам предсказывает межличностная ($\beta = 0,334$, $t = 4,058$, $p < 0,001$) и процедурная как возможность контроля ($\beta = -0,296$, $t = -3,590$, $p < 0,001$), к руководителю – процедурная ($\beta = 0,318$, $t = 3,788$, $p < 0,001$) и дистрибутивная ($\beta = 0,209$, $t = 2,485$, $p < 0,05$), к организации – дистрибутивная ($\beta = 0,270$, $t = 3,002$, $p < 0,01$), процедурная ($\beta = -0,176$,

$t = -2,216$, $p < 0,05$) и межличностная ($\beta = 0,289$, $t = 3,202$, $p < 0,01$) справедливость. Чем выше такие люди оценивают межличностную и дистрибутивную справедливость как распределение по заслугам, тем лучше они относятся к различным сторонам организационной жизни. Что касается возможности контроля, то она оказывает позитивное влияние на оценку руководителя и негативное – коллег и организации. В то же время люди с высокой мотивацией достижения при оценке руководителя и организации опираются прежде всего на дистрибутивную справедливость ($\beta = 0,181$, $t = 2,243$, $p < 0,05$ и $\beta = 0,210$, $t = 2,622$, $p < 0,01$).

Таким образом, результаты данного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, оценка справедливости организационного взаимодействия связана с имплицитным отношением к организации. Причем разные компоненты оказывают разное воздействие.

Соблюдение дифференцирующей дистрибутивной справедливости улучшает отношение сотрудников к непосредственному начальнику, коллегам и организации в целом. Это происходит постольку, поскольку она дает людям ощущение предсказуемости и безопасности.

Влияние контролируемости противоречит результатам зарубежных исследований (см. главу 3). Соблюдение трех норм – контроля за результатом, права голоса и возможности апелляции – оказывает позитивное влияние лишь на отношение к руководителю. Вероятно, это происходит по причине того, что он рассматривается как представитель власти, от которого зависит профессиональная судьба сотрудника. Возможность контроля предоставляет сотруднику большую свободу, в результате уменьшая сопротивление и улучшая отношение к нему.

В то же время она ухудшает отношение к равностатусным коллегам и организации в целом. Вероятно, имея власть над ситуацией, человек не заинтересован в их поддержке и установлении хороших отношений с ними. Это заключение соответствует наметившейся в России тенденции: стремлению к власти и богатству, которое не связано с творчеством и хорошим отношением к другим людям (Лебедева, Татарко, 2009).

Во-вторых, важность аспектов справедливости зависит от психологических характеристик сотрудников, связанных с оценкой своих возможностей и постановкой целей. В целом люди с высокой

самоэффективностью придают большее значение дистрибутивной справедливости и возможности контроля, но меньшее – межличностной справедливости, чем люди с низкой. Воздействие высокой мотивации достижения носит аналогичный характер за исключением параметра контролируемости, влияние которого требует дополнительных исследований.

Итак, результаты описанных выше исследований дают возможность сделать несколько **основных выводов**.

1. Российские респонденты понимают справедливость, прежде всего, как определенный способ распределения ресурсов, обращая меньшее внимание на процессуальный аспект взаимодействия. Люди вспоминают о нем только при наличии специальной просьбы со стороны исследователя. Таким образом, дистрибутивная справедливость является первым параметром, на который опираются российские участники при оценке происходящего.
2. Из двух пониманий справедливости, связанных с результатом взаимодействия, главную роль играет «воздаяние по заслугам» и соответствующие ей дифференцирующие нормы. В нашей стране этот компонент носит универсальный характер. Вероятно, это связано с господствующими в России ценностями. В настоящее время в нашей стране ценности выживания доминируют над ценностями самовыражения (по Р. Инглхарту), что означает стремление к физической и экономической безопасности (Лебедева, Татарко, 2009). Соблюдение дифференцирующей дистрибутивной справедливости дает людям возможность предсказать свое положение. Таким образом, она является одним из основных гарантов безопасности.
3. Важность остальных пониманий справедливости определяется воздействием «фильтров», которые затрагивают как явные, так и скрытые значения и нормы, увеличивая или уменьшая степень их влияния.
4. Разные «фильтры» взаимодействуют между собой. Их воздействие осуществляется за счет двух механизмов. Социетальный и групповой барьеры оказывают влияние на социальную желательность значений и норм справедливости, а личностный и ситуационный – на цель общения и оценку вероятности ее достижения.

Наиболее универсальным является социетальный «фильтр», оказывающий влияние на социальную желательность тех или иных пониманий справедливости: его воздействию подвергаются самые разные представители культуры. В мультикультурных образованиях его роль частично ограничивается самокатегоризацией человека как представителя данной общности и идентификацией с ней. Это объясняется тем, что разные культуры предлагают альтернативные понимания справедливости. Сталкиваясь с конкуренцией между ними, человек получает некоторую свободу выбора. Однако в сообществах, гомогенных по культурному признаку, подобные ограничения отсутствуют. В целом социетальный «фильтр» задает основной спектр пониманий справедливости, которые затем подвергаются воздействию трех остальных барьеров.

Групповой «фильтр», механизм воздействия которого идентичен механизму социетального, отличается от него меньшим радиусом действия. Его роль возрастает в том случае, когда участники взаимодействия причисляют себя к социальной группе: самокатегоризуются в нее и идентифицируются с ней. В этом случае распространенные в группе представления и нормы определяют доминирование отдельных пониманий справедливости.

Однако социальная желательность значений и норм комбинируется с их полезностью для человека, возможностью достичь с их помощью поставленных целей. Степень «полезности» определяется личностным и ситуационным «фильтрами».

Несмотря на достигнутые результаты, проблема «фильтров» справедливости нуждается в **дальнейшем изучении**.

Во-первых, дополнительного исследования требует содержание группового, личностного и ситуационного «фильтров», характеристик референтной группы, личности и ситуации взаимодействия, оказывающих влияние на предпочтение отдельных пониманий справедливости. Особый интерес вызывает роль групп-категорий – возраста, образования, профессии и т. д.

Во-вторых, пристального внимания заслуживает вопрос о том, в какой степени влияние описанных выше «фильтров» зависит от ценности для человека справедливости как таковой. Можно предположить, что чем больше человек ценит справедливость вообще, тем меньшее влияние на его суждения оказывают групповой, личностный и ситуационный «фильтры», поскольку он имеет четко определенное представление об этом параметре взаимодействия.

В-третьих, большой интерес вызывает степень и характер их воздействия на явные понимания справедливости, с одной стороны, и на скрытые, с другой. Результаты исследований, проведенных для изучения этой проблемы, позволяют продемонстрировать воздействие «фильтров» преимущественно на выбор эксплицитных значений и норм в ущерб имплицитным. Однако можно предположить, что они оказывают разное влияние на хорошо и плохо осознаваемые понимания справедливости.

И наконец, в-четвертых, в дополнительном изучении нуждается степень, в которой скрытые и явные понимания справедливости выполняют регулятивную функцию, а также направления их воздействия на плохо осознаваемые аттитюды и поведение участников.

Глава 6

Справедливость в межгрупповых отношениях

Роль различных значений и соответствующих им норм справедливости ярко проявляется при оценке межличностного взаимодействия. Другими словами, человек ориентируется на их соблюдение в том случае, когда воспринимает партнера по общению как уникальную личность, обращает внимание на его индивидуальные характеристики, испытывает по отношению к нему социальные эмоции и на их основе выбирает стиль взаимодействия (таблица 9).

Таблица 9

Различие между межличностными и межгрупповыми отношениями

	Межличностные отношения	Межгрупповые отношения
Аттитюды к участникам взаимодействия	Партнер воспринимается как уникальная личность	Партнер воспринимается как представитель социальной группы
Я-концепция	Человек воспринимает себя как уникальную личность	Человек воспринимает себя как члена социальной группы и признает ее важную роль в своей жизни
Эмоции к партнеру	Эмоциональное отношение к партнеру связано с его характеристиками	Партнер вызывает такие же эмоции, как группа, к которой он принадлежит
Поведение к партнеру	Стиль взаимодействия с партнером определяется его особенностями	Стиль взаимодействия с партнером зависит от его групповой принадлежности

Вступая в межгрупповые отношения, человек выступает от имени социальной группы, категоризируется в нее и идентифицируется с ней. Как следствие, при восприятии партнера он ориентируется на его

групповую принадлежность, испытывает к нему такие же эмоции и демонстрирует такой же стиль поведения, как к другим представителям его группы. Иными словами, межгрупповые отношения опосредуются самокатегоризацией и ингрупповой идентификацией участников. Как это отражается на восприятии справедливости, ее влиянии на аттитюды и поведение участников?

Мир как поле конкуренции: конфликтность межгруппового общения

Интерес к психологии межгрупповых отношений возник в начале XX в. Он был связан с конфликтным характером межгруппового взаимодействия и разрушительными последствиями, к которым оно приводит. Проведенные впоследствии эмпирические исследования подтвердили идею о том, что межгрупповое общение носит преимущественно конкурентный характер. Кооперация между представителями разных групп является скорее исключением, чем правилом, и возникает, когда участники воспринимают себя как представителей одной группы (модель рекатегоризации) или игнорируют групповую принадлежность друг друга (модель декатегоризации).

В настоящее время существует два основных подхода к объяснению этой закономерности (Wildschut, Insko, 2007). Сторонники первого подхода полагают, что межгрупповая конкуренция порождается желанием участников достичь собственных целей и сохранить группу. При межгрупповом взаимодействии возникает деперсонализация: человек «растворяется» в группе, перестает обращать внимание на социальные нормы и снимает с себя ответственность за свои действия. Группа-соперник, благодаря своему размеру, воспринимается как враждебная и опасная, и, как следствие, вызывает тревогу. В этих условиях конкуренция кажется единственным средством защиты своих интересов. Она усиливается социальной поддержкой, которую активные участники получают со стороны одногруппников. Сторонники второго подхода считают, что межгрупповая конкуренция является следствием группового принятия решений. По их мнению, группы лучше понимают правила взаимодействия, в соответствии с которыми защита своих интересов требует от человека активных действий, делают более точные прогнозы относительно поведения оппонентов или просто принимают более экстремальные решения.

Основным показателем межгрупповой конкуренции (или межгруппового конфликта) является межгрупповая дифференциация – различие в отношении к представителям ин- и аутгруппы. Классический вариант межгрупповой дифференциации включает в себя ингрупповую фаворитизм (предпочтение ингруппы) и аутгрупповую дискриминацию (отвержение аутгруппы), которые могут возникать как одновременно, так и отдельно друг от друга (Buhl, 1999; Otten, 2002; Pettigrew, Meertens, 1995; Rutland et al., 2007).

В последнее время сформировалось два основных подхода к пониманию взаимосвязи между межгрупповой дифференциацией и справедливостью.

Сторонники первого считают несправедливым любое различие в оценке групп. В рамках этого подхода ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация употребляются как синонимы несправедливого обращения. В его основе лежит представление о справедливости как о равенстве позиций и воздаянии по заслугам. На этом фоне несправедливым является любое решение, основанное на групповой принадлежности человека, а не его личных достижениях, ущемляющее права членов одной группы в пользу другой.

Сторонники второго подхода предлагают иное решение: они рассматривают справедливость как один из параметров межгрупповой дифференциации. Рассмотрим эти подходы более подробно.

Межгрупповая дифференциация как форма несправедливого обращения

Приравнивание несправедливости к межгрупповой дифференциации существенно расширяет понимание этого феномена. В этом случае для объяснения несправедливости могут быть привлечены все основные теории межгрупповых конфликтов.

Сторонники теорий индивидуального уровня полагают, что к межгрупповой дифференциации склонны люди, обладающие определенными психологическими особенностями. Согласно теории фрустрации-агрессии, к ним относятся те, кто находится в состоянии серьезной и долговременной фрустрации. В соответствии с теорией авторитарной личности, основными действующими лицами становятся люди, некритически поклоняющиеся власти, принимающие наиболее распространенные в обществе ценности и презирающие непохожих на себя.

По мнению сторонников «групповых» теорий, межгрупповая дифференциация порождается принадлежностью людей к социальной группе. Согласно теории реального конфликта, ее причиной является противоречие интересов разных групп. В соответствии с теорией социальной идентичности, межгрупповая дифференциация порождается желанием человека стать членом позитивно оцениваемой группы и, как следствие, защитить имеющуюся у него социальную идентичность. С позиции теории самокатегоризации, межгрупповая дифференциация является результатом классификации людей на основании их групповой принадлежности.

И наконец, сторонники теорий «общественного» уровня, прежде всего социального доминирования, полагают, что межгрупповая дифференциация является закономерным следствием иерархической структуры общества и ее оправдания.

На первый взгляд, эти теории существенно отличаются от описанных выше моделей справедливости. В то же время в их основе лежат одни и те же представления о человеке. Так, теории фрустрации-агрессии и реального конфликта объясняют действия «эгоиста», стремящегося к достижению личных целей; концепции авторитарной личности, социальной идентичности и социального доминирования – человека, который ценит свою принадлежность к социальной группе; теория социальной категоризации – субъекта познания, который стремится к когнитивному балансу.

Однако подробный анализ этих теорий нивелирует специфику феномена справедливости. Чтобы избежать этого, мы лишь кратко остановимся на межгрупповой дифференциации, а затем перейдем к описанию второго – более узкого подхода.

Общее представление о межгрупповой дифференциации

Современные исследования показывают, что межгрупповая дифференциация – это неизбежный спутник межгруппового общения. Она возникает, когда в поле зрения человека попадают представители разных групп, что приводит к актуализации социальной идентичности.

Межгрупповая дифференциация проявляется на трех уровнях – когнитивном, аффективном и поведенческом (Гулевич, 2007, 2008в, д; Гулевич, Онучин, 2002).

В первом случае речь идет о приписывании членам ин- и аут-группы разных психологических особенностей, различной атрибуции их поступков и отношения к их действиям. Так, представителям ингруппы приписывается большая выраженность социально-желательных, специфически человеческих характеристик и большая – социально-нежелательных особенностей, роднящих человека с животными или машинами (дегуманизация аутгруппы). Выступление члена ингруппы, критикующего ее, вызывает более позитивную реакцию, чем аналогичное выступление представителя аутгруппы. Удачи представителей ингруппы чаще объясняются внутренними причинами, а неудачи – внешним, чем аналогичный исход для членов аутгруппы и т. д.

Во втором случае межгрупповая дифференциация проявляется в эмоциях, которые человек испытывает по отношению к членам своей и чужой группы. Представители ингруппы вызывают преимущественно позитивные эмоции, а аутгруппы – негативные (гнев, страх, отвращение и презрение).

И наконец, поведенческий уровень межгрупповой дифференциации включает в себя большее доверие партнеру по взаимодействию, который является членом ингруппы, по сравнению с аутгруппой, более частое обсуждение с ним личных проблем, выделение ему большего вознаграждения и менее серьезное наказание, а также более частое оказание помощи и кооперация усилий.

Распространенность и разнообразие форм межгрупповой дифференциации связано с тем, что она выполняет важные психологические функции (Гулевич, 2008в, д):

- *Функция познания:* межгрупповая дифференциация является способом познания и классификации социальных объектов, она позволяет человеку структурировать свои представления о мире. Эта функция отражена в теории самокатегоризации. Именно поэтому межгрупповая дифференциация осуществляется в условиях недостатка индивидуальной информации о членах группы и текущей ситуации (неопределенность Я-концепции, «образа другого» и смысла происходящих событий). При этом ее демонстрируют когнитивно ригидные люди, которые работают в условиях лимита времени и не заинтересованы в вынесении точного суждения.

- *Функция эго-защиты:* межгрупповая дифференциация позволяет человеку повысить свою самооценку, сохранить социальную идентичность и улучшить эмоциональное состояние. Эта функция отражена в теории фрустрации-агрессии, социальной идентичности и оправдания социальной системы. Так, межгрупповую дифференциацию осуществляют люди с хорошо сформированной социальной идентичностью (члены сплоченных групп с сильной ингрупповой идентификацией), которая нуждается в защите, и делают это способом, который позволяет повысить групповой статус и сохранить членство в ингруппе.
- *Инструментальная функция:* межгрупповая дифференциация способствует объединению группы и достижению групповых целей. Эта функция описана в теории реального конфликта. В частности, межгрупповая дифференциация возрастает в условиях межгрупповой конкуренции: противоречия целей ин- и аутгруппы, их независимости друг от друга, недостатка ингрупповых ресурсов.
- *Идеологизирующая функция:* межгрупповая дифференциация позволяет сохранить идеологию группы и систему властных отношений в обществе. Важность этой функции следует из теорий авторитарной личности, социальной идентичности и социального доминирования. Так, межгрупповую дифференциацию усиливают ценности и установки, оправдывающие существование власти и доминирования (авторитаризм, ориентация на социальное доминирование, политический консерватизм, неприятие равенства и вера в существование единственно правильной системы морали).

Повышенное внимание к межгрупповой дифференциации связано с тем влиянием, которое она оказывает на участников межгруппового взаимодействия. Это, в первую очередь, касается аутгрупповой дискриминации.

Последствия аутгрупповой дискриминации

Влияние аутгрупповой дискриминации распространяется на всех участников общения, начиная с жертвы и заканчивая ее виновником. Общий принцип подобного воздействия уже был описан в третьей

главе: представления о членах группы и их оценка влияют на эмоциональное состояние участников, которое, в свою очередь, вызывает соответствующее поведение.

Наибольший ущерб аутгрупповая дискриминация наносит *жертве*. Однако ее влияние имеет опосредованный характер (Major et al., 2003; Stangor et al., 2003) и осуществляется в четыре этапа.

Первый этап – опознание дискриминации. Несправедливость, вызванная аутгрупповой дискриминацией, не всегда замечается окружающими – ее жертвами и сторонними наблюдателями, – и не всегда вызывает отклик с их стороны. Если жертва «не видит» дискриминацию, она может оказать только непосредственное влияние: например, человека не примут на работу. В противном случае процесс продолжается.

Второй этап – оценка несправедливости, вызванной дискриминацией. В ходе него жертва производит первичную (угрожает ли дискриминация важным для нее целям и ценностям) и вторичную (способна ли она исправить положение) оценку.

В зависимости от этого на третьем этапе она выбирает копинг-стратегию для совладания со своими переживаниями.

В результате на четвертом этапе у жертвы формируется определенная самооценка, возникают эмоции, устанавливается уровень психологического благополучия. Опасность аутгрупповой дискриминации связана с тем, что она снижает психологическое благополучие жертвы, изменяет ее Я-концепцию, в первую очередь, понижает самооценку (Дьяконов, Бутовская, 2003; Fischer, Holz, 2007; Gonsalkorale, Williams, 2007; Leonardelli, Tormala, 2003; Major et al., 2007; Moradi, Hasan, 2004). В результате она способствует возникновению негативных эмоций – тревоги, страха и стыда за свое положение (Gonsalkorale, Williams, 2007; Tropp, 2003), раздражения и гнева по отношению к виновнику (Sassenberg, Hansen, 2007), а также снижению удовлетворенности жизнью, росту стресса и депрессии (Дьяконов, Бутовская, 2003; Fischer, Holz, 2007; Garstka et al., 2004; Jasinskaja-Lahni et al., 2006; Jasinskaja-Lahni, Liebkind, Perhoniemi, 2006; Major et al., 2003; Mickelson, 2001; Pernice, Brook, 1996; Schmitt, Spears, Branscombe, 2003).

И наконец, пятый этап – выбор стратегии восстановления справедливости, который осуществляется с учетом психологического состояния жертв и текущей ситуации. Делая выбор, жертва пытается найти ответ на три вопроса: стоит ли обнародовать факт дискрими-

нации (Stangor et al., 2003)? Нужно ли оказывать противодействие виновнику (Wright, Luus, Christie, 1990)? Стоит ли дистанцироваться от группы, например изменяя свой внешний вид или поведение (Hopkins et al., 2007; Kaiser, Miller, 2001). Раздражение и гнев вызывают активное сопротивление, а остальные эмоции – пассивное поведение или изменение стратегии самопрезентации. Однако достаточно часто жертвы испытывают различные эмоции, поэтому стыд может нейтрализовать гнев (Matheson, Anisman, 2009).

Кроме жертвы, аутгрупповая дискриминация сказывается на ее *свидетелях и виновниках*. Существует три основных варианта реагирования на несправедливое обращение.

В первом случае человек не признает ответственности жертвы за то бедственное положение, в котором она оказалась (Burkard, Knox, 2004) и дает ей более позитивную оценку, чем виновнику (Elkins, Phillips, 1999; Garcia et al., 2005). В этих условиях жертва вызывает симпатию, а виновник – гнев (Brown, Wohl, Exline, 2008; Licke et al., 2006). Как следствие, человек демонстрирует готовность вступить во взаимодействие с жертвой (Esses, Dovidio, 2002) и оказать ей помощь (Iyer, Leach, 2008; Leach, Iyer, Pedersen, 2006; Swim, Miller, 1999). Как правило, по этому пути идет свидетель, не чувствующий личной ответственности за дискриминацию или являющийся близким для жертвы человеком (например, одноклассником).

Во втором случае внешняя атрибуция положения жертвы и позитивное отношение к ней вызывают чувство индивидуальной или коллективной вины, которая толкает человека на общение с ней и оказание помощи. Этим путем идут виновники дискриминации, которые считают свои действия нелегитимными и приписывают себе ответственность за то бедственное положение, в котором оказалась жертва; сталкиваются с человеком, которому был нанесен заметный, но не очень серьезный ущерб; ведущим себя пассивно и не выдвигающим серьезных компенсационных требований.

И наконец, третий путь характерен для свидетелей и виновников, которые признают свою ответственность за дискриминацию, но оправдывают свои действия, объясняя их особенностями жертвы и давая ей негативную оценку (Castano, Giner-Sorolla, 2006). Ощущение легитимности происходящего вызывает гордость за свое поведение или гнев в отношении жертвы, вследствие которых человек избегает общения с ней или стремится нанести ущерб. Этим путем

идут люди, сталкивающиеся с человеком, которому был нанесен очень серьезный ущерб, ведущим себя очень активно и требующим значительной компенсации.

Таким образом, в межгрупповых отношениях несправедливость происходящего вызывает разную реакцию, которая во многом зависит от доминирующих в обществе социальных норм, положения виновника и жертвы его действий.

Стоит отметить, что описанный выше процесс оценки подобен тому, который проводят участники межличностного общения. Однако, в отличие от межгрупповых, в межличностных отношениях третий вариант развития событий встречается относительно редко.

Справедливость как измерение межгрупповой дифференциации

Кто справедливее: «мы» или «они»?

Более узкое понимание роли справедливости в межгрупповых отношениях предлагают сторонники другого подхода. В данном случае она рассматривается как один из параметров межгрупповой дифференциации, составляющая когнитивного компонента.

Речь в данном случае идет о том, что члены ингруппы получают более высокую оценку по параметру справедливости, чем представители аутгруппы. Например, социально-психологические исследования показывают, что люди воспринимают членов ингруппы как более справедливых, чем представителей аутгруппы (Farwell, Weiner, 1996; Lind, Tyler, 1988), ожидают от них соблюдения норм справедливости (Wenzel, 2004), но при этом более позитивно оценивают их действия, вне зависимости от того, какую норму они используют (Platow et al., 1995). Таким образом, зарубежные эксперименты демонстрируют, что, оценивая справедливость членов разных групп, люди демонстрируют ингрупповой фаворитизм. Возникает вопрос: насколько сильно в этой области проявляется аутгрупповая дискриминация и какие нормы она затрагивает?

Для изучения этой проблемы мы провели двухэтапное исследование (Гулевич, 2008в), в котором приняли участие 144 абитуриента и студента Российского государственного гуманитарного университета, обучающихся на разных факультетах.

Основным *методом* было анкетирование. На первом этапе участники заполняли анкету, включающую в себя три вопроса – один вводный и два основных. В данном случае интерес представляют первый и третий вопросы. Вначале респонденты выбирали группу; в зависимости от инструкции это была ин- или аутгруппа. После этого они должны были оценить вероятность, с которой ее представитель, принимая решение, затрагивающее интересы респондента, будет следовать 14 нормам справедливости. Участники второго этапа заполняли аналогичную анкету, но при этом оценивали вероятность нарушения вышеперечисленных норм. В первом случае измерялся ингрупповой фаворитизм, а во втором – аутгрупповая дискриминация.

Обработка результатов производилась с помощью критерия U Манна–Уитни, при этом сравнивалась вероятность соблюдения (на первом этапе)/нарушения (на втором этапе) норм справедливости членами ин- и аутгруппы.

Результаты первого этапа исследования подтвердили предположение о том, что люди ожидают большей справедливости от представителей ингруппы по сравнению с членами аутгруппы. По мнению респондентов, принимая решение, затрагивающее их интересы, представители ингруппы будут чаще соблюдать 7 из 14 норм: распределения по усилиям ($U = 457,5, p \leq 0,01$), потребностям ($U = 495, p \leq 0,05$) и способностям ($U = 485,5, p \leq 0,05$), возможности контроля за процессом ($U = 390, p \leq 0,001$), точности и полноты информации ($U = 491, p \leq 0,05$), а также уважения ($U = 420,5, p \leq 0,01$) и честности ($U = 480,5, p \leq 0,05$).

Результаты второго этапа исследования оказались более впечатляющими. Они показали, что от представителей ингруппы ожидается меньшее нарушение норм справедливости по сравнению с представителями аутгруппы. В данном случае различия проявились в оценке соблюдения двенадцати из четырнадцати норм: беспристрастности ($U = 396,5, p \leq 0,001$), распределения по усилиям ($U = 483,5, p \leq 0,05$), способностям ($U = 390,5, p \leq 0,001$), потребностям ($U = 271, p \leq 0,001$) и позитивности ($U = 291,5, p \leq 0,001$); возможности контроля за процессом ($U = 530, p \leq 0,05$) и результатом ($U = 533, p \leq 0,05$), коррекции ($U = 496, p \leq 0,05$), точности и полноты информации ($U = 396, p \leq 0,001$); уважения ($U = 496, p \leq 0,05$), честности ($U = 382,65, p \leq 0,001$) и предварительного информирования ($U = 392, p \leq 0,001$). Исключение составили нормы однообразия и нейтрализации предубеждений.

Таким образом, полученные результаты означают, что, оценивая справедливость членов разных групп, люди демонстрируют как ингрупповой фаворитизм, так и аутгрупповую дискриминацию. Они не только считают представителей ингруппы более справедливыми, но также приписывают членам аутгруппы большую несправедливость. В последнем случае речь идет о специфической форме межгрупповой дифференциации – дегуманизации, под которой понимается отказ приписывать человеку или социальной группе те характеристики, которые считаются специфически человеческими (Bourhis, Leyens, 1994; Viki, Calitri, 2008).

Выделяют две основные формы дегуманизации (Haslam et al., 2008). Первая – дегуманизация до уровня животных, при которой членам аутгруппы не приписывают те характеристики, которые отличают человека от животных (вежливость, изящество, следование моральным нормам, рациональность, зрелость), наделяя их противоположными особенностями. Вторая форма – это дегуманизация до уровня машин, при которой представителям аутгруппы приписываются такие характеристики, как нечувствительность, холодность, ригидность, пассивность и поверхностность. Аутгрупповая дискриминация по параметру справедливости говорит прежде всего о дегуманизации до уровня животных.

Причем эта закономерность затрагивает самые разные нормы, за исключением процедурной справедливости как равенства прав, что еще раз говорит об исключительно эксплицитном характере этого понимания.

«Свои» и «чужие»: кто достоин справедливости?

Оценка членов разных групп – это не единственная форма межгрупповой дифференциации в сфере справедливости. Второй формой является использование норм справедливости при вынесении решения. При их выборе люди чаще демонстрируют ингрупповой фаворитизм и аутгрупповую дискриминацию. В частности, они:

- Чаще стремятся получить личное вознаграждение, когда имеют дело с представителем аутгруппы по сравнению с ингруппой. Так, оценивая действия «чужого» руководителя, люди обращают большее внимание на позитивность результата, а не процесса взаимодействия. Процедурная справедливость

учитывается лишь в том случае, когда результат неоднозначен. Однако при общении со «своим» руководителем они уделяют большое внимание справедливости процесса (Stahl, Van Prooijen, Vermunt, 2004).

- Считают справедливым выделить себе и представителю ингруппы большее вознаграждение, чем члену аутгруппы (Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002; Wenzel, 2004). Как следствие, если в межличностном взаимодействии справедливый человек оценивается более позитивно, чем несправедливый, то в межгрупповом общении происходит наоборот: более высокую оценку получает тот, кто нарушает нормы справедливости в пользу члена ингруппы (Platow et al., 1995).
- При общении с членами ингруппы чаще используют недифференцирующие (Sabbagh, Golden, 2007) или специфичные для нее нормы справедливости (Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002), чем при общении с представителем аутгруппы. Эта тенденция особенно ярко проявляется у представителей коллективистских культур (Sabbagh, Golden, 2007).

Как и в предыдущем случае, возникает вопрос: можно ли говорить об аутгрупповой дискриминации и какие нормы подвергаются наибольшему искажению.

Эта проблема изучалась в ходе двухэтапного исследования, которое было описано выше (Гулевич, 2008в). Сначала его участники выбирали ин- или аутгруппу. Затем, отвечая на второй вопрос, они представляли, что принимают решение, затрагивающее интересы ее члена, и оценивали справедливость нарушения (на первом этапе) или соблюдения (на втором этапе) 14 норм. В первом случае речь шла об аутгрупповой дискриминации, а во втором – об ингрупповом фаворитизме.

Результаты первого этапа исследования продемонстрировали отсутствие межгрупповой дифференциации при оценке справедливости нарушения норм. Исключение составляла лишь норма распределения по позитивности, нарушение которой признавалось менее справедливым в отношении членов ингруппы ($U = 564,0$, $p < 0,05$).

Однако на втором этапе исследования были получены иные результаты. По мнению людей, соблюдение 6 из 14 норм справедливости в отношении ингруппы является более справедливым, чем в отношении аутгруппы. К ним относятся нормы распределе-

ния по потребностям ($U = 481,0$, $p < 0,05$) и позитивности ($U = 451$, $p < 0,01$), контроля за результатом ($U = 395,5$, $p < 0,001$), а также уважения ($U = 542,0$, $p < 0,05$), честности ($U = 526,5$, $p < 0,05$) и предварительного информирования¹ ($U = 448,5$, $p < 0,01$).

Таким образом, оценивая справедливость соблюдения различных норм, люди демонстрируют ингрупповой фаворитизм: предпочитают следовать им в отношении членов ингруппы по сравнению с членами аутгруппы. Интересно, что это различие касается в основном принципов, связанных с позитивным отношением и уважением к людям (информационная, межличностная и недифференцирующая дистрибутивная справедливость).

Вместе с тем нормы, учитывающие личный вклад человека в деятельность (беспристрастность, распределение по усилиям и способностям), а также предписывающие равное отношение ко всем участникам взаимодействия и гарантирующие им право голоса (контроль за процессом, коррекция, нейтрализации предубеждений, однообразие), признаются одинаково важными вне зависимости от групповой принадлежности партнера. Кроме того, одна из таких норм – точность и полнота информации – оценивается как более важная при взаимодействии с членом аутгруппы. Исключение составляет контроль за результатом.

Эти данные соответствуют сведениям, полученным в зарубежных исследованиях, показавших, что при распределении денег между «своими» и «чужими» люди выделяют большее вознаграждение членам аутгруппы, если поощряют их продуктивность, но при этом дают больше денег члену ингруппы, когда имеют дело с нуждающимся человеком. Кроме того, при вознаграждении «чужих» они чаще используют норму беспристрастности (McGillicuddy–De Lisi, Daly, Neal, 2006).

Таким образом, по мнению людей, члены ингруппы должны обладать такими же (а иногда и меньшими) правами и возможностями, как и члены аутгруппы, но заслуживают более индивидуализированного и уважительного отношения. Вероятно, это связано с основной целью взаимодействия: вступая в общение с членами ингруппы, человек стремится сохранить отношения с ними, тогда как при общении с членами аутгруппы он хочет получить личное вознаграждение.

1 В рамках данного исследования информационная справедливость была сведена к двум нормам: честности и необходимости предварительного информирования о процедуре принятия решения.

Интересно, что в данном случае межгрупповая дифференциация принимает форму ингруппового фаворитизма, а не аутгрупповой дискриминации. Этот результат согласуется с данным зарубежных исследований, которые показывают, что люди демонстрируют большую дифференциацию при распределении позитивных, а не негативных ресурсов. Одно из основных объяснений этого эффекта заключается в том, что поведение человека при взаимодействии с аутгруппой определяется двумя мотивами: желанием продемонстрировать преимущества ингруппы и восстановить справедливость. При распределении позитивных ресурсов противоречие, возникающее между ними, недостаточно для того, чтобы оказать серьезное влияние на поведение человека. Однако при распределении негативных ресурсов он старается избежать понижения самооценки вследствие нанесения серьезного и несправедливого ущерба члену аутгруппы, поэтому использует стратегию равенства (Amiot, Bourhis, 2005; Mummendey, Otten, 1998).

В совокупности результаты исследований говорят о том, что люди стараются следовать нормам справедливости при общении с членами разных групп. Однако вера в то, что от «чужих» можно ожидать всего, даже несправедливости, вызывает межгрупповую дифференциацию прежде всего по параметрам, связанным с индивидуальными особенностями и уважением. В целом, при общении с членами ингруппы участники межгруппового взаимодействия используют такие же нормы, как партнеры по межличностному общению – с близкими людьми. Это означает, что близость отношений сохраняет свое значение при любом уровне взаимодействия.

Межгрупповая специфика справедливости не ограничивается оценкой представителей разных групп. Она затрагивает регулятивную функцию.

Регулятивная функция справедливости: межгрупповая специфика

Многочисленные исследования, проведенные на материале межличностного общения, продемонстрировали, что общая оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на аттитюды и поведение участников. Как эта функция проявляется в межгрупповом общении?

Основные направления, по которым осуществляется это влияние, остаются неизменными. Специфика кроется в содержании

воздействия. Сталкиваясь с несправедливостью в межличностном общении, человек демонстрирует негативное отношение, стремится нанести ущерб виновнику происходящего. В то же время в межгрупповом взаимодействии объектом его установок и действий могут стать другие группы, даже если они сами пострадали от несправедливого обращения.

Возможность подобного «переноса» была продемонстрирована в нашем исследовании, проведенном в конце февраля–начале марта 2008 г., т. е. перед выборами Президента РФ (Гулевич, Прихидько, 2009). В нем приняли участие сторонники разных политических партий – 38 мужчин и 52 женщины, средний возраст 36,2 года. Респонденты оценивали справедливость выборов и свои эмоции в отношении политических оппонентов.

Мы полагали, что, поскольку сторонники разных политических партий являются конкурентами в борьбе за власть, они стремятся к взаимному подавлению. Как следствие, они испытывают в отношении политических оппонентов преимущественно негативные эмоции. В определенной степени они являются результатом переноса отношения к представителям власти, отвечающим за организацию выборов. Чем ниже оценка справедливости избирательной кампании, тем негативнее отношение избирателей к своим конкурентам.

Для оценки справедливости выборов была использована авторская анкета, включающая в себя восемь утверждений, отражающих различные нормы процедурной и дистрибутивной справедливости. Эти нормы были выбраны на основании результатов предыдущих исследований, а также их соответствия оцениваемой политической процедуре (приложение 1). Математический анализ показал, что все выбранные утверждения образуют одну шкалу ($\alpha = 0,8546$).

Для изучения эмоций, возникающих по отношению к политическим оппонентам, также была использована авторская анкета, включающая в себя 15 семибалльных униполярных шкал (1 балл означал отсутствие эмоции, а 7 – ее максимально сильную выраженность), отражающих разные эмоциональные состояния. Респонденты должны были оценить их интенсивность в отношении к сторонникам других кандидатов в президенты. Дальнейшему анализу подвергались те состояния, медиана оценок которых составляла больше «1», т. е. эмоции, которые испытывало большинство респондентов.

Полученные *результаты* показали, что политическое общение порождает негативные эмоции в отношении политических

оппонентов – гнев, отвращение, презрение и раздражение. Интересно, что по результатам западных исследований разные негативные эмоции возникают в отношении разных людей. Так, отвращение и презрение, которые вызывают «избегающее» поведение, т. е. отказ от общения, демонстрируются людьми в отношении того, кто является источником чуждых ценностей. Вместе с тем раздражение и гнев, вызывающие «нападающее» поведение, являются результатом препятствий, возникающих на пути человека. Вероятно, политические противники воспринимаются и как реальные конкуренты в борьбе за обретение ресурсов, и как источник иных ценностей.

Три из четырех указанных эмоций предсказываются оценкой справедливости выборов. Чем ниже эта оценка, тем сильнее отвращение ($\beta = -0,236$, $t = -2,270$, $p \leq 0,05$), презрение ($\beta = -0,279$, $t = -2,696$, $p \leq 0,01$) и раздражение ($\beta = -0,213$, $t = -2,038$, $p \leq 0,05$) по отношению к сторонникам других кандидатов. Однако эта закономерность не проявилась в отношении гнева, что противоречит результатам исследований, проведенных на материале межличностного общения. Это означает, что в ходе предвыборной кампании гнев является универсальным эмоциональным состоянием, сила которого не зависит от справедливости взаимодействия.

Размер межгрупповой дифференциации по параметру справедливости, а также влияние общей оценки на установки и поведение участников межгруппового общения определяется ингрупповой идентификацией.

Справедливость в межгрупповом общении: роль ингрупповой идентификации

Основным фактором, определяющим характер межгруппового взаимодействия, является ингрупповая идентификация – восприятие человеком ингруппы как играющей важную роль в его жизни, ее позитивная оценка и уважение к ней (Spears, Doosje, Ellemers, 1997).

Роль идентификации в межгрупповых отношениях

Ингрупповая идентификация возникает в тот момент, когда человек осознает свою принадлежность к определенной группе. Однако ее сила может быть различной. На нее оказывает влияние ряд факторов,

которые определяют «выпуклость» группы, комфортность и необходимость членства в ней (Гулевич, 2008д).

Так, степень ингрупповой идентификации возрастает в условиях, которые подчеркивают границы ингруппы и демонстрируют ее отличие от аутгруппы. К ним относятся наличие в поле зрения человека представителей разных групп, небольшой размер ингруппы (De Weerd, Klandermans, 1999) и дискриминация ее представителей¹ (Лебедева, Татарко, 2002; Drury, Reicher, 1999; Jetten et al., 2001; Leonardelli, Tormala, 2003; Schmitt, Spears, Branscombe, 2003).

Кроме того, росту идентификации способствует «психологическая комфортность» членства в группе, дающая ее членам возможность сохранить высокую самооценку. К факторам, обеспечивающим ее, относятся высокий статус ингруппы (Aries, Seider, 2007; Boezeman, Ellemers, 2007; Fischer et al., 2007; Fuller et al., 2006; Jackson, 1999; Cinnerella, 1998), добровольность членства в ней (Barreto, Ellemers, 2002; Perreault, Bourhis, 1999) и хорошее отношение со стороны одноклассников (McKimmie et al., 2003; Postmes, Tanis, De Wit, 2001; Simon, Sturmer, 2003, 2005; Walton, Cohen, 2007).

И наконец, ингрупповую идентификацию усиливает необходимость группового членства. Она может быть вызвана двумя основными факторами – ощущением угрозы (Levin et al., 2003; Castano, Dechesne, 2005; Schmitt et al., 2006) и способностью группы удовлетворить важные потребности (Reid, Hogg, 2005; Riketta, 2008).

Чем сильнее ингрупповая идентификация, тем большее влияние она оказывает на отношение человека к ин- и аутгруппам и, соответственно, на межгрупповую дифференциацию.

В частности, люди с сильной ингрупповой идентификацией демонстрируют более позитивное отношение к ингруппе:

- проявляют активный интерес к информации о ней (Appiah, 2004), давая высокую оценку позитивной (Dietz-Uhler, 1999)

1 По одним данным аутгрупповая дискриминация усиливает ингрупповую идентификацию ее жертв, а по другим уменьшает. В первом случае жертвы дискриминации рассматривают группу как источник защиты и поддержки, обращаются к ней за помощью. Вероятно, это происходит, когда выход из нее или переход в другую затруднен. Во втором случае, чтобы избежать дискриминации, люди отвергают группу, отказываясь от членства в ней. Однако возможен и промежуточный вариант. В этом случае жертвы дискриминации меньше идентифицируются с группой, но больше – с отдельной подгруппой (Verkuyten, Yildiz, 2007).

и отвергая негативную (Barreto, Ellemers, 2003; Sahdra, Ross, 2007);

- приписывают членам ингруппы больше социально-желательных характеристик (Simon, Sturmer, Steffens, 2000; Smith, Murphy, Coats, 1999), дают им более позитивную оценку (Martin, Epitropaki, 2001; Tyler, Blader, 2001);
- объясняют неудачи ингруппы внешними, а успехи – внутренними причинами (McCrea, 2007);
- одобряют ингрупповые нормы и ценности, готовы следовать им (Brewer, Silver, 2000; Faddegon, Scheepers, Ellemers, 2008; Jetten, Postmes, Maculiffe, 2002; Smith, Terry, Hogg, 2007; Tyler, Blader, 2001; Verkooijen, de Vries, Nielsen, 2007);
- поддерживают право ингруппы на самостоятельное существование (Verkuyten, Brug, 2004), одобряют ее отделение в том случае, когда жизнь в рамках большого сообщества препятствует его реализации (Sindic, Reicher, 2009), а также осуждают власть, затрудняющую ее жизнь (Saguy, Dovidio, Pratto, 2008);
- одобряют деятельность ингруппы (Levin et al., 2003), поддерживают (Simon, Trotschel, Dahne, 2008) и активно участвуют в ней (Becker, Wagner, 2009; Berman, Wittig, 2004; Bliuc et al., 2007; Boezeman, Ellemers, 2007; De Weerd, Klandermans, 1999; Giguère, Lalonde, 2009; Klandermans, De Weerd, 2000; Simon et al., 1998; Sturmer, Simon, 2004; Wegge et al., 2006);
- готовы оказать помощь членам ингруппы (Levine, Thompson, 2004; Platow et al., 1999; Reicher et al., 2006; Simon, Sturmer, Steffens, 2000; Smith, Murphy, Coats, 1999) и пожертвовать собственными интересами в их пользу (De Cremer, Van Vugt, 1999; Tyler, Blader, 2001).

В то же время сильная ингрупповая идентификация ухудшает отношение человека к аутгруппе, что выражается в приписывании ее представителям социально нежелательных характеристик, их негативной оценке (Лебедева, Татарко, 2002; Brown et al., 2001; Jettison, McConnell, Gabriel, 2004); отказе им в праве на самостоятельное существование (Verkuyten, Brug, 2004) и позитивному восприятию власти, которая стремится контролировать ее (Wenzel, Jobling, 2006); нежелании помогать членам аутгруппы (Simon, Sturmer, Steffens, 2000; Lowery et al., 2006) и принимать помощь с их стороны (Nadler, Halabi, 2006); враждебном поведении по отношению к ним

(Van Hiel, Cornelis, Roets, 2007, 2007) и уменьшении чувства вины за их дискриминацию (Roccas, Klar, Liviatan, 2006).

Таким образом, ингрупповая идентификация увеличивает межгрупповую дифференциацию.

Ингрупповая идентификация и оценка справедливости взаимодействия

Ингрупповая идентификация тесно связана с оценкой справедливости взаимодействия (рисунок 24).

С одной стороны, она усиливает межгрупповую дифференциацию по этому параметру. В частности, чем сильнее ингрупповая идентификация человека, тем большей справедливости он ожидает от членов ингруппы, тем большее разочарование испытывает при нарушении ожиданий, тем более справедливым считает большее вознаграждение ее типичных представителей (De Cremer, 2006; Wenzel, 2004) и тем выше оценивает справедливость их действий. Однако последняя закономерность зависит от объекта идентификации: идентификация с виновником несправедливости повышает оценку справедливости его действий, а с жертвой понижает ее (Gordjin et al., 2006).

С другой стороны, справедливость взаимодействия усиливает идентификацию человека с той группой, в которой оно происходит. Дело в том, что, согласно теории ценности группы, справедливое обращение является показателем хорошего отношения со стороны одноклассников, которое, в свою очередь, делает существование в группе достаточно комфортным и тем самым усиливает идентификацию с ней. В пользу этого говорят результаты многочисленных эмпирических исследований, проведенных в организациях. Они показали, что чем выше сотрудники оценивают справедливость организационного взаимодействия, тем больше они верят в то, что организация заботится о них, тем сильнее они идентифицируются с ней, тем большую включенность они ощущают, тем больше гордятся ею (Choi, 2008; Meierhans, Rietmann, Jonas, 2008)¹. Эту роль выполняют дистрибутивный (Гулевич и др., в печати; Захаров, 2001; Loi, Hang-yue, Foley, 2006; Masterson, 2001), процедурный (Ambrose, Schminke, 2003;

1 Одновременно с идентификацией растет и самокатегоризация человека в группу, результатом которой становится восприятие подобия ее представителей (Platow et al., 2008).

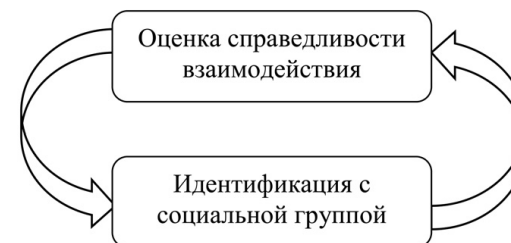

Рис. 24. Связь ингрупповой идентификации с оценкой справедливости взаимодействия

Ben-Ari, Tsur, Har-Even, 2006; De Cremer, Blader, 2006; Lambert, 2003; Masterson, 2001; Lipponen, Olkkonen, Myyry, 2004; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001; Rhoades, Eisenberg, Armeli, 2001; Tyler, 1991, 2009; Yang, Mossholder, Peng, 2007) и межличностный (De Cremer et al., 2004; Fuller, Hester, 2001) компоненты.

Однако этим роль ингрупповой идентификации не ограничивается. Помимо прочего, она играет роль посредника во влиянии оценки справедливости взаимодействия на аттитуды и поведение участников.

Ингрупповая идентификация и регулятивная функция справедливости

Социально-психологические исследования показывают, что ингрупповая идентификация является одним из наиболее важных посредников при осуществлении регулятивной функции справедливости. Это посредничество принимает две основные формы.

Во-первых, справедливое обращение способствует восприятию поддержки со стороны организации, что усиливает включенность в группу (Loi, Hang-yue, Foley, 2006; Rhoades, Eisenberg, Armeli, 2001), а она, в свою очередь, вызывает другие, прежде всего поведенческие последствия (рисунок 25).

Они касаются, прежде всего, членов ингруппы. Например, чем выше сотрудники оценивают справедливость решений, тем сильнее они идентифицируются с организацией и, как следствие, больше удовлетворены своей профессиональной деятельностью, чаще соглашаются с руководителем, вступают в кооперацию и осуществляют

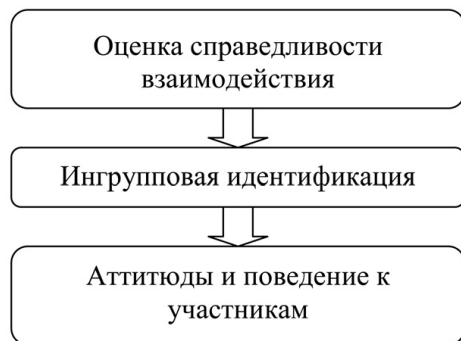

Рис. 25. Идентификация как посредник: вариант 1

гражданское поведение, реже нарушают групповые нормы и отказываются менять место работы (Blader, Tyler, 2009; De Cremer, 2003; Hopkins, Weathington, 2006; Loi, Hang-yue, Foley, 2006; Meierhans, Rietmann, Jonas, 2008; Okimoto, 2009; Tyler, 2009; Tyler, Degoev, 1995; Ullrich, Christ, Van Dick, 2009; Van Prooijen, Gallucci, Toeset, 2008)¹. Связь оценки справедливости с идентификацией наиболее ярко проявляется у тех людей, которые изначально слабо идентифицировались с ингруппой. Для них отношение со стороны окружающих является критическим фактором, сильно меняющим отношение к «своим» (Lipponen, Wisse, Perälä, 2011).

Во-вторых, ингрупповая идентификация определяет силу непосредственного воздействия оценки справедливости на аттитюды и поведение участников межгруппового общения (рисунок 26).

Этот параметр определяет суждения и поступки людей с относительно слабой идентификацией.

Этот эффект был продемонстрирован в описанном выше исследовании, проведенном на материале политических выборов (Гулевич, Прихидько, 2010). Кроме межгрупповых эмоций и справедливости общения, его участники оценивали степень идентификации со сторонниками «своего» кандидата в президенты. Для этого применялась авторская методика, включающая в себя восемь утверждений, отражающих разные параметры идентификации с социальной груп-

1 Аналогичное воздействие оказывает степень самокатегоризации в группу (Van Prooijen, Van den Bos, Wilke, 2004; Wenzel, 2002).

Рис. 26. Идентификация как посредник: вариант 2

пой. Респонденты должны были оценить степень согласия с каждым из них по 7-балльной шкале. Поведенный факторный анализ продемонстрировал, что перечисленные утверждения образуют две шкалы – «важность группы» ($\alpha = 0,8570$) и «социальная включенность» ($\alpha = 0,8731$) (приложение 1).

Математическая обработка результатов проводилась с помощью регрессионного анализа. Сначала были вычислены медианные значения для каждой из шкал ингрупповой идентификации. Затем по каждому параметру респонденты делились на две группы таким образом, что в одной из них оказывались участники с показателями ниже медианы, а в другой – выше. Респонденты, показатели которых были равны медиане, из анализа исключались. После этого в каждой группе отдельно был проведен регрессионный анализ, независимой переменной в котором была оценка справедливости выборов, а зависимой – эмоции к политическим оппонентам.

Результаты исследования показали, что оценка справедливости выборов предсказывает эмоции, особенно презрение ($\beta = -0,351$, $t = -2,372$, $p \leq 0,05$ и $\beta = -0,404$, $t = -2,722$, $p \leq 0,01$) и отвращение ($\beta = -0,303$, $t = -2,202$, $p \leq 0,05$) по отношению к политическим оппонентам у людей, слабо идентифицирующихся со сторонниками определенного кандидата. У избирателей с сильной идентификацией выраженность негативных эмоций не зависит от оценки справедливости. Аналогичные результаты были получены и в зарубежных исследованиях (Leung, Tong, Lind, 2007; Platow, Van Knippenberg, 2001), что говорит в пользу универсальности описанной выше тенденции.

Индивидуально-психологические особенности и справедливость межгруппового общения

Ингрупповая идентификация – не единственный фактор, опосредующий влияние оценки справедливости межгруппового взаимодействия на attitudes и поведение участников. Важную роль в этом процессе играют индивидуально-психологические переменные. Принадлежность людей к определенной группе не способна нивелировать различия между ними. Она лишь смягчает воздействие индивидуальных характеристик, но не заменяет его.

Важность тех или иных психологических переменных зависит от направления влияния общей оценки справедливости. Например, если речь идет о ее воздействии на эмоции участников, то наиболее важную роль играют характеристики эмоциональной сферы, связанные с пониманием и контролем за своими чувствами – эмоциональный интеллект и копинг-стратегии.

Роль этих переменных была продемонстрирована в описанном выше исследовании, проведенном в преддверии выборов президента. Помимо описанных методик, респонденты заполняли опросники для измерения эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (Люсин, 2006) и копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкман (Крюкова, Куфтяк, 2005).

Математическая обработка результатов проводилась с помощью регрессионного анализа. Сначала для каждой шкалы эмоционального интеллекта и копинг-стратегии были вычислены медианы. Затем по каждому параметру респонденты делились на две группы таким образом, что в одной из них оказывались участники с показателями ниже медианы, а в другой – выше. Респонденты, показатели которых были равны медиане, из анализа исключались. После этого в каждой группе отдельно был проведен регрессионный анализ, независимой переменной в котором была оценка справедливости выборов, а зависимой – эмоции к политическим оппонентам.

Результаты исследования показали, что воздействие оценки выборов на эмоции к сторонникам других кандидатов действительно опосредованы уровнем эмоционального интеллекта избирателей. Так, восприятие справедливости оказывает влияние только на эмоциональное состояние людей с хорошо сформированной способностью к пониманию эмоций: чем ниже оценка справедливости взаимодействия, тем сильнее отвращение ($\beta = -0,313$, $t = -2,032$, $p < 0,05$) и презрение ($\beta = -0,400$, $t = -2,694$, $p < 0,01$) к политическим

оппонентам. Эта способность предполагает умение найти причину возникшего эмоционального состояния. Ее поиск заставляет людей обращать внимание на условия взаимодействия, одним из которых является справедливость или несправедливость. Результатом становится установление связи между оценкой справедливости и отрицательными эмоциями.

Аналогичная связь прослеживается и для участников с хорошо сформированной способностью к управлению эмоциями: чем ниже оценка справедливости взаимодействия, тем сильнее презрение ($\beta = -0,410$; $t = -2,738$; $p < 0,01$). Это говорит о том, что люди склонны контролировать негативные чувства прежде всего при отсутствии их социального одобрения. В противном случае, как это происходит в межгрупповом общении, участники с хорошо развитой способностью к самоконтролю преувеличивают их.

Другим посредником выступают копинг-стратегии. В частности, восприятие несправедливости выборов вызывает интенсивные негативные эмоции у людей, относительно часто использующих такие копинг-стратегии, как планирование решения проблемы ($\beta = -0,380$, $t = -2,660$, $p < 0,05$ для отвращения; $\beta = -0,451$, $t = -3,277$, $p < 0,01$ для презрения; $\beta = -0,314$, $t = -2,146$, $p < 0,05$ для раздражения) и принятие ответственности ($\beta = -0,369$, $t = -2,411$, $p < 0,05$; $\beta = -0,359$, $t = -2,341$, $p < 0,05$; $\beta = -0,326$, $t = -2,094$, $p < 0,05$). Они предполагают, что человек прикладывает усилия для изменения ситуации и поэтому нуждается в дополнительной информации о ней. Как следствие, он обращает внимание на условия взаимодействия, одним из которых является его справедливость, и анализирует их. Этот процесс обеспечивает серьезное влияние оценки справедливости на эмоциональное состояние участника.

Кроме того, связь между эмоциями и восприятием справедливости выборов ярче проявляется у избирателей, активно использующих стратегии самоконтроля ($\beta = -0,402$, $t = -2,704$, $p < 0,01$; $\beta = -0,435$, $t = -2,938$, $p < 0,01$; $\beta = -0,361$, $t = -2,389$, $p < 0,05$) и положительной переоценки ($\beta = -0,524$, $t = -3,533$, $p < 0,001$; $\beta = -0,648$, $t = -4,893$, $p < 0,001$; $\beta = -0,431$, $t = -2,742$, $p < 0,01$ соответственно). Они предполагают контроль участника взаимодействия за своим состоянием, решение проблемы посредством его изменения. Люди, активно использующие эти стратегии, могут обращаться к условиям взаимодействия как к средству, которое поможет им осуществить задуманное. Например, они могут искать оправдание или позитив-

Заключение

ные аспекты того положения, в котором они оказались. Результатом этого процесса является большое значение оценки справедливости как одного из условий взаимодействия.

В то же время использование остальных копинг-стратегий оказывает слабое влияние на связь между справедливостью взаимодействия и интенсивностью негативных эмоций. Так, стратегии дистанцирования и бегства-избегания опосредуют связь *справедливости* только с *презрением* ($\beta = -0,355$, $t = -2,182$, $p < 0,05$ и $\beta = -0,450$, $t = -3,186$, $p < 0,01$ соответственно) и *отвращением* ($\beta = -0,378$, $t = -2,585$, $p < 0,05$ для избегания): чем чаще используются эти стратегии, тем более сильный эмоциональный отклик вызывает оценка несправедливости. Вероятно, это происходит в связи с тем, что эти эмоции тесно связаны с избегающим, а не нападающим поведением. Люди, часто использующие копинг-стратегии, связанные с уходом от взаимодействия, обращают внимание на характеристики ситуации в той степени, в которой они «подтверждают» необходимость ухода. Стратегии конфронтации и социальной поддержки не оказывают определенного влияния. Таким образом, большее значение справедливости придают те люди, которые используют копинг-стратегии, связанные с изменением своего состояния или решением проблемы.

Дальнейшие исследования позволят уточнить степень влияния индивидуально-психологических особенностей на межгрупповую дифференциацию в сфере справедливости и ее последствия.

Анализ основных направлений психологического изучения справедливости позволил нам сделать несколько выводов о ее обыденном понимании и функции в обществе. Он показал, что справедливость относится к числу наиболее важных социальных ценностей и является критерием оценки взаимодействия, играет роль в самых разных отношениях – от личных до общественно-политических.

Являясь элементом обыденного сознания, она существует в двух основных формах: значений и соответствующих им норм. Первая обеспечивает возможность размышления о справедливости как таковой, а вторая позволяет использовать ее при оценке реального общения.

Различные понимания справедливости формируются в рамках социального дискурса, интенсивность которого увеличивается в периоды глобальных социальных изменений. За короткое время это слово «обрастает» множеством противоречащих друг другу значений и соответствующих им норм.

За полуторавековую историю подобного обсуждения в России сформировалось шесть основных пониманий справедливости: «воздаяние по заслугам» (дифференцирующий дистрибутивный компонент), «возможность доверия» (информационный компонент), «равенство позиций» (процедурная справедливость как равенство позиций), «уважение» (межличностный компонент), «хорошее отношение к человеку» (недифференцирующий дистрибутивный компонент) и «личная активность» (процедурная справедливость как возможность контроля).

Анализ проведенных нами исследований позволяет предположить, что два первых понимания справедливости существуют

как на эксплицитном, хорошо осознаваемом, так и на имплицитном, плохо осознаваемом уровне (Голынчик, 2004; Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, в печати; Гулевич, 2008в; Гулевич, 2009а; Гулевич, Голынчик, 2004а; Гулевич, Спиридонов, Безменова, 2009; Спиридонов, Гулевич, Безменова, 2010). «Равенство прав» существует преимущественно на эксплицитном уровне и оказывает влияние на хорошо осознаваемые суждения. В то же время «уважение», «хорошее отношение к человеку» и «личная активность» относятся к числу имплицитных, т. е. плохо осознаваемых пониманий, которые влияют на суждения человека, помимо его желания.

Вступая во взаимодействие, люди используют значения и нормы справедливости избирательно. При выборе задействуются четыре «фильтра» – социальный, групповой, личный и ситуационный. Влияние общества и отдельных групп определяется наличием в них социальных норм, соответствующих определенным пониманиям справедливости. Воздействие личности, прежде всего, характеристик ценностно-мотивационной сферы, и ситуации – близости общения и статуса участников – опосредовано целями взаимодействия и оценкой возможности их достижения. Другими словами, люди используют те значения справедливости, которые соответствуют социальным нормам и позволяют им достичь поставленной цели – получить индивидуальный результат или сохранить группу.

Выбранные человеком значения и нормы справедливости оказывают влияние на его установки по отношению к участникам взаимодействия, а через них на поведение – индивидуальную продуктивность и общение с окружающими.

Это влияние опосредовано атрибутивными процессами. Наблюдая за соблюдением или нарушением норм, человек оценивает справедливость общения. На ее основании он выносит ряд атрибутивных суждений: приписывает участникам характеристики, связанные со стилем общения, отношением к другим людям и компетентностью (атрибуция черт), объясняет их поведение (каузальная атрибуция), оценивает степень ответственности (атрибуция ответственности). Аtribuтивные суждения, сделанные человеком в отношении себя и других людей, различаются наличием самозащитных тенденций: интерпретируя свое поведение, человек обращает большее внимание на ту информацию, которая позволяет ему повысить самооценку.

Оценка ответственности участника взаимодействия оказывает влияние на эмоции, которые человек испытывает по отношению

к нему, а эмоции – на его действия. Выбирая одну форму поведения из нескольких возможных, человек ориентируется на то, в какой степени она способствует восстановлению справедливости.

Несмотря на то, что структура этого процесса универсальна, его содержание определяется уровнем общения – межличностным или межгрупповым. Оценивая справедливость участников межгруппового взаимодействия, люди демонстрируют межгрупповую дифференциацию, воспринимая представителей ингруппы как более справедливых и достойных справедливого обращения. Соблюдение или нарушение норм справедливости вызывает у них специфические межгрупповые эмоции. Однако это влияние опосредуется ингрупповой идентификацией и индивидуально-психологическими характеристиками участников.

Разнообразие обыденных пониманий справедливости и их влияние на взаимодействие является одной из основных причин социальных конфликтов. Для их разрешения необходимо активное обсуждение существующих разногласий и выработка согласованных критериев справедливого и несправедливого.

Литература

- Алишев Б. С., Аникеенок О. А. Студенты о справедливости в сфере распределения // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 103–110.
- Алишев Б. С., Аникеенок О. А., Крючкова А. И. Особенности восприятия справедливости наказания в разных культурах // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 44–56.
- Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Безменова И. К., Гулевич О. А., Спиридонов В. Ф. Измерение справедливости организационного взаимодействия // Журнал психологического общества им. Л. С. Выготского. 2009. № 2. С. 81–95.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
- Бойков В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 46–51.
- Брайт Д., Джонс Ф. Стресс: теории, исследования, мифы. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003.
- Бреслав Т. Психология эмоций. М.: Смысл, 2004.
- Бурова М. Л. Проблема справедливости в русской социально-философской мысли конца XIX–начала XX веков: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003.
- Воловикова М. И., Соснина Л. М. Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 85–93.
- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 29–37.
- Гольничик Е. О. Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2004.
- Гольничик Е. О., Гулевич О. А. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 80–92.
- Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2005.
- Гулевич О. А. Атрибуция ответственности: что лежит в основе атрибутивных суждений? // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. М.: МПСИ, 2008а.
- Гулевич О. А. Влияние восприятия справедливости действий человека на представление о нем и причинах его поведения // Вопросы психологии. 2009а. № 1. С. 68–67.
- Гулевич О. А. Влияние обыденных представлений о справедливости на оценку партнера по общению // Вопросы психологии. 2007а. № 5. С. 66–75.
- Гулевич О. А. Влияние соблюдения/нарушения норм справедливости на самооценку человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007б. № 2. С. 98–104.
- Гулевич О. А. Влияние цели распределения вознаграждения на выбор нормы дистрибутивной справедливости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008б. № 4. С. 126–134.
- Гулевич О. А. Межгрупповая дифференциация в сфере справедливости // Вопросы психологии. 2008в. № 1. С. 58–66.
- Гулевич О. А. Межгрупповая дифференциация: условия возникновения и последствия // Социальная психология: актуальные проблемы исследований. Сборник научных трудов. М.: Фонд Л. С. Выготского, 2007в.

Гулевич О. А. Межгрупповые отношения: направления социально-психологического исследования (аналитический обзор). Ч. I. Когнитивный подход. М.: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2006а.

Гулевич О. А. Межгрупповые отношения: направления социально-психологического исследования (аналитический обзор). Ч. II. Эффекты межгруппового восприятия и способы оптимизации межгрупповых отношений. М.: Международное общество им. Л. С. Выготского, 2006б.

Гулевич О. А. Направления изучения представлений о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 123–132.

Гулевич О. А. Нормы справедливости: роль социального контекста // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 83–94.

Гулевич О. А. Поведение в правовой сфере и социальные установки (на примере участия в работе коллегии присяжных) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 3. С. 129–136.

Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции. Первое издание. М.: МПСИ, 2006в.

Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции. Второе издание: исправленное и дополненное. М.: МПСИ, 2009б.

Гулевич О. А. Психология коммуникации. М.: МПСИ, 2008г.

Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений. М.: МПСИ, 2008д.

Гулевич О. А. Роль представлений о справедливости в экономической жизни. Культура и экономическое поведение. М.: Макс Пресс, 2011.

Гулевич О. А. Социальная психология справедливости: бизнес, политика, юриспруденция. М.: Аспект-Пресс, 2007г.

Гулевич О. А. Справедливость в организации: нормы и последствия // Социальная психология: актуальные проблемы исследований. Сборник научных трудов. М.: Фонд Л. С. Выготского, 2007д.

Гулевич О. А., Голыничик Е. О. Взаимосвязь представлений о справедливости с поведением в правовой сфере // Правовед. Великий Новгород, 2004а. Вып. 5. С. 6–17.

Гулевич О. А., Голыничик Е. О. Обыденные представления о справедливости правовых решений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. № 2. С. 119–125.

Гулевич О. А., Голыничик Е. О. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // Психологический журнал. 2004б. № 3. С. 53–60.

Гулевич О. А., Онучин А. Н. Изучение эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 132–145.

Гулевич О. А., Прихидько А. И. Как люди реагируют на несправедливость: роль эмоционального интеллекта и копинг-стратегий // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к изменениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Гулевич О. А., Прихидько А. И. Влияние справедливости выборов на отношение к сторонникам политических партий // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 34–43.

Гулевич О. А., Спиридонов В. Ф., Безменова И. К., Умеренкова О. В. Оценка справедливости управленческих решений как фактор организационной идентификации // Вопросы психологии. 2011, № 2. С. 121–128.

Гулевич О. А., Спиридонов В. Ф., Безменова И. К. Как измерить справедливость в организации: методика Дж. Колкитта // Психологическая диагностика. 2009. № 4. С. 67–79.

Дьяконов И. Ю., Бутовская М. Л. Динамика идентификации человека с группой нищих // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 79–89.

Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Зараева Л. В. Социальная справедливость как феномен массового сознания: сравнительный социокультурный анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

Захаров Н. Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 67–72.

Знаков В. В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 41–51.

- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78–88.
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000.
- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.
- Карнаш Г. Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости // Политические исследования. М., 2008. № 5. С. 160–168.
- Карнаш Г. Ю. Концепция «справедливого общества» в гуманитарных науках // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. М., 2006.
- Карнаш Г. Ю. Социальная справедливость как духовная основа современного российского общества // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
- Карнаш Г. Ю. Справедливость // Энциклопедия гуманитарных наук. 2008. № 3. С. 251–253.
- Карнаш Г. Ю. Справедливость как развитие человеческих качеств // Человек. 2006. № 5. С. 5–17.
- Касамара В. А., Сорокина А. А. Политическое сознание подростков: благополучные школьники и дети улиц // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 68–82.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Кашиников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004.
- Климова С. Г., Якушева Т. В. Образы политиков в представлениях россиян // Политические исследования. 2000. № 6. С. 66–81.
- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 57–76.
- Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (отв. ред). Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002.
- Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Макдональд А. И. Кросс-культурные сходства и различия в представлениях студентов о дистрибутивной и ретрибутивной справедливости (на примере России, Мексики и Ямайки): Автореф. ... канд. психол. наук. Казань, 2011.
- Магнуссон Д. Требуется: психология ситуаций // Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2001.
- Мартьянов В. С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Политические исследования. 2006. № 4. С. 61–73.
- Митрошенков О. А. Отношение населения и госслужащих к существующему правопорядку // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 113–120.
- Николаева О. П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Николаева О. П. Сравнительный анализ развития правового сознания (в условиях различных государств) // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Оганесян А. К. Равенство и справедливость // Этическая мысль. М.: Изд-во политической литературы, 1990.
- Орел В. Е. Феномен выгорания в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал 2001. № 1. С. 90–101.
- Патрушев В. Д., Бескирная Г. П. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы // Социологические исследования. М., 2003. № 5. С. 72–84.

- Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петухов В. В.* Новые поля социальной напряженности // Социологические исследования. М., 2004. № 3. С. 30–40.
- Печерская Н. В.* Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Политические исследования. М., 2001. № 2. С. 132–146.
- Печерская Н. В.* Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 77–88.
- Попова А. Д.* Суд присяжных в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 97–103.
- Прокофьев А. В.* Справедливость или преодоление человеческой природы? (метанормативный контекст понятия «справедливость») // Этическая мысль. М., 2003.
- Прокофьев А. В.* Человеческая природа и социальная справедливость в современном этическом аристотелизме // Этическая мысль. М., 2001.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения // Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой. М.: Наука, 1976.
- Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Селиванова З. К.* Смысложизненные ориентации подростков // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 87–92.
- Синелина Ю. Ю.* Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89–95.
- Соснина Л. М.* Тенденции исследования справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 40–49.
- Спиридонов В. Ф., Безменова И. К., Гулевич О. А.* Факторы восприятия справедливости взаимодействия в организации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 126–133.
- Спиридонов В. Ф., Гулевич О. А., Безменова И. К.* Факторы, опосредующие восприятие справедливости организационного взаимодействия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 130–137.
- Статтин Х.* Психологическая ситуация в исследованиях личности // Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2001.
- Сугавара И., Хо Ю. Д.* Разрешение споров в Японии: межкультурное исследование модели чистоты процедуры // Солсо Р., Маклин К. Эксперимент: планирование, контроль, проведение, анализ. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003.
- Сфера политики и межнациональные отношения в восприятии религиозных общностей // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 56–69.
- Темницкий А. Л.* Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации // Социологические исследования. М., 2005. № 5. С. 81–88.
- Темницкий А. Л., Максимова О. Н.* Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия // Социологические исследования. М., 2008. № 11. С. 13–23.
- Тихонова Н. Е.* Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 13–23.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
- Хегенхан Б., Олсон М.* Теории научения. СПб.: Питер, 2004.
- Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб.: Речь, 2001.
- Хеффе О.* Справедливость. М.: Праксис, 2007.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 1999.
- Шабанова М. А.* Успешные экономические акторы: адаптационное и протестное поведение в противоправном поле // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 39–51.

Широкалова Г. С. Сравнительные характеристики верующих и неверующих нижегородцев // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 80–88.

Шульц Д., Шульц С. Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998.

Abele A. E., Uchronski M., Suitner C., Wojciszke B. Towards an operationalization of the fundamental dimensions of agency and communion: trait content ratings in five countries considering valence and frequency of word occurrence // European Journal of Social Psychology. 2008. V. 38. P. 1202–1217.

Adams J. S. Inequity in social exchange // Advances in experimental social psychology / Ed. by L. Berkowitz. N. Y., 1965.

Adams J. S., Freedman S. Equity theory revisited // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by L. Berkowitz, T. Walster. N. Y., 1976.

Alge B. J. Effects of computer surveillance on perceptions of privacy and procedural justice // Journal of Applied Psychology. 2001. V. 86. P. 797–804.

Alicke M. D. Culpable control and the psychology of blame // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 556–574.

Ambrose M. L., Cropanzano R. A. longitudinal analysis of organizational fairness: an examination of reactions to tenure and promotion decisions // Journal of Applied Psychology. 2003. V. 88. P. 266–275.

Ambrose M. L., Schminke M. Organization structure as a moderator of the relationship between procedural justice, interactional justice, perceived organizational support, and supervisory trust // Journal of Applied Psychology. 2003. V. 88. P. 295–305.

Ambrose M. L., Schminke M. The role of overall justice judgments in organizational justice research: a test of mediation // Journal of Applied Psychology. 2009. V. 94. P. 491–500.

Amiot C. E., Bourhis R. Y. Ideological beliefs as determinants of discrimination in positive and negative outcome distributions // European Journal of Social Psychology. 2005. V. 35. P. 581–598.

Anderson R. A., Otto A. L. Perceptions of fairness in the justice system: a cross-cultural comparison // Social Behavior and Personality. 2003. V. 31. P. 557–564.

Andrews M. C., Kacmar K. M., Harris K. J. Got political skill? The impact of justice on the importance of political skill for job performance // Journal of Applied Psychology. 2009. V. 94. P. 1427–1437.

Appiah O. Effects of ethnic identification on Web browsers' attitudes toward and navigational patterns on race-targeted sites // Communication Research. 2004. V. 31. P. 312–337.

Aronson E. Dissonance, hypocrisy, and the self-concept // Cognitive dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology / Ed. by E. Harmon-Jones and J. Mills. Washington, 1999.

Aquino K., Tripp T. M., Bies R. J. Getting even or moving on? Power, procedural justice, and types of offense as predictors of revenge, forgiveness, reconciliation, and avoidance in organizations // Journal of Applied Psychology. 2006. V. 91. P. 653–668.

Aral S. O., Sunar D. G. Interaction and justice norms. A cross-national comparison // The Journal of Social Psychology. 1977. V. 101. P. 175–186.

Aries E., Seider M. The role of social class in the formation of identity: a study of public and elite private college students // The Journal of Social Psychology. 2007. V. 147. P. 137–157.

Aryee S., Chen Z. X., Sun L.-Y., Debrah Y.-A. Antecedents and outcomes of abusive supervision: test of a trickle-down model // Journal of Applied Psychology. 2007. V. 92. P. 191–201.

Baek H. J. A comparative study of moral development of Korean and British children // Journal of Moral Education. 2002. V. 31. No. 4. P. 373–391.

Bal M., Van Den Bos K. The role of perpetrator similarity in reactions toward innocent victims // European Journal of Social Psychology. 2010. V. 40. P. 957–969.

Bar M., Neta M., Linz H. Very first impressions // Emotion. 2006. V. 6. P. 269–278.

Bar-Hillel, Yaari M. Judgments of distributive justice // Psychological perspectives on justice / Ed. by B. A. Mellers, J. Baron. Cambridge, 1993.

Barclay L. J., Skarlicki D. P. Healing the wounds of organizational injustice: examining the benefits of expressive writing // Journal of Applied Psychology. 2009. V. 94. P. 511–523.

- Barclay L. J., Skarlicki D. P., Pugh S. D.* Exploring the role of emotions in injustice perceptions and retaliation // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V. 90. P. 629–643.
- Barley P. C., Lind E. A.* Procedural justice and participation in task selection: the role of control in mediating justice judgments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 1148–1160.
- Barnett M. A., Quackenbush S. W., Sinisi C. S.* The role of critical experiences in moral development: implications for justice and care orientations // *Basic and Social Psychology*. 1995. V. 77. P. 137–152.
- Barreto M., Ellemers N.* The impact of respect versus neglect of self-identities on identification and group loyalty // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 629–639.
- Barreto M., Ellemers N.* The effects of being categorised: the interplay between internal and external social identities // *European Review of Social Psychology*. 2003. V. 24. P. 139–170.
- Barrett-Howard E., Tyler T. R.* Procedural justice as a criterion in allocation decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. P. 296–304.
- Barsky A., Kaplan S. A.* If you feel bad, it's unfair: a quantitative synthesis of affect and organizational justice perceptions // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 286–295.
- Bartol K. M., Durham C. C., Poon J. M. L.* Influence of performance evaluation rating segmentation on motivation and fairness perceptions // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 1106–1119.
- Batson C. D., Kennedy C. L., Nord L.-A., Stocks E. L., Fleming D. A., Marzette C. M., Lishner D. A., Hayes R. E., Kolchinsky L. M., Zerger T.* Anger at unfairness: is it moral outrage? // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 1272–1285.
- Batson C. D., Klein T. R., Highberger L., Shaw L. L.* Immorality from empathy-induced altruism: when compassion and justice conflict // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 68. P. 1042–1054.
- Bauer T. N., Maertz C. P., Dolen M. R., Champion M. A.* Longitudinal assessment of applicant reactions to employment testing and test outcome feedback // *Journal of Applied Psychology*. 1998. V. 83. P. 892–903.
- Bauman C. W., Skitka L. J.* Moral disagreement and procedural justice: moral mandates as constraints to voice effects // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 40–49.
- Baumert A., Schmitt M.* Justice-sensitive interpretations of ambiguous situations // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 6–12.
- Beaton A. M., Tougas F.* Reactions to affirmative action: group membership and social justice // *Social Justice Research*. 2001. V. 14. P. 61–78.
- Beatty D. L., Hall M. H., Kamarck T. A., Buysse D. J., Owens J. F., Reis S. E., Mezick E. J., Strollo P. J., Matthews K. A.* Unfair treatment is associated with poor sleep in African American and Caucasian adults: Pittsburgh sleep SCORE project // *Health Psychology*. 2011. V. 30. P. 351–359.
- Beauvois J.-L., Joule R.-V.* A radical point of view on dissonance theory // *Cognitive Dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* / Ed. by E. Harmon-Jones and J. Mills. Washington, 1999.
- Becker J. C., Wagner U.* Doing gender differently. The interplay of strength of gender identification and content of gender identity in predicting women's endorsement of sexist beliefs // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 487–508.
- Bell B. S., Ryan A. M., Wiechmann D.* Justice expectations and applicant perceptions // *International Journal of Selection and Assessment*. 2004. V. 12. P. 24–38.
- Bell B. S., Wiechmann D., Ryan A. M.* Consequences of organizational justice expectations in a selection system // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 455–466.
- Ben-Ari R., Tsur Y., Har-Even D.* Procedural justice, stress appraisal, and athletes' attitudes // *International Journal of Stress Management*. 2006. V. 13. P. 23–44.
- Berman S. L., Wittig M. A.* An intergroup theories approach to direct political action among African Americans // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2004. V. 7. P. 19–34.
- Bersoff D. M., Miller J. G.* Culture, context, and the development of moral accountability judgments // *Developmental Psychology*. 1993. V. 29. P. 664–676.

- Besley J. C., McComas K. A. Framing justice: using the concept of procedural justice to advance political communication research // *Communication Theory*. 2005. V. 15. P. 414–436.
- Bies R. J. The predicament of injustice: the management of moral outrage // *Research in organizational behavior* / Ed. by L. L. Cummings, B. M. Shaw. L., 1987. V. 9.
- Bjorklund F. Differences in the justification of choices in moral dilemmas: effects of gender, time pressure and dilemma seriousness // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2003. V. 44. P. 459–466.
- Blaauw E., Winkel F. W., Vermunt R. Justice in the criminal justice and their antecedents and consequences in a jail population // *Forensic psychology and law: traditional questions and new ideas* / Ed. by A. Czerederecka, T. Jaskiewicz-Obydzinska, J. W. Cikiewicz. Krakow, 2000.
- Blader S. L., Tyler T. R. A four-component model of procedural justice: defining the meaning of a “fair” process // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 747–758.
- Blader S. L., Tyler T. R. Testing and extending the group engagement model: linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes, and extrarole behavior // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 445–464.
- Bliuc A.-M., McGarty C., Reynolds K., Amuntele D. Opinion-based group membership as a predictor of commitment to political action // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 19–32.
- Bobocel D. R., Son Hing L. S., Davey L. M., Stanley D. J., Zanna M. P. Justice-based opposition to social policies: is it genuine? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 75. P. 653–669.
- Boezeman E. J., Ellemers N. Volunteering for charity: pride, respect, and the commitment of volunteers // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 771–785.
- Bordel S., Guingouain G., Somat A. Objective and subjective responsibility in a judicial context // *Swiss Journal of Psychology*. 2006. V. 65. P. 227–235.
- Bourhis R. Y., Leyens J. P. Stereotypes, discrimination et relations intergroupes. Mardaga: Liege, 1994.
- Brebels L., De Cremer D., Sedikides C. Retaliation as a response to procedural unfairness: a self-regulatory approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 95. P. 1511–1525.
- Brewer M. B., Silver M. D. Group distinctiveness, social identification, and collective mobilization // *Self, identity and social movements* / Ed. by S. Stryker, T. J. Owens, R. W. White. Minneapolis, London, 2000.
- Brockner J., Ackerman G., Greenberg J., Gelfand M. J., Francesco A. M., Chen Z. X., Leung K., Bierbrauer G., Gomez C., Kirkman B. L., Shapiro D. Culture and procedural justice: the influence of power distance on reaction to voice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. V. 37. P. 300–315.
- Brockner J., Wiesenfeld B. M. An integrative framework for explaining reactions to decisions: interactive effects of outcomes and procedures // *Psychological Bulletin*. 1996. V. 120. P. 189–208.
- Brown R., Maras P., Masser B., Vivian J., Hewstone M. Life on the ocean wave: testing some intergroup hypotheses in a naturalistic setting // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. V. 4. P. 81–97.
- Brown R. P., Wohl M. J. A., Exline J. J. Taking up offenses: secondhand forgiveness and group identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. V. 34. P. 1406–1419.
- Buhl T. Positive-negative asymmetry in social discrimination: meta-analytical evidence // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. V. 2. P. 51–58.
- Burkard A. W., Knox S. Effect of therapist color-blindness on empathy and attributions in cross-cultural counseling // *Journal of Counseling Psychology*. 2004. V. 51. P. 387–397.
- Burris C. T., Harmon-Jones E., Tarpley W. R. By faith alone: religious agitation and cognitive dissonance // *Basic and Applied Social Psychology*. 1997. V. 19. P. 17–31.
- Butler B., Moran G. The impact of death qualification, belief in a just world, legal authoritarianism, and locus of control on venire persons’ evaluations of aggravating and mitigating circumstances in capital trials // *Behavioral Sciences and the Law*. 2007. V. 25. P. 57–68.

- Buttigieg D. M., Deery S. J., Iverson R. D. An event history analysis of union joining and leaving // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 829–839.
- Byrne Z. S., Rupp D. E., Eurich T. L., Mattern K. Effects of discrete emotions on fairness: do angry people see fair situations as unfair? Do happy people perceive all as fair? // Presented as a symposium at the annual Academy of Management Conference in August 2004, New Orleans, LA.
- Calhoun L. G., Cann A., Tedeschi R. G., McMillan J. Traumatic events and generational differences in assumptions about a just world // *The Journal of Social Psychology*. 1998. V. 138. P. 789–791.
- Callan M. J., Ellard J. H., Nicol J. E. The belief in a just world and immanent justice reasoning in adults // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. P. 1646–1658.
- Callan M. J., Powell N. G., Ellard J. H. The consequences of victim physical attractiveness on reactions to injustice: the role of observers' belief in a just world // *Social Justice Research*. 2007. V. 20. P. 433–456.
- Carson A. S., Banuazizi A. "That's Not Fair". Similarities and differences in distributive justice reasoning between American and Filipino children // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008. V. 39. P. 493–514.
- Caruso E. M. When the future feels worse than the past: a temporal inconsistency in moral judgment // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2010. V. 139. P. 610–624.
- Cascardi M., Poythress N. G., Hall A. Procedural justice in the context of civil commitment: an analogue study // *Behavioral Sciences and the Law*. 2000. V. 18. P. 731–740.
- Castano E., Dechesne M. On defeating death: group reification and social identification as immortality strategies // *European Review of Social Psychology*. 2005. V. 16. P. 221–255.
- Castano E., Giner-Sorolla R. Not quite human: infrahumanization in response to collective responsibility for intergroup killing // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. P. 804–818.
- Chan D. Interactive effects of situational judgment effectiveness and proactive personality on work perceptions and work outcomes // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 475–481.
- Chansler P. A., Swamidass P. M., Cammann C. Self-managing work teams. An empirical study of group cohesiveness in "natural work groups" at a Harley-Davidson Motor Company plant // *Small Group Research*. 2003. V. 34. P. 101–120.
- Chen Z., Zhang X., Leung K., Zhou F. Exploring the interactive effect of time control and justice perception on job attitudes // *The Journal of Social Psychology*. 2010. V. 150. P. 181–197.
- Chiu C.-Y. Distributive justice among Hong Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1990. V. 130. P. 649–656.
- Chiu C.-Y. Hierarchical social relations and justice judgement among Hong-Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1991a. V. 131. P. 885–887.
- Chiu C.-Y. Responses to injustice by Hong Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1991b. V. 131. P. 205–211.
- Chiu C.-Y. Responses to injustice in popular Chinese sayings among Hong Kong Chinese students // *The Journal of Social Psychology*. 1991c. V. 131. P. 655–665.
- Chiu C.-Y. Role expectation as the principal criterion in justice judgment among Hong Kong Chinese students // *The Journal of Psychology*. 1991d. V. 125. P. 557–565.
- Choi J. Event justice perceptions and employees' reactions: perceptions of social entity justice as a moderator // *Journal of Applied Psychology*. 2008. V. 93. P. 513–528.
- Cialdini R. B., Kenrick D. T., Hoering J. H. Victim derogation in the Lerner paradigm: just world or just justification? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. V. 33. P. 719–724.
- Cinnerella M. Manipulating stereotype rating tasks: understanding questionnaire context effects on measures of attitudes, social identity and stereotypes // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 1998. V. 8. P. 345–362.
- Cislak A., Wojciszke B. Agency and communion are inferred from actions serving interests of self or others // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 1103–1110.
- Clayton S., Opatow S. Justice and identity: changing perspectives on what is fair // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7. P. 298–310.

Cohen-Charash Y., Mueller J. S. Does perceived unfairness exacerbate or mitigate interpersonal counter-productive work behaviors related to envy? // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 666–680.

Cole N. D., Latham G. P. Effects of training in procedural justice on perceptions of disciplinary fairness by unionized employees and disciplinary subject matter experts // *Journal of Applied Psychology*. 1997. V. 82. P. 699–705.

Colquitt J. A. Does the justice of the one interact with the justice of the many? Reactions to procedural justice in teams // *Journal of Applied Psychology*. 2004. V. 89. P. 633–646.

Colquitt J. A. On the dimensionality of organizational justice: a construct validation of a measure // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 386–400.

Colquitt J. A., Conlon D. E., Wesson M. J., Porter C. O. L. H., Ng K. Y. Justice at the Millennium: a meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 425–445.

Conlon D. E., Lind E. A., Lissak R. I. Nonlinear and nonmonotonic effects of outcome on procedural and distributive fairness judgments. Unpublished manuscript, University of Illinois, 1987.

Connors J., Heaven P. C. L. Authoritarianism and just world beliefs // *Journal of Social Psychology*. 1987. V. 127. P. 345–346.

Cropanzano R., Folger R. Referent cognitions and task decision autonomy: beyond equity theory // *Journal of Applied Psychology*. 1989. V. 74. P. 293–299.

Cropanzano R., Slaughter J. E., Bachiochi P. D. Organizational justice and Black applicants' reactions to affirmative action // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V. 90. P. 1168–1184.

Dalbert C., Filke E. Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 2007. V. 34. P. 1516–1527.

Dalbert C., Montada L., Schmitt M. Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen // *Psychologische Beiträge*. 1987. V. 29. P. 596–615.

Davey A., Fincham F. D., Beach S. R. H., Brody G. H. Attributions in marriage: examining the entailment model in dyadic context // *Journal of Family Psychology*. 2001. V. 15. P. 721–734.

De Bruin E. N. M., Van Lange P. A. M. Impression formation and cooperative behavior // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 305–328.

De Cremer D. The influence of accuracy as a function of leader's bias: the role of trustworthiness in the psychology of procedural justice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. P. 293–304.

De Cremer D. Unfair treatment and revenge taking: the roles of collective identification and feelings of disappointment // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 2006. V. 10. P. 220–232.

De Cremer D. Why inconsistent leadership is regarded as procedurally unfair: the importance of social self-esteem concerns // *European Journal of Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 535–550.

De Cremer D., Blader S. L. Why do people care about procedural fairness? The importance of belongingness in responding and attending to procedures // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 211–228.

De Cremer D., Cornelis L., Van Hiel A. To whom does voice in groups matter? Effects of voice on affect and procedural fairness judgments as a function of social dominance orientation // *The Journal of Social Psychology*. 2008. V. 148. P. 61–76.

De Cremer D., Den Ouden N. "When passion breeds justice": procedural fairness effects as a function of authority's passion // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 384–400.

De Cremer D., Ruiters R. A. C. Emotional reactions toward procedural fairness as a function of negative information // *The Journal of Social Psychology*. 2003. V. 143. P. 793–795.

De Cremer D., Tyler T. R. The effects of trust in authority and procedural fairness on cooperation // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 639–649.

De Cremer D., van Knippenberg B., van Knippenberg D., Stinglhamber F. Rewarding leadership and fair procedures as determinants of self-esteem // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V. 90. P. 3–12.

De Cremer D., van Knippenberg D., van Dijke M., Bos A. E. R. How self-relevant is fair treatment? Social self-esteem moderates interactional justice effects // *Social Justice Research*. 2004. V. 17. P. 407–419.

De Cremer D., Van Vugt M. Social identification effects in social dilemmas: a transformation of motives // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 871–893.

De Dreu C. K. W., Nauta A. Self-interest and other-orientation in organizational behavior: implications for job performance, prosocial behavior, and personal initiative // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 913–926.

De Weerd M., Klandermans B. Group identification and political protest: farmers' protest in the Netherlands // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 1073–1098.

Derryberry W. P., Thoma S. J. Functional differences: comparing moral judgement developmental phases of consolidation and transition // *Journal of Moral Education*. 2005. V. 34. P. 89–106.

Devine P. G., Tauer J. M., Barron K. E., Elliot A. J., Vance K. M. Moving beyond attitude change in the study of dissonance-related processes // *Cognitive dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* / Ed. by E. Harmon-Jones and J. Mills. Washington, 1999.

Dietrich D. M., Berkowitz L. Alleviation of dissonance by engaging in prosocial behavior or receiving ego-enhancing feedback // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1997. V. 12. P. 557–566.

Dietz-Uhler B. Defensive reactions to group-relevant information // *Group Processes & Intergroup Relations*. 1999. V. 2. P. 17–29.

Douthitt E. A., Aiello J. R. The role of participation and control in the effects of computer monitoring on fairness perceptions, task satisfaction, and performance // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 867–874.

Drew N. M., Bishop B. J., Syme G. Justice and local community change: towards a substantive theory of justice // *Journal of Community Psychology*. 2002. V. 30. P. 623–634.

Drury J., Reicher S. The intergroup dynamics of collective empowerment: substantiating the social identity model of crowd behavior // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. V. 2. P. 381–402.

Elkins T. J., Phillips J. S. Evaluating sex discrimination claims: the mediating role of attributions // *Journal of Applied Psychology*. 1999. V. 84. P. 186–199.

Elliott G. C., Meeker B. F. Achieving fairness in the face of competing concerns: the different effects of individual and group characteristics // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. P. 754–760.

Elovainio M., Kivimaki M., Helkama K. Organizational justice evaluations, job control, and occupational strain // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 418–424.

Elovainio M., Kivimaki M., Vahtera J., Keltikangas-Jarvinen L., Virtanen M. Sleeping problems and health behaviors as mediators between organizational justice and health // *Health Psychology*. 2003. V. 22. P. 287–293.

Esses V. M., Dovidio J. F. The role of emotions in determining willingness to engage in intergroup contact // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 1202–1214.

Faddegon K., Scheepers D., Ellemers N. If we have the will, there will be a way: Regulatory focus as a group identity // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 880–895.

Farwell L., Weiner B. Self-perception of fairness in individual and group context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. P. 867–881.

Fazio R. H., Hilden L. E. Emotional reactions to a seemingly prejudiced response: the role of automatically activated racial attitudes and motivation to control prejudiced reactions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 538–549.

Feather N. T. Values and value dilemmas in relation to judgments concerning outcomes of an industrial conflict // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 446–459.

Finkel N. J. But it's not fair! Commonsense notions of unfairness // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2000. V. 6. P. 898–952.

Finkelstein R., Minibas-Poussard J., Bastounis M. The moderating role of seeking social support on coping styles and perceptions of organizational justice: a study with French and Turkish students // *Social Behavior and Personality*. 2009. V. 37. P. 845–862.

- Fischer A. R., Holz K. B. Perceived discrimination and women's psychological distress: the roles of collective and personal self-esteem // *Journal of Counseling Psychology*. 2007. V. 54. P. 154–164.
- Fischer P., Jonas E., Frey D., Schulz-Hardt S. Selective exposure to information: the impact of information limits // *European Journal of Social Psychology*. 2005. V. 35. P. 469–492.
- Fischer P., Greitemeyer T., Omay S. I., Frey D. Mergers and group status: the impact of high, low and equal group status on identification and satisfaction with a company merger, experienced controllability, group identity and group cohesion // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2007. V. 17. P. 203–217.
- Fischer R., Smith P. B. Reward allocation and culture. A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. V. 34. P. 251–268.
- Fischer R., Smith P. B. Values and organizational justice. Performance- and seniority-based allocation criteria in the United Kingdom and Germany // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. V. 35. P. 669–688.
- Flynn F. J., Brockner J. It's different to give than to receive: predictors of givers' and receivers' reactions to favor exchange // *Journal of Applied Psychology*. 2003. V. 88. P. 1034–1045.
- Ford M. R., Lowery C. R. Gender differences in moral reasoning: a comparison of the use of justice and care orientations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. P. 777–783.
- Forrest K. D. Voiceless: the effects on unfair procedures on recipients and observers in small groups // *Current Research in Social Psychology*. 2002. V. 8. P. 62–83.
- Frey R. A., Powell L. A. Beyond left-right ideology in the study of justice perception. Interdependent and independent distributive worldviews in Jamaica and New Zealand // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. V. 36. P. 117–146.
- Fuller Jr. J. B., Hester K. A closer look at the relationship between justice perceptions and union participation // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 1096–1105.
- Fuller J. B., Marler L., Hester K., Frey L., Relyea C. Construed external image and organizational identification: a test of the moderating influence of need for self-esteem // *The Journal of Social Psychology*. 2006. V. 146. P. 701–716.
- Furnham A. Just world beliefs in twelve societies // *The Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. P. 317–329.
- Gamliel E., Peer E. Positive versus negative framing affects justice judgments // *Social Justice Research*. 2006. V. 19. P. 307–322.
- Garcia D. M., Reser A. H., Amo R. B., Redersdorff S., Branscombe N. R. Perceivers' responses to in-group and out-group members who blame a negative outcome on discrimination // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. V. 31. P. 769–780.
- Garstka T. A., Schmitt M. T., Branscombe N. R., Hummert M. L. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination // *Psychology and Aging*. 2004. V. 19. P. 326–335.
- Gawronski B., Bodenhausen G. V. Associative and prepositional processes in evaluation: an integrative review of implicit and explicit attitude change // *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132. P. 692–731.
- Gawronski B., Bodenhausen G. V. Unraveling the processes attitudes from the perspective of the ape model // *Social Cognition*. 2007. V. 25. P. 687–717.
- Gibson J. L. Truth, justice, and reconciliation: judging the fairness of amnesty in South Africa // *American Journal of Political Science*. 2002. V. 46. P. 540–556.
- Giguère B., Lalonde R. N. The effects of social identification on individual effort under conditions of identity threat and regulatory depletion // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. V. 12. P. 195–208.
- Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.
- Gilliland S. W. Effects of procedural and distributive justice on reactions to a selection system // *Journal of Applied Psychology*. 1994. V. 79. P. 691–701.
- Ginis K. A. M., Leary M. R. Single, physically active, female: the effects of information about exercise participation and body weight on perceptions of young women // *Social Behavior and Personality*. 2006. V. 34. P. 979–990.

- Glennon F., Joseph S., Hunter J.A. Just world beliefs in unjust societies: Northern Ireland // *The Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. P. 591–592.
- Golberg J.H., Lerner J.S., Tetlock P.E. Rage and reason: the psychology of the intuitive prosecutor // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 781–795.
- Gollwitzer M., Schmitt M., Schalke R., Maes J., Baer A. Asymmetrical effects of justice sensitivity perspectives on prosocial and antisocial behavior // *Social Justice Research*. 2005. V. 18. P. 183–201.
- Gonsalkorale K., Williams K.D. The KKK won't let me play: ostracism even by a despised outgroup hurts // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 1176–1186.
- Gordijn E.H., Yzerbyt V., Wigboldus D., Dumont M. Emotional reactions to harmful intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 15–30.
- Gouveia-Pereira M., Vala J., Palmonari A., Rubini M. School experience, relational justice and legitimation of institutional // *European Journal of Psychology of Education*. 2003. V. 18. P. 309–328.
- Greenberg J. Losing sleep over organizational injustice: attenuating insomniac reactions to underpayment inequity with supervisory training in interactional justice // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 58–69.
- Greenberg J. Reactions to procedural injustice in payment distributions: do the means justify the ends? // *Journal of Applied Psychology*. 1987. V. 72. P. 55–61.
- Gromet D.M., Darley J.M. Retributive and restorative justice: importance of crime severity and shared identity in people's justice responses // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 50–57.
- Grover S.L. Predicting the perceived fairness of parental leave policies // *Journal of Applied Psychology*. 1991. V. 76. P. 247–255.
- Gruman J.C., Sloan R.P. Disease as justice: perceptions of the victims of physical illness // *Basic and Applied Social Psychology*. 1983. V. 4. P. 39–46.
- Hack A., Lammers F. Gender as a moderator of the fair process effect // *Social Psychology*. 2009. V. 40. P. 202–211.
- Hafer C.L. Investment in long-term goals and commitment to just means drive the need to believe in a just world // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. V. 26. P. 1059–1073.
- Ham J., Van den Bos K. On justice knowledge activation: evidence for spontaneous activation of social justice inferences // *Social Justice Research*. 2011. V. 24. P. 43–65.
- Ham J., Van den Bos K., Van Doorn E.A. Lady justice thinks unconsciously: unconscious thought can lead to more accurate justice judgments // *Social Cognition*. 2009. V. 27. P. 509–521.
- Harmon-Jones E., Harmon-Jones G. Testing the action-based model of cognitive dissonance: the effect of action orientation on post-decisional attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 711–723.
- Harmon-Jones E., Mills J. An introduction to cognitive dissonance theory and an overview of current perspectives on the theory // *Cognitive Dissonance: Progress on a pivotal theory in social psychology* / Ed. by E. Harmon-Jones and J. Mills. Washington, 1999.
- Haslam N., Loughnan S., Kashima Y., Bain P. Attributing and denying humanness to others // *European Review of Social Psychology*. 2008. V. 19. P. 55–85.
- Hassandra M., Goudas M., Hatzigeorgiadis A., Theodorakis Y. A fair play intervention program in school Olympic education // *European Journal of Psychology of Education*. 2007. V. 22. P. 99–114.
- Hatfield E., Rapson R.L., Aumer-Ryan K. Social justice in love relationships: recent developments // *Social Justice Research*. 2008. V. 21. P. 413–431.
- Hegtvedt K.A., Johnson C., Ganem N.M., Waldron K.W., Brody L.M. When will the unaffected seek justice for others? Perceptions of and responses to another's injustice // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 22–31.
- Hertel G., Aarts H., Zeelenberg M. What do you think is "fair"? Effects of ingroup norms and outcome control of fairness judgement // *European Journal of Social Psychology*. 2002. V. 32. P. 327–341.
- Heuer L., Blumenthal E., Douglas A., Weinblatt T. A deservingness approach to respect as a relationally based fairness judgment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. P. 1279–1292.

- Heuer L., Penrod S., Hafer C. L., Cohn D. The role of resource and relational concerns for procedural justice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 1468–1482.
- Hogg M. A., Smith J. R. Attitudes in social context: a social identity perspective // *European Review of Social Psychology*. 2007. V. 18. P. 89–131.
- Hopkins N., Reicher S., Harrison K., Cassidy C., Bull R., Levine M. Helping to improve the group stereotype: on the strategic dimension of prosocial behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. P. 776–788.
- Hopkins S. M., Weathington B. L. The relationships between justice perceptions, trust, and employee attitudes in a downsized organization // *Journal of Psychology*. 2006. V. 140. P. 477–498.
- Horn S. S. Adolescents' reasoning about exclusion from social groups // *Developmental Psychology*. 2003. V. 39. P. 71–84.
- Humphrey S. E., Ellis A. P. J., Conlon D. E., Tinsley C. H. Understanding customer reactions to brokered ultimatums: applying negotiation and justice theory // *Journal of Applied Psychology*. 2004. V. 89. P. 466–482.
- Hunt J. M., Kernan J. B. Consumer reaction to inequitable exchange: the role of causal inferences // *The Journal of Social Psychology*. 1991. Vol.131. P. 688–696.
- Ijzerman H., Prooijen J.-W. Just world and the emotional defense of self // *Social Psychology*. 2008. V. 39. P. 117–120.
- Irving P. G., Coleman D. F., Bobocel D. R. The moderating effect of negative affectivity in the procedural justice-job satisfaction relation // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2005. V. 37. P. 20–32.
- Iyer A., Leach C. W. Emotion and inter-group relations // *European Review of Social Psychology*. 2008. V. 19. P. 86–125.
- Izzett R. R. Equity theory, discretionary sentencing and attitudes toward the legal system // *The Journal of Social Psychology*. 1981. V. 115. P. 207–217.
- Jackson J. W. How variations in social structure affect different types in intergroup bias and different dimensions of social identity in a multi-intergroup setting // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. V. 2. P. 145–173.
- Jackson L. A., Messe L. A., Hunter J. E. Gender role and distributive justice behavior // *Basic and Applied Social Psychology*. 1985. V. 6. P. 329–343.
- Jackson S., Fondacaro M. Procedural justice in resolving family conflict: implications for youth violence prevention // *Law & Policy*. 1999. V. 21. P. 101–127.
- Jaffee S., Hyde J. S. Gender differences in moral orientation: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2000. V. 126. P. 703–726.
- Jasinskaja-Lahni I., Liebkind K., Jaakkola M., Reuter A. Perceived discrimination, social support networks, and psychological well-being among three immigrant groups // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. V. 37. P. 293–311.
- Jasinskaja-Lahni I., Liebkind K., Perhoniemi R. Perceived discrimination and well-being: a victim study of different immigrant groups // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2006. V. 16. P. 267–284.
- Jasso G., Resh N. Exploring the sense of justice about grades // *European Sociological Review*. 2002. V. 18. P. 333–351.
- Jetten J., Branscombe N. R., Schmitt M. T., Spears R. Rebels with a cause: group identification as a response to perceived discrimination from the mainstream // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 1204–1213.
- Jetten J., Postmes T., McAuliffe B. J. We're all individuals: group norms of individualism and collectivism, levels of identification and identity threat // *European Journal of Social Psychology*. 2002. V. 32. P. 189–207.
- Jettison W. A., McConnell A. R., Gabriel S. Implicit and explicit measures of sexual orientation attitudes: ingroup preferences and related behaviors and beliefs among gay and straight men // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. P. 629–642.
- Johnson R. E., Steinman L. Use of implicit measures for organizational research: an empirical example // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2009. V. 41. P. 202–212.
- Jonas E., Graupmann V., Frey D. The influence of mood on the search for supporting versus conflicting information: dissonance reduction as a means of mood regulation? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. P. 3–15.

- Jonas E., Greenberg J., Frey D.* Connecting terror management and dissonance theory: evidence that mortality salience increases the preference for supporting information after decisions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 1181–1189.
- Jones D.A., Skarlicki D.P.* The effects of overhearing peers discuss an authority's fairness reputation on reactions to subsequent treatment // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V. 90 P. 363–372.
- Joule R.-V., Azdia T.* Cognitive dissonance, double forced compliance, and commitment // *European Journal of Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 565–571.
- Judge T.A., Colquitt J.A.* Organizational justice and stress: the mediating role of work – family conflict // *Journal of Applied Psychology*. 2004. V. 89. P. 395–404.
- Judge T.A., Scott B.A., Hies R.* Hostility, job attitudes, and workplace deviance: test of a multilevel model // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 126–138.
- Kaiser C.R., Miller C.T.* Reacting to impending discrimination: compensation for prejudice and attributions to discrimination // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 1357–1367.
- Kamdar D., McAllister D.J., Turban D.B.* “All in a day's work”: how follower individual differences and justice perceptions predict OCB role definitions and behavior // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 841–855.
- Kayser E., Lamm H.* Causal explanation of performance differences and allocations among friends // *The Journal of Social Psychology*. 1981. V. 115. P. 73–81.
- Keltner D., Ellsworth P., Edwards K.* Beyond simple pessimism: effects of sadness and anger on social perception // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 64. P. 740–752.
- Kershaw T.S., Alexander S.* Procedural fairness, blame attributions, and presidential leadership // *Social Justice Research*. 2003. V. 16. P. 80–93.
- Kirkman B.L., Shapiro D.L.* Understanding why team members won't share. An examination of factors related to employee receptivity to team-based rewards // *Small Group Research*. 2000. V. 31. P. 175–209.
- Klandermans B., De Weerd M.* Group identification and political protest // *Self, identity and social movements* / Ed. by S. Stryker, T.J. Owens, R. W. White. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2000.
- Kleinke C.L., Meyer C.* Evaluation of rape victim by men and women with high and low belief in a just world // *Psychology of Women Quarterly*. 1990. V. 14. P. 343–353.
- Konovsky M.A., Cropanzano R.* Perceived fairness of employee drug testing as a predictor of employee attitudes and job performance // *Journal of Applied Psychology*. 1991. V. 76. P. 698–707.
- Krebs D.L., Denton K.* Explanatory limitations of cognitive-developmental approaches to morality // *Psychological Review*. 2006. V. 113. P. 672–675.
- Krings F., Facchin S.* Organizational justice and men's likelihood to sexually harass: the moderating role of sexism and personality // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 501–510.
- Kruglanski A.W., Thompson E.P.* Persuasion by a single route: a view from the unimodel // *Psychological Inquiry*. 1999. V. 10. P. 83–109.
- Lambert E.* The impact of organizational justice on correctional staff // *Journal of Criminal Justice*. 2003. V. 31. P. 155–168.
- Lamm H., Kayser E., Schanz V.* An attributional analysis of interpersonal justice: ability and effort as inputs in the allocation of gain and loss // *The Journal of Social Psychology*. 1983. V. 119. P. 269–281.
- Lang J., Bliese P.D., Lang J.W.B., Adler A.B.* Work gets unfair for the depressed: cross-lagged relations between organizational justice perceptions and depressive symptoms // *Journal of Applied Psychology*. 2011. V. 96. P. 602–618.
- LaTour S.* Determinants of participant and observer satisfaction with adversary and inquisitorial modes of adjudication // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. V. 36. P. 1531–1545.
- Laurin K., Fitzsimons G.M., Kay A.C.* Social disadvantage and the self-regulatory function of justice beliefs // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. V. 100. P. 149–171.
- Leach C.W., Iyer A., Pedersen A.* Anger and guilt about ingroup advantage explain the willingness for political action // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. P. 1232–1245.

Lee B. K. Audience-oriented approach to crisis communication: a study of Hong Kong consumers' evaluation of an organizational crisis // *Communication Research*. 2004. V. 31. P. 600–618.

Lee J. S., Stolte J. F. Cultural and structural determinants of justice reactions in the economic domain // *Social Behavior and Personality*. 1994. V. 22. P. 319–328.

Lee K., Allen N. J. Organizational citizenship behavior and workplace deviance: the role of affect and cognitions // *Journal of Applied Psychology*. 2002. V. 87. P. 131–142.

Lemerise E. A., Dodge K. A. The development of anger and hostile interactions // *Handbook of emotions* / Ed. by M. Lewis, J. M. Haviland. N. Y., 1993.

Leonardelli G. J., Tormala Z. L. The negative impact of perceiving discrimination on collective well-being: the mediating role of perceived ingroup status // *European Journal of Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 507–514.

Lerner J. S., Goldberg J., Tetlock P. Sober second thought: the effects of accountability, anger and authoritarianism on attributions of responsibility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998. V. 24. P. 563–574.

Lerner M. J. *The belief in adjust world: a fundamental delusion*. N. Y., 1980.

Lerner M. J., Lerner S. C. *The justice motive in social behavior*. N. Y., 1981.

Lerner M. J., Miller D. T. Just world research and the attribution process: looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. V. 85. P. 1030–1051.

Leung K., Chiu W.-H., Au Y.-F. Sympathy and support for industrial actions: a justice analysis // *Journal of Applied Psychology*. 1993. V. 78. P. 781–787.

Leung K., Tong K.-K., Ho S. S.-Y. Effects of interactional justice on egocentric bias in resource allocation decisions // *Journal of Applied Psychology*. 2004. V. 89. P. 405–415.

Leung K., Tong K.-K. M., Lind E. A. Real politic versus fair process: moderating effects of group identification on acceptance of political decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. P. 476–489.

Leventhal G. S. The distribution of rewards and resources in groups and organizations // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz, T. Walster. N. Y., 1976.

Leventhal G. S., Lane D. W. Sex, age and equity behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. V. 15. P. 312–316.

Leventhal G. S., Michaels J. W. Locus of cause and equity motivation as a determinants of reward allocation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. V. 17. P. 229–235.

Levin S., Henry P. J., Pratto F., Sidanius J. Social dominance and social identity in Lebanon: implications for support of violence against the West // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2003. V. 6. P. 353–368.

Levine M., Thompson K. Identity, place, and bystander intervention: social categories and helping after natural disasters // *The Journal of Social Psychology*. 2004. V. 144. P. 229–245.

Leyens J.-P., Dardenne B., Yzerbyt V., Scaillet N., Snyder M. Confirmation and disconfirmation: their social advantages // *European Review of Social Psychology*. 1999. V. 10. P. 199–230.

Li N., Liang J., Crant J. M. The role of proactive personality in job satisfaction and organizational citizenship behavior: a relational perspective // *Journal of Applied Psychology*. 2010. V. 95. P. 395–404.

Liao H. Do it right this time: the role of employee service recovery performance in customer-perceived justice and customer loyalty after service failures // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 475–489.

Liao W.-C., Tai W.-T. Organizational justice, motivation to learn and training outcomes // *Social Behavior and Personality*. 2006. V. 34. P. 545–556.

Licke B., Miller N., Stenstrom D. M., Denson T. F., Schmader T. Vicarious retribution: the role of collective blame in intergroup aggression // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. V. 10. P. 372–390.

Liebig S. Lessons from philosophy? Interdisciplinary justice research and two classes of justice judgments // *Social Justice Research*. 2001. V. 14. P. 265–287.

Lind E. A., Earley P. C. Procedural justice and culture // *International Journal of Psychology*. 1992. V. 27. P. 227–242.

- Lind E.A., Kanfer R., Earley P.C.* Voice, control, and procedural justice: instrumental and noninstrumental concerns in fairness judgments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. P. 952–959.
- Lind E.A., Kurtz S., Musante L., Walker L., Thibaut J.W.* Procedure and outcome effects on reactions to adjudicated resolution of conflicts of interests // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. V. 39. P. 643–653.
- Lind E.A., Lissak R.I.* Apparent impropriety and procedural fairness judgments // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1985. V. 21. P. 19–29.
- Lind E.A., Tyler T.R.* *The social psychology of procedural justice*. N. Y., 1988.
- Lind E.A., Tyler T.R., Huo Y.J.* Procedural context and culture: variation in the antecedents of procedural justice judgments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 73. P. 767–780.
- Lipponen J., Olkkonen M.-E., Myyry L.* Personal value orientation as a moderator in the relationships between perceived organizational justice and its hypothesized consequences // *Social Justice Research*. 2004. V. 17. P. 275–292.
- Lipponen J., Wisse B., Perälä J.* Perceived justice and group identification. The moderating role of previous identification // *Journal of Personnel Psychology*. 2011. V. 10. P. 13–23.
- Lizzio A., Wilson K., Hadaway V.* University students' perceptions of a fair learning environment: a social justice perspective // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2007. V. 32. P. 195–213.
- Loi R., Hang-yue N., Foley S.* Linking employees' justice perceptions to organizational commitment and intention to leave: the mediating role of perceived organizational support // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2006. V. 79. P. 101–120.
- Loi R., Yang J., Diefendorff J.M.* Four-factor justice and daily job satisfaction: a multilevel investigation // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 770–781.
- Loseman A., Miedema J., Van Den Bos K., Vermunt R.* Exploring how people respond to conflicts between self-interest and fairness: Influence of threats to the self on affective reactions to advantageous inequity // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 13–21.
- Louis W.R., Duck J.M., Terry D.J., Schuller R.A., Lalonde R.N.* Why do citizens want to keep refugees out? Threats, fairness and hostile norms in the treatment of asylum seekers // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 53–73.
- Lowe C., Medway C.A.* Effects of valence, severity and relevance on responsibility and dispositional attributions // *Journal of Personality*. 1976. V. 44. P. 518–538.
- Lowery B.S., Unzueta M.M., Goff P.A., Knowles E.D.* Concern for the in-group and opposition to affirmative action // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. P. 961–974.
- Lucas T., Zhdanova L., Alexander S.* Procedural and distributive justice beliefs for self and others assessment of a four-factor individual differences model // *Journal of Individual Differences*. 2011. V. 32. P. 14–25.
- Lucas T., Alexander S., Firestone I., Lebreton J.M.* Just world beliefs, perceived stress, and health behavior: the impact of a procedurally just world // *Psychology and Health*. 2008. V. 23. P. 849–865.
- Lucas T., Goold S.* The malleability of belief in a just world: evidence from a health resource allocation exercise // *Psychological Journal*. 2008. V. 5. P. 92–104.
- Lupfer M.B., Weeks K.P., Doan K.A., Houston D.A.* Folk conceptions of fairness and unfairness // *European Journal of Social Psychology*. 2000. V. 30. P. 405–428.
- Lussier Y., Sabourin S., Wright J.* On causality, responsibility, and blame in marriage: validity of the entailment model // *Journal of Family Psychology*. 1993. V. 7. P. 322–332.
- Machura S.* Fairness, justice, and legitimacy: experiences of people's judges in South Russia // *Law & Policy*. 2003. V. 25. P. 123–150.
- Maes J.* Blaming the victim belief in control or belief in justice? // *Social Justice Research*. 1994. Vol.7. P. 69–90.
- Maes J., Kals E.* Justice beliefs in school: distinguishing ultimate and immanent justice // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. P. 227–244.
- Maikovich A.K.* A new understanding of terrorism using cognitive dissonance principles // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2005. V. 35. P. 373–397.

Maio G. R., Thomas G. The epistemic – teleologic model of deliberate self-persuasion // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. V. 11. P. 46–67.

Major B., Kaiser C. R., O'Brien L. T., McCoy S. K. Perceived discrimination as worldview threat or worldview confirmation: implications for self-esteem // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. P. 1068–1086.

Major B., McCoy S. K., Kaiser C. R., Quintan W. J. Prejudice and self-esteem: A transactional model // *European Review of Social Psychology*. 2003. V. 24. P. 77–104.

Martin R., Epitropaki O. Role of organizational identification on implicit leadership theories (ILTs), transformational leadership and work attitudes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. V. 4. P. 247–262.

Masterson S. S. A trickle-down model of organizational justice: relating employees' and customers' perceptions of and reactions to fairness // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 594–604.

Matheson K., Anisman H. Anger and shame elicited by discrimination: Moderating role of coping on action endorsements and salivary cortisol // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 163–185.

Matic H., Webb J. Environmental justice and social dilemma solutions: social values and the perceived fairness and endorsement of structures that penalise the poor // *Australian Journal of Psychology*. 2003. Supplement. P. 52.

Matz D. C., Wood W. Cognitive dissonance in groups: the consequences of disagreement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88. P. 22–37.

Mazzocco P. J., Alicke M. D., Davis T. L. On the robustness of outcome bias: no constraint by prior culpability outcome bias // *Basic and Applied Social Psychology*. 2004. V. 26. P. 131–146.

McAllister D. J., Kamdar D., Morrison E. W., Turban D. B. Disentangling role perceptions: how perceived role breadth, discretion, instrumentality, and efficacy relate to helping and taking charge // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 1200–1211.

McCrea S. M. Counterfactual thinking following negative outcomes: evidence for group and self-protective biases // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 1256–1271.

McCutcheon L. E. Machiavellianism, belief in a just world and the tendency to worship celebrities // *Current Research in Social Psychology* 2003. V. 8. №9.

McFarlin D. B., Sweeney P. D. Does having a say matter only if you get your way? Instrumental and value-expressive effects of employee voice // *Basic and Applied Social Psychology*. 1996. V. 18. P. 289–303.

McGillicuddy-De Lisi A. V., Daly M., Neal A. Children's distributive justice judgments: aversive racism in Euro-American children? // *Child Development*. 2006. V. 77. P. 1063–1080.

McKimmie B. M., Terry D., Hogg M. A., Manstead A. S. R., Spears R., Doosje B. I'm a hypocrite, but so is everyone else: group support and the reduction of cognitive dissonance // *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*. 2003. V. 7. P. 214–224.

Meeker B. F., Elliott G. C. Need, merit and reward expectations // *Current Research in Social Psychology*. 1998. V. 3. N 4.

Meierhans D., Rietmann B., Jonas K. Influence of fair and supportive leadership behavior on commitment and organizational citizenship behavior // *Swiss Journal of Psychology*. 2008. V. 67. P. 131–141

Memon A., Holliday R., Hill C. Pre-event stereotypes and misinformation effects in young children // *Memory*. 2006. V. 14. P. 104–114.

Mickelson K. D. Perceived stigma, social support, and depression // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 1046–1056.

Mikula G. On the experience of injustice // *European Review of Social Psychology*. 1993. V. 4. P. 223–244.

Mikula G., Athenstaedt U., Heschal S., Heimgartner A. Does it only depend on the point of view? Perspective-related differences in justice evaluations of negative incidents in personal relationship // *European Journal of Social Psychology*. 1998. V. 28. P. 931–962.

Mikula G., Freudenthaler H. H., Brenbacher-Kröll S., Brunschko B. Division of labor in student households: gender inequality, perceived justice, and satisfaction // *Basic and Applied Social Psychology*. 1997. V. 19. P. 275–289.

Mikula G., Petri B., Tanzer N. What people regard as unjust: types and structures of everyday experiences of injustice // *European Journal of Social Psychology*. 1990. V. 20. P. 133–149.

- Miller J. G., Bersoff D. M. Culture and moral judgment: how are conflicts between justice and interpersonal responsibilities resolved? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 62. P. 541–554.
- Miller J. G., Bersoff D. M. The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: a cultural perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1998. V. 34. P. 443–469.
- Miller J. G., Bersoff D. M., Harwood R. L. Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58. P. 33–47.
- Miller M. L. Process and decision control in the work place: separate effects, independence from distributive justice, and tests of explanatory mechanisms // *Basic and Applied Social Psychology*. 1989. V. 10. P. 337–354.
- Mills J. Improving the 1957 Version of Dissonance Theory Cognitive dissonance: progress on a pivotal theory in social psychology / Ed. by E. Harmon-Jones and J. Mills. Washington, 1999.
- Mitchell G., Tetlock P. E., Mellers B. A., Ordonez L. D. Judgments of social justice: compromises between equality and efficiency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. P. 629–639.
- Mitchell G., Tetlock P. E., Newman D. G., Lerner J. S. Experiments behind the veil: structural influences on judgments of social justice // *Political Psychology*. 2003. V. 24. P. 519–547.
- Mohr P. B., Luscri G. Social work orientation and just world beliefs // *The Journal of Social Psychology*. 1995. V. 135. P. 101–103.
- Moliner C., Martýnez-Tur V., Peiro J. M., Ramos J., Cropanzano R. Relationships between organizational justice and burnout at the work-unit level // *International Journal of Stress Management*. 2005. V. 12. P. 99–116.
- Moon H., Kamdar D., Mayer D. M., Takeuchi R. Me or we? The role of personality and justice as other-centered antecedents to innovative citizenship behaviors within organizations // *Journal of Applied Psychology*. 2008. V. 93. P. 84–94.
- Moorman R. H. Relationship between organizational justice and organizational citizenship behaviors: do fairness perceptions influence employee citizenship? // *Journal of Applied Psychology*. 1991. V. 76. P. 845–855.
- Moran G., Comfort J. C. Neither “tentative” nor “fragmentary”: verdict preference of impaneled felony jurors as a function of attitude toward capital punishment // *Journal of Applied Psychology*. 1986. V. 71. P. 146–155.
- Moradi B., Hasan N. T. Arab American persons’ reported experiences of discrimination and mental health: the mediating role of personal control // *Journal of Counseling Psychology*. 2004. V. 51. P. 418–428.
- Mullen E., Skitka L. J. Exploring the psychological underpinnings of the moral mandate effect: motivated reasoning, group differentiation, or anger? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. P. 629–643.
- Muller P. A., Greifender R., Stahlberg D., Van Den Bos K., Bless H. Shaping cooperation behavior: the role of accessibility experiences and uncertainty // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 178–187.
- Mummendey A., Otten S. Positive – negative asymmetry in social discrimination // *European Review of Social Psychology*. 1998. V. 8.
- Murphy K., Tyler T. Procedural justice and compliance behaviour: the mediating role of emotions // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 652–668.
- Murphy S. M., Wayne S., Liden R. C., Erdogan B. Understanding social loafing: the role of justice perceptions and exchange relationships // *Human Relations*. 2003. V. 56. P. 61–84.
- Murphy-Berman V., Berman J. J. Cross-cultural differences in perceptions of distributive justice. A comparison of Hong Kong and Indonesia // *Journal of Cross-Cultural psychology*. 2002. V. 33. P. 157–170.
- Murphy-Berman V. A., Berman J. J. Perceptions of justice and attitudes towards people with AIDS: German-U. S. comparisons // *Social Behavior and Personality*. 1991. V. 79. P. 29–38.
- Murray J. D., Spadafore J. A., McIntosh W. D. Belief in a just world and social perception: evidence for automatic activation // *The Journal of Social Psychology*. 2005. V. 145. P. 35–47.

- Musante L., Gilbert M.A., Thibaut J.* The effects of control on perceived fairness of procedures and outcomes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1983. V. 19. P. 223–238.
- Myrsky L., Helkama K.* Moral reasoning and the use of procedural justice rules in hypothetical and real-life dilemmas // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. P. 373–391.
- Nadler A., Halabi S.* Intergroup helping as status relations: effects of status stability, identification, and type of help on receptivity to high-status group's help // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. P. 97–110.
- Napier J.L., Tyler T.R.* Does moral conviction really override concerns about procedural justice? A reexamination of the value protection model // *Social Justice Research*. 2008. V. 21. P. 509–528.
- Naumann S.E., Bennett N.* The effects of procedural justice climate on work group performance // *Small Group Research*. 2002. V. 33. P. 361–377.
- Ng S.H., Allen M.W.* Perception of economic distributive justice: exploring leading theories // *Social Behavior and Personality*. 2005. V. 33. P. 435–454.
- Ohbuchi K., Suzuki M., Hayashi Y.* Conflict management and organizational attitudes among Japanese: individual and group goals and justice // *Asian Journal of Social Psychology*. 2001. V. 4. P. 93–101.
- Okimoto T.G.* The moderating and mediating role of group identification in observers' reactions to intragroup disrespect // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 69–81.
- Oldmeadow J., Fiske S.T.* System-justifying ideologies moderate status = competence stereotypes: roles for belief in a just world and social dominance orientation // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 1135–1148.
- Olsen-Fulero L., Fulero S.M.* Commonsense rape judgments: an empathy – complexity theory of rape juror // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. V. 3. P. 402–427.
- Orpen C.* The effects of organizational commitment on the relationship between procedural and distributive justice // *The Journal of Social Psychology*. 1994. V. 134. P. 135–136.
- Otten S.* “Me and us” or “us and them”? The self as a heuristic for defining minimal ingroups // *European Review of Social Psychology*. 2002. V. 13. P. 1–33.
- Park C.L., Edmondson D., Fenster J.R., Blank T.O.* Meaning making and psychological adjustment following cancer: the mediating roles of growth, life meaning, and restored just-world beliefs // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2008. V. 76. P. 863–875.
- Parker C.P., Baltes B.P., Christiansen N.D.* Support for affirmative action, justice perceptions, and work attitudes: a study of gender and racial-ethnic group differences // *Journal of Applied Psychology*. 1997. V. 82. P. 376–389.
- Peng Z., Zhou F.* The moderating effect of supervisory conscientiousness on the relationship between employees' social cynicism and perceived interpersonal justice // *Social Behavior and Personality*. 2009. V. 37. P. 863–864.
- Pepitone A., L'Armand K.* The justice and injustice of life events // *European Journal of Social Psychology*. 1996. V. 26. P. 581–597.
- Pernice R., Brook J.* Refugees and immigrants' mental health: association of demographic and post-immigration factors // *The Journal of Social Psychology*, 1996. V. 146. P. 511–519.
- Perreault S., Bourhis R.Y.* Ethnocentrism, social identification, and discrimination // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. P. 92–103.
- Peters S.L., van den Bos K.* When fairness is especially important: reactions to being inequitably paid in communal relationships // *Social Justice Research*. 2008. V. 21. P. 86–105.
- Peterson R.S.* Can you have too much of a good thing? The limits of voice for improving satisfaction with leaders // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. P. 313–324.
- Pettigrew T.F., Meeriens R.W.* Subtle and blatant prejudice in Western Europe // *European Journal of Social Psychology*. 1995. V. 25. P. 57–75.
- Petzold P.* Influence of profession on impression formation: polarization and contrast // *European Journal of Social Psychology*. 1986. V. 16. P. 279–303.

- Phillips J. M.* Antecedents and consequences of procedural justice perceptions in hierarchical decision-making teams // *Small Group Research*. 2002. V. 33. P. 32–64.
- Phillips J. M., Douthitt E. A., Hyland M. A. M.* The role of justice in team member satisfaction with the leader and attachment to the team // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 316–325.
- Platow M. J., Durante M., Williams N., Garrett M., Walshe J., Cincotta S., Lianas G., Barutchu A.* The contribution of sport fan social identity to the production of prosocial behavior // *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. 1999. V. 3. P. 161–169.
- Platow M. J., Filardo F., Troselj L., Grace D. M., Ryan M. K.* Non-instrumental voice and extra-role behaviour // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 135–146.
- Platow M. J., Grace D. M., Wilson N., Burton D., Wilson A.* Psychological group memberships as outcomes of resource distributions // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 836–851.
- Platow M. J., O'Connell A., Shave R., Hanning P.* Social evaluations of fair and unfair allocators in interpersonal and intergroup situations // *British Journal of Social Psychology*. 1995. V. 34. P. 363–381.
- Platow M. J., Van Knippenberg D.* A social identity analysis of leadership endorsement: the effects of leader ingroup prototypicality and distributive intergroup fairness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 1508–1519.
- Ployhart R. E., Ryan A. M.* Applicants' reactions to the fairness of selection procedures: the effects of positive rule violations and time of measurement // *Journal of Applied Psychology*. 1998. V. 83. P. 3–16.
- Postmes T., Tanis M., De Wit B.* Communication and commitment in organizations: a social identity approach // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. V. 4. P. 227–246.
- Quigley B., Tedeschi J.* Mediating effects of blame attributions on feelings of anger // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. P. 1280–1288.
- Rahim M. A., Magner N. R., Shapiro D. L.* Do justice perceptions influence styles of handling conflict with supervisors? What justice perceptions precisely? // *The International Journal of Conflict Management*. 2000. V. 11. P. 9–31.
- Raman L., Winer G. A.* Evidence of more immanent justice responding in adults than children: A challenge to traditional developmental theories // *British Journal of Developmental Psychology*. 2004. V. 22. P. 255–274.
- Reicher S., Cassidy C., Wolpert L., Hopkins N., Levlne M.* Saving Bulgaria's Jews: an analysis of social identity and the mobilisation of social solidarity // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 49–72.
- Reid S. A., Hogg M. A.* Uncertainty reduction, self-enhancement, and in-group identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. V. 31. P. 804–817.
- Reis H. T., Jackson L. A.* Sex differences in reward allocation: subjects, partners and tasks // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. V. 40. P. 465–478.
- Rest J. R., Narvaez D., Thoma S. J., Bebeau M. J.* A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journal of Moral Education*. 2000. V. 29. P. 381–395.
- Rhoades L., Eisenberger R., Armeli S.* Affective commitment to the organization: the contribution of perceived organizational support // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 825–836.
- Riederer B., Mikula G., Bodi O.* Social comparisons and evaluations of justice looking for evidence of causal associations // *Social Psychology*. 2009. V. 40. P. 181–191.
- Riketta M.* "Who identifies with which group?" The motive-feature match principle and its limitations // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 715–735.
- Riolli L., Savicki V.* Impact of fairness, leadership, and coping on strain, burnout, and turnover in organizational change // *International Journal of Stress Management*. 2006. V. 13. P. 351–377.
- Roberson Q. M., Moye N. A., Locke E. A.* Identifying a missing link between participation and satisfaction: the mediating role of procedural justice perceptions // *Journal of Applied Psychology*. 1999. V. 84. P. 585–593.

- Roberson Q. M., Stewart M. M.* Understanding the motivational effects of procedural and informational justice in feedback processes // *British Journal of Psychology*. 2006. V. 97. P. 281–298.
- Roberts K., Markel K. S.* Claiming in the name of fairness: organizational justice and the decision to file for workplace injury compensation // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2001. V. 6. P. 332–347.
- Roccas S., Klar Y., Liviatan I.* The paradox of group-based guilt: modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. P. 698–711.
- Rodell J. B., Colquitt J. A.* Looking ahead in times of uncertainty: the role of anticipatory justice in an organizational change context // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P.989–1002.
- Rotenberg K. J., Gruman J. A., Ariganello M.* Behavioral confirmation of the loneliness stereotype // *Basic and Applied Social Psychology*. 2002. V. 24. P. 81–89.
- Rousseau V., Salek S., Aube C., Morin E. M.* Distributive justice, procedural justice, and psychological distress: the moderating effect of coworker support and work autonomy // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2009. V. 14. P. 305–317.
- Rubin Z., Peplau L. A.* Belief in a just world and reactions to another's lot: a study of participants in the National Draft Lottery // *Journal of Social Issues*. 1973. V. 29. P. 73–93.
- Rudman L. A., Borgida E., Robertson B. A.* Suffering in silence: procedural justice versus gender socialization issues in university sexual harassment grievance procedures // *Basic and Applied Social Psychology*. 1995. V. 17. P. 519–541.
- Rudman L. A., Phelan J. E., Heppen J. B.* Developmental sources of implicit attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. P. 1700–1713.
- Rupp D. E., Bell C. M.* Extending the deontic model of justice: moral self-regulation in third-party responses to injustice // *Business Ethics Quarterly*. 2010. V. 20. P. 89–106.
- Rupp D. E., Spencer S.* When customers lash out: the effects of customer interactional injustice on emotional labor and the mediating role of discrete emotions // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. P. 971–978.
- Rusbult C. E., Campbell M. A., Price M. E.* Rational selective exploitation and distress: employee reactions to performance based and mobility-based reward allocations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59. P. 1101–1110.
- Rusbult C. E., Insko C. A., Lin Y-H. W., Smith W. J.* Social motives underlying rational selective exploitation: the impact of instrumental versus social-emotional allocator orientation on the distribution of rewards in groups // *Journal of Applied Social Psychology*. 1990. V. 20. P. 984–1025.
- Russell A. M. T., Fiske S. T.* It's all relative: competition and status drive interpersonal perception // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 1193–1201.
- Rutland A., Brown R. J., Cameron L., Ahmavaara A., Arnold K., Samson J.* Development of the positive-negative asymmetry effect: in-group exclusion norm as a mediator of children's evaluations on negative attributes // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 171–190.
- Ryan M. K., David B., Reynolds K. J.* Who cares? The effect of gender and context on the self and moral reasoning // *Psychology of Women Quarterly*. 2004. V. 28. P. 246–255.
- Rydell R. J., McConnell A. R.* Understanding implicit and explicit attitude change: a systems of reasoning analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. P. 995–1008.
- Rydell R. J., McConnell A. R., Strain L. M., Claypool H. M., Hugenberg K.* Implicit and explicit attitudes respond differently to increasing amounts of counter-attitudinal information // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 867–878.
- Sabbagh C.* Toward a multifaceted model of the structure of social justice judgements. Initial explorations in Israel and Germany // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. V. 36. P. 74–95.
- Sabbagh C., Golden D.* Reflecting upon etic and emic perspectives on distributive justice // *Social Justice Research*. 2007. V. 20. P. 372–387.

- Saguy T., Dovidio J. F., Pratto F.* Beyond contact: intergroup contact in the context of power relations // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. V. 34. P. 432–445.
- Sahdra B., Ross M.* Group identification and historical memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. P. 384–395.
- Sassenberg K., Hansen N.* The impact of regulatory focus on affective responses to social discrimination // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 421–444.
- Schaubroeck J., May D. R., Brown F. W.* Procedural justice explanations and employee reactions to economic hardship: a field experiment // *Journal of Applied Psychology*. 1994. V. 79. P. 455–460.
- Schmitt M. T., Branscombe N. R., Silvia P. J., Garcia D. M., Spears R.* Categorizing at the group-level in response to intragroup social comparisons: A self-categorization theory integration of self-evaluation and social identity motives // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 297–314.
- Schmitt M., Dorfel M.* Procedural injustice at work, justice sensitivity, job satisfaction and psychosomatic well-being // *European Journal of Social Psychology*. 1999. V. 29. P. 443–454.
- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment*. 2005. V. 21. P. 202–211.
- Schmitt M., Mohiyeddini C.* Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real life disadvantage // *Social Justice Research*. 1996. V. 9. P. 223–238.
- Schmitt M., Neumann R., Montada L.* Dispositional sensitivity to befallen injustice // *Social Justice Research*. 1995. V. 8. P. 385–407.
- Schmitt M. T., Spears R., Branscombe N. R.* Constructing a minority group identity out of shared rejection: the case of international students // *European Journal of Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 1–12.
- Scholer A. A., Higgins E. T.* People as resources: exploring the functionality of warm and cold // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 1111–1120.
- Schroth H. A., Shah P. P.* Procedures: do we really want to know them? An examination of the effects of procedural justice on self-esteem // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85. P. 462–471.
- Schwartz S. H.* Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology* / Ed. by M. Zanna. Orlando, 1992.
- Schwinger T., Lamm H.* Justice norms in allocation decisions: need consideration as a function of resource adequacy for complete need satisfaction, recipients' contributions, and recipients' interpersonal attraction // *Social Behavior and Personality*. 1981. V. 9. P. 235–241.
- Scott B. A., Colquitt J. A., Paddock E. L.* An actor-focused model of justice rule adherence and violation: the role of managerial motives and discretion // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 756–769.
- Scott B. A., Colquitt J. A., Zapata-Phelan C. P.* Justice as a dependent variable: subordinate charisma as a predictor of interpersonal and informational justice perceptions // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 1597–1609.
- See K. E.* Reactions to decisions with uncertain consequences: reliance on perceived fairness versus predicted outcomes depends on knowledge // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96. P. 104–118.
- Shapiro D. L., Brett J. M.* Comparing three processes underlying judgments of procedural justice: a field study of mediation and arbitration // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. P. 1167–1177.
- Shaver K. G., Drown D.* On causality, responsibility, and self-blame: a theoretical note // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. V. 50. P. 697–702.
- Shaw J. C., Wild E., Colquitt J. A.* To justify or excuse?: A meta-analytic review of the effects of explanations // *Journal of Applied Psychology*. 2003. V. 88. P. 444–458.
- Sheppard B. H.* Justice is no simple matter: case for elaborating our model of procedural fairness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. V. 49. P. 953–962.
- Sibley C. G., Wilson V. S.* Political attitudes and the ideology of equality: differentiating support for liberal and conservative political parties in New Zealand // *New Zealand Journal of Psychology*. 2007. V. 36. P. 72–84.
- Siegel P. A., Post C., Brockner J., Fishman A. Y., Garden C.* The moderating influence of procedural fairness on the relationship between work –

- life conflict and organizational commitment // *Journal of Applied Psychology*. 2005. V. 90 P. 13–24.
- Siers B.* Relationships among organisational justice perceptions, adjustment, and turnover of United States-based expatriates // *Applied Psychology: an International Review*. 2007. V. 56. P. 437–459.
- Simon B., Loewy M., Sturmer S., Weber U., Kampmeier C., Freytag P., Habig C., Spahlinger P.* Collective identity and social movement participation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74. P. 646–658.
- Simon B., Sturmer S.* In search of the active ingredient of respect: A closer look at the role of acceptance // *European Journal of Social Psychology*. 2005. V. 35. P. 809–818.
- Simon B., Sturmer S.* Respect for group members: intragroup determinants of collective identification and group-serving behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 183–193.
- Simon B., Sturmer S., Steffens K.* Helping individuals or group members? The role of individual and collective identification in AIDS volunteerism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. V. 26. P. 497–506.
- Simon B., Trotschelz R., Dahne D.* Identity affirmation and social movement support // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 935–946.
- Sinclair A. L.* The effects of justice and cooperation on team effectiveness // *Small Group Research*. 2003. V. 34. P. 74–100.
- Sindic D., Reicher S. D.* ‘Our way of life is worth defending’: testing a model of attitudes towards superordinate group membership through a study of Scots’ attitudes towards Britain // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 114–129.
- Skarlicki D. P., Barclay L. J., Pugh D.* When explanations for layoffs are not enough: employer’s integrity as a moderator of the relationship between informational justice and retaliation // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2008. V. 81. P. 123–146.
- Skarlicki D. P., Ellard J. H., Kelln B. R. C.* Third-party perceptions of a layoff: procedural, derogation, and retributive aspects of justice // *Journal of Applied Psychology*. 1998. V. 83. P. 119–127.
- Skarlicki D. P., Folger R.* Retaliation in the workplace: the roles of distributive, procedural, and interactional justice // *Journal of Applied Psychology*. 1997. V. 82. P. 434–443.
- Skarlicki D. P., Latham G. P.* Increasing citizenship behavior within a labor union: a test of organizational justice theory // *Journal of Applied Psychology*. 1996. V. 81. P. 161–169.
- Skitka L. J.* Do the means always justify the ends, or do the ends sometimes justify the means? A value protection model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 588–597.
- Skitka L. J.* Of different minds: an accessible identity model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Review*. 2003. V. 7. P. 286–297.
- Skitka L. J., Mullen E.* Understanding judgments of fairness in a real-world political context: a test of the value protection model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 1419–1429.
- Smith E. R., Miller F. D.* Mediations among attributional inferences and comprehension processes: initial findings and general method // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 44. P. 492–505.
- Smith E. R., Murphy J., Coats S.* Attachment to groups: theory and measurement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 77. P. 94–110.
- Smith J. R., Terry D. J., Hogg M. A.* Social identity and the attitude-behaviour relationship: effects of anonymity and accountability // *European Journal of Social Psychology*. 2007. V. 37. P. 239–257.
- Son Hing L. S., Li W., Zanna M. P.* Inducing hypocrisy to reduce prejudicial responses among aversive racists // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. V. 38. P. 71–78.
- Spears R., Doosje B., Ellemers N.* Self-stereotyping in the face of threats to group status and distinctiveness: the role of group identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. V. 23. P. 538–553.
- Stahl T., Van Prooijen J.-W., Vermunt R.* On the psychology of procedural justice, reactions to procedures of ingroup vs. outgroup authorities // *European Journal of Social Psychology*. 2004. V. 34. P. 173–189.

- Stahl T., Vermunt R., Ellemers N.* Reactions to outgroup authorities' decisions: the role of expected bias, procedural fairness and outcome favorability // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2008. V. 11. P. 281–299.
- Stake J.E.* Factors in reward distribution allocator motive, gender and protestant ethic // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. V. 44. P. 410–418.
- Stangor C., Swim J.K., Sechrist G.B., De Coster J., Van Alien K.L., Ottenbreit A.* Ask, answer, and announce: three stages in perceiving and responding to discrimination // *European Review of Social Psychology*. 2003. V. 24. P. 277–311.
- Stapel D.A., Koomen W.* The impact of opposites: implications of trait inferences and their antonyms for person judgment // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2000. V. 36. P. 439–464.
- Stouten J., De Cremer D., Van Dijk E.* All is well that ends well, at least for proselves: emotional reactions to equality violation as a function of social value orientation // *European Journal of Social Psychology*. 2005. V. 35. P. 767–783.
- Streicher B., Jonas E., Maier G.W., Frey D., Woscher R., Warmer B.* Test of the construct and criteria validity of a German measure of organizational justice // *European Journal of Psychological Assessment*. 2007. V. 24. P. 131–139.
- Stroebe K., Ellemers N., Barreto M., Mummendey A.* For better or for worse: the congruence of personal and group outcomes on targets' responses to discrimination // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 576–591.
- Struthers C.W., Miller D.L., Boudens C.J., Briggs G.L.* Effects of causal attributions on coworker interactions: a social motivation perspective // *Basic and Applied Social Psychology*. 2001. V. 23. P. 169–181.
- Sturmer S., Simon B.* The role of collective identification in social movement participation: a panel study in the context of the German gay movement // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. V. 30. P. 263–277.
- Suitner C., Maass A.* The role of valence in the perception of agency and communion // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 1073–1082.
- Sutton R.M., Winnard E.J.* Looking ahead through lenses of justice: the relevance of just-world beliefs to intentions and confidence in the future // *British Journal of Social Psychology*. 2007. V. 46. P. 649–666.
- Swim J.K., Miller D.L.* White guilt: its antecedents and consequences for attitudes toward affirmative action // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. P. 500–514.
- Tabone C., Pardine P., Salzano J.* Why do women accept the rape myth? Poster presented at the annual meeting of the Eastern psychological association. Boston, 1992.
- Taylor D.M., Moghaddam F.M., Gamble I., Zellerer E.* Disadvantaged group responses to perceived inequality: from passive acceptance to collective action // *Journal of Social Psychology*. 1987. V. 127. P. 259–272.
- Tepper B.J., Lockhart D., Hoobler J.* Justice, citizenship, and role definition effects // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. P. 789–796.
- Thau S., Aquino K., Wittek R.* An extension of uncertainty management theory to the self: the relationship between justice, social comparison orientation, and antisocial work behaviors // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. P. 250–258.
- Thomson N.R.* Justice in the home: children's and adolescents' perceptions of the fair distribution of household chores // *Journal of Moral Education*. 2007. V. 36. P. 19–36.
- Todorov A., Uleman J.S.* Spontaneous trait inferences are bound to actors' faces: evidence from a false recognition paradigm // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. P. 1051–1065.
- Tomaka J., Blascovich J.* Effects of justice beliefs on cognitive appraisal of and subjective, physiological, and behavioral responses to potential stress // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 67. P. 732–740.
- Tobin S.J., Weary G.* An on-line look at automatic contrast and correction of behavior categorizations and dispositional inferences // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 1328–1338.
- Tornblom K.Y., Vermunt R.* Towards an integration of distributive justice, procedural justice, and social resource theories // *Social Justice Research*. 2007. V. 20. P. 312–335.

Townsend S. S. M., Major B., Sawyer P. J., Mendes W. B. Can the absence of prejudice be more threatening than its presence? It depends on one's worldview // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. V. 99. P. 933–947.

Traut-Mattausch E., Guter S., Zanna M. P., Jonas E., Frey D. When citizens fight back: justice sensitivity and resistance to political reform // *Social Justice Research*. 2011. V. 24. P. 25–42.

Tropp L. R. The psychological impact of prejudice: implications for intergroup contact // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2003. V. 6. P. 131–149.

Tyler T. R. Procedural justice, identity and deference to the law: what shapes rule-following in a period of transition? // *Australian Journal of Psychology*. 2009. V. 61. P. 32–39.

Tyler T. R. Psychological models of the justice motive: antecedents of distributive and procedural justice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 67. P. 850–863.

Tyler T. R. Restorative justice and procedural justice: dealing with rule breaking // *Journal of Social Issues*. 2006. V. 62. P. 307–326.

Tyler T. R. The psychology of procedural justice: a test of the group-value model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. V. 57. P. 830–838.

Tyler T. R. The role of perceived injustice in defendant's evaluation of their courtroom experience // *Law and Society Review*. 1984. V. 18. P. 51–74.

Tyler T. R. Using procedures to justify outcomes: testing the viability of a procedural justice strategy for managing conflict and allocating resources in work organizations // *Basic and Applied Social Psychology*. 1991. V. 12. P. 259–279.

Tyler T. R. Why citizens follow the law: procedural justice, legitimacy and compliance. Unpublished manuscript, Northwestern University, 1987.

Tyler T. R., Blader S. L. Identity and cooperative behavior in groups // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2001. V. 4. P. 207–226.

Tyler T. R., Degoey P. Collective restraint in social dilemmas: procedural justice and social identification effects on support for authorities // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. V. 69. P. 482–497.

Tyler T., Degoey P., Smith H. Understanding why the justice of group procedures matters: a test of the psychological dynamics of the group-value model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. V. 70. P. 913–930.

Tyler T. R., Folger R. Distributional and procedural aspects of satisfaction with citizen-police encounters // *Basic and Applied Social Psychology*. 1980. V. 1. P. 281–292.

Tyler T. R., Rasinski K. A., Spodick N. Influence of voice on satisfaction with leaders: exploring the meaning of process control // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. V. 48. P. 72–81.

Ullrich J., Christ O., van Dick R. Substitutes for procedural fairness: prototypical leaders are endorsed whether they are fair or not // *Journal of Applied Psychology*. 2009. V. 94. P. 235–244.

Van Beest I., Van Dijk E. Self-interest and fairness in coalition formation: a social utility approach to understanding partner selection and payoff allocations in groups // *European Review of Social Psychology*. 2007. V. 18. P. 132–174

Van den Bos K. On the subjective quality of social justice: the role of affect as information in the psychology of justice judgments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. V. 85. P. 482–498.

Van den Bos K., Burrows J. W., Umphress E., Folger R., Lavelle J. J., Eaglestone J., Gee J. Prior experiences as temporal frames of reference in social justice: the influence of previous fairness experiences on reactions to new and old supervisors // *Social Justice Research*. 2005. V. 18. P. 99–120.

Van den Bos K., Lind E. A. The psychology of own versus others' treatment: self-oriented and other-oriented effects on perceptions of procedural justice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. V. 27. P. 1324–1333.

Van den Bos K., Lind E. A., Vermunt R., Wilke H. A. M. How do I judge my outcome when I do not know the outcome of others? The psychology of the fair process effect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 72. P. 1034–1046.

Van den Bos K., Spruijt N. Appropriateness of decisions as a moderator of the psychology of voice // *European Journal of Social Psychology*. 2002. V. 32. P. 57–72.

- Van den Bos K., Van Prooijen J.-W.* Referent cognitions theory: the role of closeness of reference points in the psychology of voice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. V. 81. P. 616–626.
- Van den Bos K., Vermunt R., Wilke H.A.M.* Procedural and distributive justice: what is fair depends more on what comes first than on what comes next // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 72. P. 95–104.
- Van den Bos K., Vermunt R., Wilke H.A.M.* The consistency rule and the voice effect: the influence of expectations on procedural fairness judgments and performance // *European Journal of Social Psychology*. 1996. V. 26. P. 411–428.
- Van den Bos K., Miedema J., Vermunt R., Zwenk F.* A self-activation hypothesis of affective reactions to fair and unfair events: evidence for supraliminal and subliminal processes // *Social Justice Research*. 2011. V. 24. P. 6–24.
- Van Hiel A., Cornelis I., Roets A.* The intervening role of social world-views in the relationship between the five-factor model of personality and social attitudes // *European Journal of Personality*. 2007. V. 21. P. 131–148.
- Van Hiel A., De Cremer D., Stouten J.* The personality basis of justice: the five-factor model as an integrative model of personality and procedural fairness effects on cooperation // *European Journal of Personality*. 2008. V. 22. P. 519–539.
- Van Prooijen J.-W.* Procedural justice as autonomy regulation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96. P. 1166–1180.
- Van Prooijen J.-W.* Retributive versus compensatory justice: Observers' preference for punishing in response to criminal offenses // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 72–85.
- Van Prooijen J.-W., Gallucci M., Toeset G.* Procedural justice in punishment systems: Inconsistent punishment procedures have detrimental effects on cooperation // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 311–324.
- Van Prooijen J.-W., Karremans J.C., van Beest I.* Procedural justice and the hedonic principle: how approach versus avoidance motivation influences the psychology of voice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. P. 686–697.
- Van Prooijen J.-W., Van den Bos K., Wilke H.A.M.* Group belongingness and procedural justice: social inclusion and exclusion by peers affects the psychology of voice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 87. P. 66–79.
- Van Prooijen J.-W., van den Bos K., Wilke H.A.M.* Procedural justice and status: status salience as antecedent of procedural fairness effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. P. 1353–1361.
- Van Zomeren M., Lodewijkx H.F.M.* “Could this happen to me?”: threat-related state orientation increases position identification with victims of random, “senseless” violence // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 223–236.
- Verkooijen K.T., de Vries N.K., Nielsen G.A.* Youth crowds and substance use: the impact of perceived group norm and multiple group identification // *Psychology of Addictive Behavior*. 2007. V. 21. P. 55–61.
- Verkuyten M., Brug P.* Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic // *European Journal of Social Psychology*. 2004. V. 34. P. 647–661.
- Verkuyten M., Yildiz A.A.* National (dis)identification and ethnic and religious identity: a study among Turkish-Dutch muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. V. 33. P. 1448–1462.
- Viki G.T., Calitri R.* Infrahuman outgroup or suprahuman ingroup: the role of nationalism and patriotism in the infrahumanization of outgroups // *European Journal of Social Psychology*. 2008. V. 38. P. 1054–1061.
- Vuolevi J.H.K., Van Lange P.A.M.* Beyond the information given: the power of a belief in self-interest // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 26–34.
- Wagstaff G.F., Huggins J.P., Perfect T.J.* Equity, equality, and need in the adult family // *The Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. P. 439–443.
- Wagstaff G.F., Perfect T.* On the definition of inequity // *British Journal of Social Psychology*. 1992. V. 31. P.69–77.
- Wagstaff G.F., Worthington J.* Equity, relative need and allocations to zero-input workers // *The Journal of Social Psychology*. 1997. V. 137. P. 790–791.

- Walker L., LaTour S., Lind E. A., Thibaut J.* Reactions of participants and observers to modes of adjudication // *Journal of Applied Social Psychology*. 1974. V. 4. P. 295–310.
- Walker L., Lind E. A., Thibaut J.* The relation between procedural and distributive justice // *Virginia Law Review*. 1979. V. 65. P. 1001–1420.
- Walster E., Berscheid E., Walster G. W.* New directions in equity research // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz, T. Walster. N. Y., 1976. V. 9.
- Walton G. M., Cohen G. L.* A question of belonging: race, social fit, and achievement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. P. 82–96.
- Wark G. R., Krebs D. L.* Gender and dilemma differences in real-life moral judgment // *Developmental Psychology*. 1996. V. 32. P. 220–230.
- Wegge J., Van Dick R., Fisher G. K., Wecking C., Moltzen K.* Work motivation, organizational identification, and well-being in call centre work // *Work & Stress*. 2006. V. 20. P. 60–83.
- Weiss H. M., Suckow K., Cropanzano R.* Effects of justice conditions on discrete emotions // *Journal of Applied Psychology*. 1999. V. 84. P. 786–794.
- Wendorf C. A., Alexander S., Firestone I. J.* Social justice and moral reasoning: an empirical integration of two paradigms in psychological research // *Social Justice Research*. 2002. V. 15. P. 19–39
- Wenzel M.* A social categorisation approach to distributive justice // *European Review of Social Psychology*. 2004. V. 15. P. 219–257.
- Wenzel M.* A social categorization approach to distributive justice: Social identity as the link between relevance of inputs and need for justice // *British Journal of Social Psychology*. 2001. V. 40. P. 315–335.
- Wenzel M.* Justice and identity: the significance of inclusion for perceptions of entitlement and the justice motive // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. V. 26. P. 157–176.
- Wenzel M.* The impact of outcome orientation and justice concerns on tax compliance: the role of taxpayers' identity // *Journal of Applied Psychology*. 2002. V. 87. P. 629–645.
- Wenzel M.* What is social about justice? Inclusive identity and group values as the basis of the justice motive // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. V. 38. P. 205–218.
- Wenzel M., Jobling P.* Legitimacy of regulatory authorities as a function of inclusive identification and power over ingroups and outgroups // *European Journal of Social Psychology*. 2006. V. 36. P. 239–258.
- Wenzel M., Okimoto T. G.* How acts of forgiveness restore a sense of justice: addressing status/power and value concerns raised by transgressions // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 401–417.
- Wenzel M., Okimoto T. G., Feather N. T., Platow M. J.* Justice through consensus: shared identity and the preference for a restorative notion of justice // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 909–930.
- Whathey M. A.* Belief in a Just World Scale: unidimensional or multidimensional? // *The Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. P. 547–551.
- White J., Manolis C.* Individual differences in ethical reasoning among law students // *Social Behavior and Personality*. 1997. V. 25. P. 19–48.
- Wijn R., Van Den Bos K.* Toward a better understanding of the justice judgment process: the influence of fair and unfair events on state justice sensitivity // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 1294–1301.
- Wildschut T., Insko C. A.* Explanations of interindividual–intergroup discontinuity: a review of the evidence // *European Review of Social Psychology*. 2007. V. 18. P. 175–211.
- Williams S., Pitre R., Zainuba M.* Justice and organizational citizenship behavior intentions: fair rewards versus fair treatment // *The Journal of Social Psychology*. 2002. V. 142. P. 33–44.
- Wilson T. D., Lindsey S., Schooler T. Y.* A model of dual attitudes // *Psychological Review*. 2000. V. 107. P. 101–126.
- Witt L. A., Broach D.* Exchange ideology as a moderator of the procedural justice-satisfaction relationship // *The Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. P. 97–103.
- Woolard J. L., Harvell S., Graham S.* Anticipatory injustice among adolescents: age and racial/ethnic differences in perceived unfairness of the justice system // *Behavioral Sciences and the Law*. 2008. V. 26. P. 207–226.

Приложения

- Wright C. W., Sablinski C. J. Procedural justice, mood, and prosocial personality influence on organizational citizenship behavior // North American Journal of Psychology. 2008. V. 10. P. 397–412.
- Wright E. F., Luus C. A. E., Christie S. D. Does group discussion facilitate the use of consensus in formation in making causal attribution? // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. P. 251–269.
- Xie J. L., Schaubroeck J., Lam S. S. K. Theories of job stress and the role of traditional values: a longitudinal study in China // Journal of Applied Psychology. 2008. V. 93. P. 831–848.
- Ybarra O., Chan E., Park H., Burnstein E., Monin B., Stanik C. Life's recurring challenges and the fundamental dimensions: an integration and its implications for cultural differences and similarities // European Journal of Social Psychology. 2008. V. 38. P. 1083–1092.
- Yang J., Mossholder K. W., Peng T. K. Procedural justice climate and group power distance: an examination of cross-level interaction effects // Journal of Applied Psychology. 2007. V. 92. P. 681–692.
- Zellars K. L., Tepper B. J., Duffy M. K. Abusive supervision and subordinates' organizational citizenship behavior // Journal of Applied Psychology. 2002. V. 87. P. 1068–1076.
- Zhang A., Xia F., Li C. The antecedents of help giving Chinese culture: attribution, judgement of responsibility, expectation change and the reaction of affect // Social Behavior and Personality. 2007. V. 35. P. 135–142.
- Zitek E. M., Jordan A. H., Monin B., Leach F. R. Victim entitlement to behave selfishly // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. V. 98. P. 245–255.

Приложение 1. Справедливость политических выборов

Опросник для изучения оценки справедливости выборов

Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов, связанных с вашей оценкой нынешних выборов президента. Для этого укажите, насколько вы согласны с каждым из утверждений. Сначала решите, согласны вы или нет, а потом оцените, насколько сильно выражено это отношение: «3» у соответствующего полюса означает «сильно выражено», «2» – умеренно, «1» – слабо; «0» означает, что вы не имеете определенного мнения.

	Не согласен (не согласна)			Не знаю	Согласен (согласна)		
	3	2	1	0	1	2	3
В ходе предвыборной кампании я имею возможность выразить свои мысли и чувства относительно разных кандидатов в президенты							
Я могу повлиять на исход выборов президента							
Процедура проведения предвыборной кампании одинакова для всех кандидатов в президенты							
В ходе предвыборной агитации все кандидаты в президенты обладают равными правами и возможностями							
В ходе предвыборной кампании избиратели имеют возможность получить полную и точную информацию обо всех кандидатах в президенты							
Результаты выборов президента могут быть оспорены в суде							
Ход предвыборной кампании соответствует основным этическим нормам							
Президентом станет самый достойный кандидат							

Оцените справедливость выборов президента по 7-балльной шкале, где 7 – абсолютно справедливые, а 1 – абсолютно несправедливые: ... (ваша оценка)

Опросник для изучения идентификации со сторонниками определенного кандидата/партии

Ответьте, пожалуйста, выбрав цифру от 1 до 7, где 1 – полностью не согласен (не согласна), 7 – полностью согласен (согласна).

1. Я считаю себя сторонником партии (имя кандидата или партии) ...
2. Для меня важно, что я – сторонник (имя кандидата или партии) ...
3. Мне нравится быть сторонником (имя кандидата или партии) ...
4. У меня много общего с другими сторонниками (имя кандидата или партии) ...
5. Я чувствую связь с другими сторонниками (имя кандидата или партии) ...
6. Я общаюсь с другими сторонниками (имя кандидата или партии) в свободное время ...
7. Я считаю, что сторонники (имя кандидата или партии) заслуживают уважения ...
8. Я идентифицирую себя с другими сторонниками (имя кандидата или партии) ...

Приложение 2. Опросник для измерения организационной справедливости Дж. Колкитта (в адаптации О. А. Гулевич и В. Ф. Спиридонова)

Вспомните, пожалуйста, как вас аттестовывали в последний раз. Оцените степень своего согласия с каждым из утверждений.

	Полностью не согласен	Не согласен	Не уверен	Согласен	Полностью согласен
Оцените процедуру аттестации					
1. В ходе этой процедуры вы могли выразить свое отношение к ней	1	2	3	4	5
2. Вы могли повлиять на результат, полученный в ходе этой процедуры	1	2	3	4	5
3. Процедура для вас и ваших коллег была одинаковой	1	2	3	4	5
4. В ходе процедуры к вам относились без предубеждения	1	2	3	4	5
5. Процедура позволила собрать полную и точную информацию об уровне ваших знаний и умений	1	2	3	4	5
6. Вы могли обжаловать результат, полученный в ходе этой процедуры	1	2	3	4	5
7. Процедура соответствовала этическим и моральным нормам	1	2	3	4	5
Оцените результат, который вы получили					
8. Ваши результаты соответствуют усилиям, которые вы приложили в ходе аттестации	1	2	3	4	5
9. Ваши результаты соответствуют работе, которую вы проделали в ходе аттестации	1	2	3	4	5
10. Ваши результаты соответствуют вашим способностям	1	2	3	4	5
11. Ваши результаты соответствуют вашим знаниям и умениям	1	2	3	4	5
Оцените действия человека, который проводил аттестацию					
12. Он/она был(а) вежлив(а) с вами	1	2	3	4	5
13. Он/она позволил(а) вам сохранить чувство собственного достоинства	1	2	3	4	5
14. Он/она общался/ась с вами уважительно	1	2	3	4	5
15. Он/она воздержался/ась от обидных замечаний в ваш адрес	1	2	3	4	5
16. Он/она описал(а) вам процедуру тщательным образом	1	2	3	4	5
17. Его/ее объяснения по поводу процедуры были понятными	1	2	3	4	5
18. Он/она своевременно объяснил(а) вам необходимые детали	1	2	3	4	5
19. Выбирая способ объяснения, он/она учел/ла ваши индивидуальные особенности	1	2	3	4	5
20. Он/она следовал(а) процедуре, которую вам описали	1	2	3	4	5

Приложение 3. Опросник для изучения атрибуции черт человеку, совершившему справедливый / несправедливый поступок

Добрый день! Просим вас принять участие в исследовании, посвященном представлениям о справедливости. Нам очень важно узнать ваше *личное* мнение. Анкеты анонимны, ваши ответы будут использованы только в исследовательских целях. Благодарим за оказанную помощь!

Вспомните ситуацию, когда по отношению к вам поступили **справедливо**, и опишите ее. Что произошло?

...

Оцените справедливость этой ситуации по 10-балльной шкале, где 10 – абсолютно справедливо, а 1 – абсолютно несправедливо: ... (ваша оценка)

Как вы думаете, почему это произошло? Напишите все причины, которые приходят вам в голову.

...

Охарактеризуйте человека, совершившего этот справедливый поступок, с помощью приведенных ниже качеств. Для этого внимательно прочтите каждое качество и оцените, насколько сильно оно выражено у этого человека, по 7-балльной шкале: «7» означает, что качество выражено в максимальной степени, а «1» – в минимальной. Каждый раз выбирайте *только один* вариант ответа.

эрудированный	1 2 3 4 5 6 7	умный	1 2 3 4 5 6 7
дружелюбный	1 2 3 4 5 6 7	общительный	1 2 3 4 5 6 7
целеустремленный	1 2 3 4 5 6 7	трудолюбивый	1 2 3 4 5 6 7
добрый	1 2 3 4 5 6 7	отзывчивый	1 2 3 4 5 6 7
профессионально компетентный	1 2 3 4 5 6 7	способный	1 2 3 4 5 6 7
вежливый	1 2 3 4 5 6 7	тактичный	1 2 3 4 5 6 7
предприимчивый	1 2 3 4 5 6 7	деловитый	1 2 3 4 5 6 7
гуманный	1 2 3 4 5 6 7	бескорыстный	1 2 3 4 5 6 7

Оцените, насколько вам нравится этот человек. Сначала решите, нравится он вам или нет, а потом оцените, насколько сильно выражено это отношение: «3» у соответствующего полюса означает «сильно выражено», «2» – умеренно, «1» – слабо; «0» означает, что человек вам безразличен.

нравится 3 2 1 0 1 2 3 не нравится

Приложение 4. Опросник для изучения атрибуции ответственности за справедливые и несправедливые поступки

Добрый день!

Просим вас принять участие в исследовании, посвященном представлениям о справедливости. Нам очень важно узнать ваше *личное мнение*. Анкеты анонимны, ваши ответы будут использованы только в исследовательских целях. Благодарим за оказанную помощь!

1. Вспомните ситуацию, когда **вы поступили несправедливо** по отношению к своему знакомому или другу, не связанному с вами деловыми или учебными отношениями. Опишите ее.

Когда и где это произошло? ...

Что вы сделали? ...

Почему вы так поступили? ...

Какие мысли приходили вам в голову во время совершения поступка? ...

Какие чувства вы испытывали? ...

Чем все закончилось? ...

Оцените справедливость этой ситуации по 10-балльной шкале, где 10 – абсолютно справедливо, а 1 – абсолютно несправедливо: ... (ваша оценка)

Оцените, насколько вы согласны с каждым из утверждений, описывающих эту ситуацию. Каждый раз вы сможете выбрать один из семи вариантов ответа:

Совершенно согласен – 7

Согласен – 6

Скорее согласен, чем не согласен – 5

Не знаю – 4

Скорее не согласен, чем согласен – 3

Не согласен – 2

Совершенно не согласен – 1

Поставьте напротив каждого утверждения цифру, соответствующую выбранному вами варианту ответа.

Причина моего поступка кроется во мне – моих индивидуальных особенностях или эмоциональном состоянии ...

Причина моего поступка кроется в моем знакомом/друге – его индивидуальных особенностях, эмоциональном состоянии или поведении ...

Мой знакомый/друг мог предвидеть мой поступок ...

Я мог предвидеть последствия своих действий ...

Я мог контролировать происходящее ...

Мой знакомый/друг мог контролировать происходящее ...

Я действовал намеренно ...

Я несу полную ответственность за произошедшее ...

Мой знакомый/друг несет полную ответственность за произошедшее ...

2. Вспомните ситуацию, когда **вы поступили несправедливо** по отношению к своему коллеге по работе или однокурснику. Опишите ее.

Когда и где это произошло? ...

Что вы сделали? ...

Почему вы так поступили? ...

Какие мысли приходили вам в голову во время совершения поступка? ...

Какие чувства вы испытывали? ...

Чем все закончилось? ...

Оцените справедливость этой ситуации по 10-балльной шкале, где 10 – абсолютно справедливо, а 1 – абсолютно несправедливо: ... (ваша оценка)

Оцените, насколько вы согласны с каждым из утверждений, описывающих эту ситуацию. Каждый раз вы сможете выбрать один из семи вариантов ответа:

Совершенно согласен – 7

Согласен – 6

Скорее согласен, чем не согласен – 5

Не знаю – 4

Скорее не согласен, чем согласен – 3

Не согласен – 2

Совершенно не согласен – 1

Поставьте напротив каждого утверждения цифру, соответствующую выбранному вами варианту ответа.

Причина моего поступка кроется во мне – моих индивидуальных особенностях или эмоциональном состоянии ...

Причина моего поступка кроется в моем коллеге/однокурснике – его индивидуальных особенностях, эмоциональном состоянии или поведении ...

Мой коллега/однокурсник мог предвидеть мой поступок ...

Я мог предвидеть последствия своих действий ...

Я мог контролировать происходящее ...

Мой коллега/однокурсник мог контролировать происходящее ...

Я действовал намеренно ...

Я несу полную ответственность за произошедшее ...

Мой коллега/однокурсник несет полную ответственность за произошедшее ...

